

АРБИТРАЖНЫЕ СПОРЫ

Журнал
Арбитражного суда
Северо-Западного округа

№ 4(100)
июль-сентябрь 2022 г.

Зарегистрирован Роскомнадзором.
Свидетельство ЭЛ № ФС77-81594
от 06.08.21

Учредитель —
Арбитражный суд
Северо-Западного округа

Редакционный совет:
С. Ф. Маркин (председатель)
С. В. Соколова
А. Е. Филиппов
А. Е. Кузнецов
В. А. Филиппова
Ответственная за выпуск —
В. А. Филиппова

Издательство и редакция:
ООО «КАДИС»
Гл. редактор — А. Е. Кузнецов
Исп. редактор — А. В. Пилипенко

Санкт-Петербург,
10-я Красноармейская ул., 17
Тел.: +7 (812) 493-54-66
www.arbspor.ru
e-mail: publish@arbspor.ru

Подписка — Л. П. Горбунова
Тел.: +7 (812) 313-01-17
e-mail: fas@kadis.ru

Колонка редактора

Дни поздней осени бранят обыкновенно...

А. С. Пушкин

Тоскливый вид за окном часто навеивает грустные мысли. Но скоро сменится и эта картинка, выпадет снег, придет зима со своими радостями. Тем и прекрасен круговорот времен года, когда череда рождает разные настроения, а порой и новые творческие идеи.

Наш журнал движется от номера к номеру, пытаюсь стать для вас, дорогие наши читатели, лучше, интереснее, актуальнее.

Сегодня мы представляем юбилейный 100-й выпуск. Последний в этом году номер журнала получился достаточно разнообразным по тематике, и для каждого читателя найдется материал по душе и интересу.

Предлагаем вам поразмышлять над вопросами, возникающими при рассмотрении споров, связанных с применением лесного законодательства и законодательства о страховании, поговорить о защите делового решения и о тенденциях развития электронных доказательств, обсудить проблематику истребования доказательств у процессуального оппонента.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает статья на ставшую актуальной после 21 сентября 2022 года тему применения арбитражного процессуального законодательства в связи с частичной мобилизацией.

Как всегда в фокусе внимания банкротство, и сегодня мы публикуем несколько материалов, посвященных этому разделу права.

Полезного чтения!

Оглавление

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. АНАЛИЗ

Кудин Андрей Геннадьевич

О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением лесного законодательства 3

Михайловская Елена Анатольевна, Малышева Дарья Денисовна

Отдельные вопросы судебной практики, связанной с применением законодательства о страховании 15

Трохова Мария Владимировна, Нарижний Артём Сергеевич

О некоторых особенностях оспаривания в деле о банкротстве сделок должника, связанных с исполнением кредитных обязательств 45

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Борисенко Дмитрий Романович, Терещенко Татьяна Алексеевна

Защита делового решения: проблемы и стандарты применения 75

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Ячменёв Георгий Григорьевич

Проблемы применения арбитражного процессуального законодательства, связанные с частичной мобилизацией 86

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кудинова Мария Сергеевна

Защита прав кредитора от возможных злоупотреблений правом со стороны должника и финансового управляющего в деле о банкротстве физического лица 130

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Дзыбал Максим Антонович

Обращение взыскания на объекты исключительных прав при банкротстве предприятия 192

ДЕБЮТ

Орехова Дарья Владимировна

Тенденции развития электронных доказательств в гражданском процессе 203

Шматков Леонид Михайлович

Проблематика истребования доказательств у процессуального оппонента и возможные варианты решения 214

О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением лесного законодательства

Кудин Андрей Геннадьевич

Судья Арбитражного суда Северо-Западного округа

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения лесного законодательства, возникающие в практике Арбитражного суда Северо-Западного округа. В частности, внимание читателя обращено на исключительно судебную процедуру изменения условий заключенного по результатам торгов договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, а также на возможность использования арендодателем судебного порядка понуждения к надлежащему исполнению договора.

Ключевые слова: договор аренды лесного участка, многоцелевое использование лесного участка.

Поводом для написания данной статьи стало достаточно большое количество споров в сфере лесных отношений.

Предметами судебных тяжб, связанных с применением лесного законодательства, как правило, являются заключение, изменение условий, а также прекращение договоров аренды лесного участка, взыскание задолженности и, напротив, взыскание излишне перечисленной платы и процентов за пользование чужими денежными средствами, взыскание неосновательного обогащения, понуждение к исполнению обязательств в натуре, применение последствий недействительности ничтожной сделки, взыскание ущерба, причиненного лесам. Нередки случаи заявления исков со сложным предметом требований.

Настоящая работа основана на результатах анализа практики рассмотрения Арбитражным судом Северо-Западного округа (далее — АС СЗО) дел, связанных с применением Лесного кодекса Российской Федерации (далее — Лесной кодекс, ЛК РФ), в период с 2019 года по август 2022 года и отражает наиболее важные и актуальные вопросы правоприменения по предмету исследования, которые объединены в группы.

Изменение сторонами размера арендной платы, определенной на торгах, в отсутствие установленных законом оснований — ничтожная сделка

Согласно части 4 статьи 71 ЛК РФ к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — Гражданский кодекс, ГК РФ) и Земельным кодексом Российской Федерации (далее — Земельный кодекс, ЗК РФ), если иное не установлено Лесным кодексом.

В силу пункта 1 статьи 614 ГК РФ порядок, условия и сроки внесения арендной платы определяются договором аренды.

Как указано в статье 73 ЛК РФ, размер арендной платы определяется на основе минимального размера арендной платы, устанавливаемого в соответствии с частями 2, 3 и 4 данной статьи (часть 1).

При использовании лесного участка с изъятием лесных ресурсов минимальный размер арендной платы определяется как произведение ставки платы за единицу объема лесных ресурсов и объема изъятия лесных ресурсов на арендуемом лесном участке (часть 2).

Для аренды лесного участка, находящегося в федеральной собственности, собственности субъекта Российской Федерации, муниципальной собственности, ставки платы за единицу объема лесных ресурсов и ставки платы за единицу площади лесного участка устанавливаются соответственно Правительством Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления (часть 4).

В соответствии с частью 1 статьи 78 ЛК РФ (в редакции Федерального закона от 22.07.08 № 143-ФЗ) договоры аренды лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, заключаются по результатам аукционов, проводимых путем повышения начальной цены предмета аукциона (начального размера арендной платы).

В пункте 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.11 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (далее — постановление № 73) разъяснено, что по смыслу пункта 4 статьи 447 ГК РФ по договору аренды государственного или муниципального имущества размер арендной платы, определяемый по результатам проведения торгов, не является регулируемым. Исходя из этого, в тех случаях, когда по результатам торгов определяется ставка арендных платежей, уплачиваемых периодически (торги на повышение ставки арендной платы), регулируемая арендная плата не применяется.

Федеральным законом от 29.06.15 № 206-ФЗ глава 6 Лесного кодекса дополнена статьей 74.1, согласно которой изменение и расторжение договора

аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляются в соответствии с Гражданским кодексом, Земельным кодексом и Лесным кодексом (часть 1).

Изменение условий договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключенного по результатам торгов, не допускается, за исключением случаев изменения целевого назначения или разрешенного использования лесов, существенного изменения параметров использования лесов (возрасты рубок, расчетная лесосека, сроки использования лесов) или существенного изменения обстоятельств, из которых стороны договора аренды лесного участка исходили при его заключении, если такое изменение обстоятельств возникло вследствие природных явлений (лесных пожаров, ветровалов, наводнений и других стихийных бедствий) и стало основанием для внесения изменений в государственный лесной реестр (часть 2 в редакции Федерального закона от 30.12.15 № 455-ФЗ).

Договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключенный по результатам торгов, может быть изменен по решению суда в случае существенного изменения количественных и качественных характеристик такого лесного участка (часть 3).

... Министерство природных ресурсов и экологии Республики Карелия (далее — Минприроды Республики Карелия) обратилось в арбитражный суд с иском о признании недействительными положений об уточнении размера арендной платы, содержащихся в приложении № 4 к договору аренды лесного участка, а также о применении последствий недействительности ничтожной сделки в виде взыскания с ответчика 16 425 108 рублей задолженности по арендной плате за период с 2015 по 2018 год.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении исковых требований отказано.

Постановлением АС СЗО судебные акты судов первой и апелляционной инстанций отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела Минприроды Республики Карелия, уточнив исковые требования, просило признать недействительными положения об уточнении размера арендной платы, содержащиеся в приложении № 4 к договору аренды лесного участка, и взыскать с ответчика задолженность по арендной плате за период с 11.03.16 по 31.12.18 в сумме 14 585 105 рублей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и постановлением АС СЗО, в удовлетворении иска отказано (дело № А26-2243/2019).

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 01.02.22 № 307-ЭС20-12620 судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение.

Экономическая коллегия руководствовалась статьями 168, 614 ГК РФ, статьями 71, 73, 74.1, 78 ЛК РФ, разъяснениями, изложенными в пункте 18 постановления № 73, и исходила из того, что ежегодное изменение сторонами спора размера арендной платы путем соответствующего изменения редакции приложения № 4 к договору является ничтожной сделкой, а арендная плата подлежит начислению в соответствии с условиями договора, определенными по результатам проведения конкурентной процедуры — аукциона.

... В другом деле с аналогичным предметом суды исходили из ничтожности условия об уточнении размера арендной платы, предусмотренного приложением № 4 к договору аренды, которое фактически влечет изменение размера арендной платы в сторону его уменьшения по сравнению с ценой, определенной по результатам торгов, и, руководствуясь названными выше нормативными положениями, исковые требования удовлетворили (дело № А26-3943/2019).

Определением ВС РФ от 29.12.21 № 307-ЭС21-25367 в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано.

Процедура изменения условий заключенного по результатам торгов договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.03.21 № 307-ЭС20-17553 по делу № А56-45936/2019 о взыскании излишне перечисленной по договорам аренды лесных участков арендной платы, исходя из толкования положений статьи 74.1 ЛК РФ, действовавших в период подписания сторонами дополнительных соглашений к означенным договорам, сделан вывод о том, что внесение изменений в договор аренды, заключенный по итогам торгов, стало возможным в судебном порядке и при наличии установленных законом оснований, а также разъяснено, что внесение изменений в договор аренды относительно количественных и качественных характеристик лесных участков и зависящих от данных показателей целей и объемов лесопользования, в том числе санитарных рубок, возможно также только по решению суда.

Судебный контроль позволит предотвратить злоупотребления при осуществлении лесопользования (в том числе предотвратить вырубку ликвидной

древесины под видом сплошной санитарной рубки), проверить наличие и отсутствие оснований, с которыми законодатель связывает возможность внесения изменений в договор, соблюдение установленного нормами лесного законодательства порядка осуществления защитных (санитарных) мероприятий, размещение информации об актах лесопатологического обследования на официальном сайте уполномоченного органа в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направление такой информации в территориальные органы Федерального агентства лесного хозяйства с целью контроля за достоверностью сведений о санитарном и лесопатологическом состоянии лесов, предусмотренных актами лесопатологических обследований, и обоснованностью мероприятий, указанных в актах.

Данный подход экономической коллегии стал одним из оснований для отмены актов трех судебных инстанций: «Суды, делая вывод о том, что истец переплатил за аренду, поскольку при расчете арендной платы за объемы древесины, вырубленной обществом при проведении сплошных санитарных рубок, необходимо было корректировать ставки, установленные постановлением Правительства Российской Федерации от 22.05.07 № 310 „О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности“, путем их умножения на понижающие коэффициенты, предусматривающие степень повреждения лесных насаждений, не учли, что спорные дополнительные соглашения, изменяющие условия договоров в части целей, объемов и оплаты лесопользования, заключены сторонами во внесудебном порядке».

До указанного определения экономической коллегии в суде округа имел место подход, допускающий иное толкование приведенных выше нормативных положений: возможность изменения условий договора по соглашению сторон при наличии обстоятельств, перечисленных в части 2 статьи 74.1 ЛК РФ (дело № А56-96367/2018).

Понуждение к надлежащему исполнению договора аренды лесного участка в судебном порядке

Проект освоения лесов, согласно частям 1, 2 статьи 89 ЛК РФ, подлежит государственной или муниципальной экспертизе в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Государственная экспертиза проектов освоения лесов проводится уполномоченным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, за исключением случаев, установленных частями 3 и 4 названной статьи.

Указанные положения лесного законодательства, предписывающие пользователям лесных участков составлять проект освоения лесов, носят императивный характер, не содержат в себе исключений и не ставят необходимость исполнения данной обязанности в зависимость от того или иного вида лесопользования или цели предоставления лесных участков.

... Так, Комитет по природным ресурсам Ленинградской области (далее — комитет) обратился в арбитражный суд с иском к товариществу собственников недвижимости (далее — товарищество) об обязании в течение трех месяцев с момента вступления решения суда в законную силу разработать проект освоения лесов в отношении лесного участка, предоставленного по договору аренды, и получить на него положительное заключение государственной экспертизы.

Как следует из материалов дела, между комитетом (арендодатель) и товариществом (арендатор) заключен договор аренды лесного участка.

Подпунктом «в» пункта 13 договора установлено, что арендатор обязан в установленном порядке разработать и представить арендодателю проект освоения лесов с положительным заключением государственной или муниципальной экспертизы.

Невыполнение товариществом данной обязанности послужило основанием для обращения комитета в арбитражный суд с названным иском.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска, посчитав, что избранный истцом способ защиты права не приведет к реальному исполнению принятого решения и восстановлению нарушенных прав. Суды исходили из того, что возможность понуждения арендатора представить проект освоения лесов с положительным заключением государственной экспертизы законом не предусмотрена, договором порядок его подготовки не согласован.

Суд округа не согласился с выводами судов, указав, что положения лесного законодательства, предписывающие пользователям лесных участков составлять проект освоения лесов, носят императивный характер, не содержат исключений и не ставят необходимость исполнения данной обязанности в зависимость от того или иного вида лесопользования или цели предоставления лесных участков.

Выводы судов об избрании истцом ненадлежащего способа защиты суд кассационной инстанции счел ошибочными ввиду неправильного толкования нормы статьи 12 ГК РФ и принципа реального исполнения обязательства. Поскольку правоотношения по пользованию лесным участком, составляющим объект аренды, регулируются не только нормами Гражданского кодекса, но и положениями Лесного кодекса, арендодатель вправе избрать тот способ защиты, который приведет к восстановлению его нарушенных прав (дело № А56-56614/2020).

К аналогичным выводам суд округа пришел при рассмотрении *дел № А56-6526/2020, А56-46550/2020, А56-46547/2020* и др.

... В другом деле, исходя из того, что учреждение не исполнило предусмотренные лесным законодательством обязанности по лесовосстановлению, суд округа, руководствуясь пунктом 4 части 1 статьи 21, частью 1 статьи 45, пунктом 2 части 2 статьи 61, статьей 62, частью 1 статьи 63.1 ЛК РФ в редакции Федерального закона от 02.07.21 № 303-ФЗ, пунктом 5 Правил выполнения работ по лесовосстановлению или лесоразведению лицами, использующими леса в соответствии со статьями 43–46 Лесного кодекса Российской Федерации, и лицами, обратившимися с ходатайством или заявлением об изменении целевого назначения лесного участка, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 07.05.19 № 566 (далее — Правила № 566), Правилами лесовосстановления, состава проекта лесовосстановления, порядка разработки проекта лесовосстановления и внесения в него изменений, утвержденными приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 04.12.20 № 1014, отменил судебные акты нижестоящих судов, признал обоснованными и удовлетворил требования Департамента лесного комплекса Вологодской области о возложении на ответчика обязанности в срок до 15.09.21 выполнить работы по лесовосстановлению на площади земельного участка, равной 2,1158 га, в порядке, предусмотренном Правилами № 566 (*дело № А13-7432/2021*).

Определением ВС РФ от 20.05.22 № 307-ЭС22-6353 в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано.

Такой же подход использован судом округа в *деле № А13-17881/2020; определением ВС РФ от 20.05.22 № 307-ЭС22-6189* в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано.

... В *деле № А26-7347/2021* судом округа поддержана позиция нижестоящих судов об удовлетворении иска Минприроды Республики Карелия о понуждении ответчика произвести очистку лесосеки от порубочных остатков в объеме 0,035 га.

Субъект ответственности по делам о взыскании ущерба, причиненного лесам

Юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального

использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством (пункт 1 статьи 77 Федерального закона от 10.01.02 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Возмещение вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, осуществляется добровольно или в судебном порядке (часть 1 статьи 100 ЛК РФ).

Имущественная ответственность за лесонарушения регулируется общими правилами об основаниях ответственности, установленными статьей 1064 ГК РФ, согласно пункту 1 которой вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

По общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ).

В пункте 33 постановления Пленума ВС РФ от 18.10.12 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» разъяснено, что гражданско-правовая (имущественная) ответственность за вред, причиненный окружающей среде, может возникнуть в результате нарушения договора в сфере природопользования (например, договора аренды лесного участка), а также в результате внедоговорного (деликтного) причинения вреда.

Согласно пункту 12 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (пункт 2 статьи 15 ГК РФ).

В силу абзаца первого статьи 1080 ГК РФ лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно.

В соответствии с пунктом 9 постановления Пленума ВС РФ от 30.11.17 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее — постановление № 49) лица, совместно причинившие вред окружающей среде, отвечают солидарно (абзац первый статьи 1080 ГК РФ). О совместном характере таких действий могут свидетельствовать их согласованность, скоординированность и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения. Так, к солидарной ответственности могут быть привлечены заказчик, поручивший выполнение работ, которые причиняют вред окружающей среде, и подрядчик, фактически их

выполнивший. Заказчик может быть освобожден от ответственности, если докажет, что подрядчик при выполнении работ вышел за пределы данного ему заказчиком задания.

С учетом приведенных нормативных положений и разъяснений суды, принимая во внимание фактические обстоятельства дела, возлагают имущественную ответственность на арендатора, субарендатора, подрядчика либо солидарно.

... Так, по одному из дел судом округа поддержана позиция судов по взысканию ущерба именно с арендатора.

В рассматриваемом случае судами первой и апелляционной инстанций установлено, что незаконная рубка произведена работниками индивидуального предпринимателя, производившими лесосечные работы в спорной делянке. Причиной рубки деревьев за пределами отвода лесосеки послужило то, что на лесном участке имелись две линии границ, отмеченные специалистом арендатора, одна из которых являлась ошибочной. При этом наличие двух визирных линий на схеме технологической карты не отражено, а имеется волнистая линия, сущность которой в условных обозначениях схемы не расшифрована. При изменении границы делянки столбы лесосеки не передвинуты и находятся на углах делянки согласно первоначальным границам, новые точки при изменении границы не обозначены. Кроме того, судами установлено, что перед началом выполнения работ по договору подряда арендатор не ознакомил работников предпринимателя с технологической картой лесосечных работ (дело № А13-15146/2019).

... Другое дело по иску о взыскании ущерба, причиненного лесному фонду, суд округа направил на новое рассмотрение.

В данном деле суды признали, что требование о возмещении ущерба подлежит удовлетворению за счет подрядчика.

Суд кассационной инстанции, руководствуясь приведенными выше правилами, отменил судебные акты. Суд указал на немотивированность вывода о причинении вреда окружающей среде исключительно действиями подрядчика, а также на оставление судами без внимания довода о том, что вред лесному фонду причинен в результате некачественно выполненных работ по отводу лесосеки, контроль и ответственность за выполнение которых несет непосредственно арендатор лесного участка. Кроме того, отметил суд округа, суды не дали оценки причинно-следственной связи между действиями непосредственно причинителя вреда (подрядчика) и отвечающего за правильность отвода лесной делянки арендатора лесного участка, а также их совместному участию в причинении вреда лесам; не установили объем прав и обязанностей каждого из названных лиц в отношении спорного лесного участка,

не дали правовую оценку действиям соответчиков, к которым предъявлены требования, исходя из приведенных норм права и разъяснений, данных в постановлении № 49 (дело № А26-6838/2020).

Примерами солидарного взыскания ущерба, причиненного лесам, могут служить дела № А05-5076/2019, А05-4285/2019, А26-1806/2019 и др.

Многоцелевое использование лесного участка

... Департамент лесного комплекса Вологодской области (далее — департамент) обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным уведомления Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Вологодской области (далее — управление) о приостановлении государственной регистрации права и о возложении на управление обязанности устранить допущенное нарушение прав и законных интересов заявителя.

Суды трех инстанций согласились с правовой позицией управления и отказали в удовлетворении заявленных требований исходя из следующего.

Управление считало, что, поскольку в отношении лесного участка с кадастровым номером 35:15:0401003:100 уже зарегистрирован договор аренды, данный участок не может быть предметом аукциона на право заключения другого договора аренды на этот же участок.

На основании изложенного суды признали, что департамент нарушил процедуру предоставления указанного лесного участка путем заключения договора о предоставлении одного и того же участка разным лицам, и пришли к выводу, что оспариваемое решение управления о приостановлении государственной регистрации является законным (дело № А13-17361/2020).

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.06.22 № 307-ЭС22-408 судебные акты отменены, дело передано на новое рассмотрение.

Экономическая коллегия указала на приоритет лесного законодательства в отношениях, связанных с оборотом лесных участков. Правоотношения сторон в рамках договора аренды лесного участка регулируются Гражданским кодексом, если специальными положениями Лесного кодекса или федерального закона, регулирующего лесные отношения, не установлены особенности, в частности по предоставлению лесного участка в аренду. В той части, в которой эти отношения не урегулированы Лесным кодексом, Гражданским кодексом или иным специальным законом, подлежит применению Земельный кодекс.

Как следует из пункта 3 статьи 209 ГК РФ, распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом (статья 129), осуществляется их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц.

Лесное законодательство и иные регулирующие лесные отношения нормативные правовые акты основываются на принципе обеспечения многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного использования лесов для удовлетворения потребностей общества в лесах и лесных ресурсах (пункт 4 части 1 статьи 1 ЛК РФ).

В соответствии с частью 1 статьи 72 ЛК РФ по договору аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, арендодатель предоставляет арендатору лесной участок для одной или нескольких целей, предусмотренных статьей 25 ЛК РФ.

В части 1 статьи 25 ЛК РФ перечислены виды использования лесов, в том числе заготовка древесины, заготовка пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений.

Согласно части 1 статьи 29 ЛК РФ, пункту 2 Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, лесопарках, указанных в статье 23 ЛК РФ, утвержденных приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13.09.16 № 474, заготовка древесины представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины.

Заготовка пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений представляют собой предпринимательскую деятельность, связанную с изъятием, хранением и вывозом таких лесных ресурсов из леса (часть 1 статьи 34 ЛК РФ, пункт 2 Правил заготовки пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений, утвержденных приказом Федерального агентства лесного хозяйства от 05.12.11 № 511).

Частью 2 статьи 25 ЛК РФ определено, что леса могут использоваться для одной или нескольких целей, предусмотренных частью 1 данной статьи, если иное не установлено Лесным кодексом, другими федеральными законами.

Таким образом, ЛК РФ не содержит запрета на предоставление лесных участков разным лесопользователям для осуществления разных видов деятельности.

Системное толкование данных норм позволяет сделать вывод, что ограничение как по виду лесопользования, так и по числу лесопользователей возникает только в том случае, когда одновременное многоцелевое лесопользование одним земельным участком невозможно.

Указанный вывод соответствует правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.07.10 № 2111/10.

Согласно части 1 статьи 87 ЛК РФ использование, охрана, защита, воспроизводство лесов, расположенных в границах лесничества, осуществляются в соответствии с лесохозяйственным регламентом лесничества.

Направляя дело на новое рассмотрение, экономическая коллегия указала на необходимость оценить доводы департамента со ссылками на лесохозяйственный регламент лесничества, допускающий и заготовку древесины, и заготовку пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений (заготовка березовой чаги).

... В рамках дела № А26-400/2021 суды трех инстанций пришли к выводу о доказанности возможности одновременного совместного многоцелевого использования спорных лесных участков (заготовка древесины и строительство линейного объекта).

Определением ВС РФ от 01.12.21 № 307-ЭС21-21911 в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ отказано.

Отдельные вопросы судебной практики, связанной с применением законодательства о страховании

Михайловская Елена Анатольевна

Судья Арбитражного суда Северо-Западного округа

Малышева Дарья Денисовна

Помощник судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа

В рамках данной статьи рассматриваются спорные вопросы, возникшие в практике Арбитражного суда Северо-Западного округа при рассмотрении дел, связанных с применением законодательства о страховании.

Ключевые слова: страхование, судебная практика, обязательство по осуществлению страховой выплаты, ОСАГО, страховой случай.

В наше непростое время страхование приобретает все бóльшую актуальность. Необходимость страхования в современных условиях социальной и деловой активности не вызывает никаких сомнений, поскольку является наиболее удобным инструментом для быстрого возмещения ущерба, возникающего в различных сферах жизнедеятельности. Например, в процессе перевозки грузов, при авариях и несчастных случаях на транспорте, в процессе изготовления и хранения товара, в ходе осуществления деятельности арбитражного управляющего.

Использование страхования в обществе требует наличия страхового права, в котором закреплялась бы совокупность общеобязательных правил поведения страхователя и страховщика.

На сегодняшний день правоотношения в сфере страхования регулируются главой 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), федеральными законами об отдельных видах страхования, например Федеральным законом от 25.04.02 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — Закон об ОСАГО), и иными нормативными актами.

Определение страхования содержится в пункте 1 статьи 2 Закона Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее — Закон об организации страхового дела): страхование — отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет

денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков.

В силу пункта 2 статьи 3 Закона об организации страхового дела страхование осуществляется в форме добровольного страхования и обязательного страхования.

Добровольное страхование осуществляется на основании договора страхования и правил страхования, определяющих общие условия и порядок его осуществления. Правила страхования принимаются и утверждаются страховщиком или объединением страховщиков самостоятельно в соответствии с ГК РФ, Законом об организации страхового дела и федеральными законами и содержат положения о субъектах страхования, об объектах страхования, о страховых случаях, о страховых рисках, о порядке определения страховой суммы, страхового тарифа, страховой премии (страховых взносов), о порядке заключения, исполнения и прекращения договоров страхования, о правах и об обязанностях сторон, об определении размера убытков или ущерба, о порядке определения страховой выплаты, о сроке осуществления страховой выплаты, а также исчерпывающий перечень оснований отказа в страховой выплате и иные положения (пункт 3 статьи 3 Закона об организации страхового дела).

Согласно пункту 4 статьи 3 Закона об организации страхового дела условия и порядок осуществления обязательного страхования определяются федеральными законами о конкретных видах обязательного страхования.

Так, правоотношения, возникающие в сфере осуществления обязательного медицинского страхования, в том числе правовое положение субъектов обязательного медицинского страхования и участников обязательного медицинского страхования, основания возникновения их прав и обязанностей, гарантии их реализации, регулируются Федеральным законом от 29.11.10 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее — Закон об обязательном медицинском страховании).

За последние несколько лет в Закон об организации страхового дела, Закон об ОСАГО, Закон об обязательном медицинском страховании были внесены изменения, вызвавшие появление новых вопросов в судебной практике, а также преобразование правовых подходов к отношениям, складывающимся между участниками страхования.

В настоящей работе приведены отдельные проблемы, которые приходилось разрешать Арбитражному суду Северо-Западного округа (далее — АС СЗО) в период с 2019 года по первое полугодие 2022 года при рассмотрении споров, связанных с различными видами страхования.

Как показывает судебная практика, наибольшее количество споров в сфере страхования связано со взысканием страхователем со страховщика страхового возмещения.

Основанием для взыскания со страховой компании страхового возмещения является наступление страхового случая, поэтому в практике арбитражных судов наиболее распространенным является оспаривание факта его наступления.

Квалификация того или иного события как страхового случая во многом зависит от указания его признаков в условиях договора и правилах страхования, в связи с чем требуется их тщательное толкование.

В силу пункта 4 статьи 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (статья 422 ГК РФ).

Пунктом 2 статьи 9 Закона об организации страхового дела установлено, что страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Как разъяснено в пункте 2 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) 27 декабря 2017 года (далее — Обзор от 27.12.17), если иное не предусмотрено законом или иными правовыми актами, стороны договора добровольного страхования вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми, а также случаев, которые не могут быть признаны страховыми.

АС СЗО при рассмотрении споров по искам страхователей к страховщикам о взыскании страхового возмещения неоднократно руководствовался названными нормами и приведенными разъяснениями ВС РФ, что можно проследить на следующих примерах.

... Так, предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, указывая на то, что он является лизингополучателем по договору финансовой аренды и у него в лизинге находился тягач с полуприцепом, застрахованный по договору добровольного имущественного страхования транспортных средств и спецтехники (страховые риски — ущерб и хищение).

Договор страхования заключен на основании Правил добровольного страхования транспортных средств и спецтехники страховой компании (далее — Правила страхования).

Предприниматель направил в адрес страховой компании заявление о выплате страхового возмещения, указывая на то, что застрахованное транспортное средство попало в дорожно-транспортное происшествие (далее — ДТП).

Из материалов правоохранительных органов следует, что водитель, управляя спорным транспортным средством, поставил его на вершине подъема,

из-за неблагоприятных дорожных условий (зимней скользкости) автопоезд снесло на бытовку.

Страховая компания сообщила предпринимателю об отказе в осуществлении страховой выплаты со ссылкой на подпункт «к» пункта 12.1 приложения № 1 к Правилам страхования, указав, что самопроизвольное движение транспортного средства не является страховым случаем.

Суд первой инстанции, удовлетворяя иск, пришел к выводу об отсутствии оснований для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Апелляционный суд, истолковав по правилам статьи 431 ГК РФ условия договора страхования и Правил страхования, посчитал, что стороны пришли к соглашению об исключении из числа страховых случаев возникновения ущерба вследствие самопроизвольного движения транспортного средства, в связи с чем отменил решение суда первой инстанции и отказал в иске. Кассационная инстанция оставила без изменения постановление апелляционного суда (*постановление АС СЗО от 23.04.21 по делу № А26-3039/2020*).

... Из материалов другого дела следует, что предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, указывая на то, что между ними заключен договор добровольного страхования транспортных средств, по которому застрахован спорный автомобиль (страховые риски — ущерб и хищение).

В соответствии с пунктом 5 договора страхования под хищением понимается утрата транспортного средства в пределах территории страхования в результате следующих событий, наступление которых подтверждается соответствующими документами компетентных органов, — кражи, не связанной с невозвратом автомобиля, переданного в аренду (субаренду), прокат или лизинг, а также грабежа или разбоя.

Согласно пункту 7 договора страхования транспортное средство не сдается в прокат, лизинг, фрахт, аренду и не используется в качестве такси.

В период действия договора страхования предприниматель обратился в страховую компанию с заявлением о наступлении страхового события — угона транспортного средства. Страховая компания не выплатила страховое возмещение, сославшись на ненаступление страхового случая.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, посчитав, что страховой случай наступил.

Повторно рассматривая дело, апелляционный суд пришел к выводу о том, что круг страховых рисков, охватываемых понятием «хищение», ограничен условиями договора страхования, при этом из них исключено тайное хищение чужого имущества, находящегося на момент хищения в аренде (субаренде), прокате или лизинге.

Установив, что на момент хищения транспортного средства оно находилось в аренде у третьих лиц, и с учетом разъяснений, приведенных в

пункте 2 Обзора от 27.12.17, апелляционный суд признал, что утрата автомобиля, переданного в аренду, не является страховым случаем. Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и отказал в иске. Суд округа согласился с выводом апелляционного суда (*постановление АС СЗО от 28.12.20 по делу № А66-12029/2019*).

ВС РФ в определении от 01.04.21 № 307-ЭС21-2431 по данному делу указал, что выводы апелляционного и окружного судов о нераспространении страховой защиты на убытки, возникшие в результате хищения застрахованного транспортного средства, переданного страхователем в аренду третьему лицу, основаны на договоре добровольного страхования транспортных средств.

Таким образом, страховой случай не считается наступившим, если произошедшее событие не относится к рискам, предусмотренным договором страхования и правилами страхования.

Достаточно часто суды соглашались с доводами страхователя о том, что произошедшее событие является страховым случаем, с наступлением которого у страховщика наступает обязанность по выплате страхового возмещения.

... Так, общество обратилось в арбитражный суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения по договору добровольного имущественного страхования, заключенному в отношении автомобиля, ссылаясь на то, что произошел страховой случай.

Договор страхования заключен на условиях Правил страхования в соответствии с пунктами 5.2.1 и 5.2.2 данных правил (страховые риски — ущерб и хищение).

В силу пункта 5.2.1 Правил страхования страховым риском является пожар — неконтролируемое горение, вызванное внешним воздействием на застрахованное транспортное средство источников открытого огня или повышенной температуры, и, если иное не предусмотрено соглашением сторон, не связанного с самовозгоранием транспортного средства и (или) произошедшего по причине короткого замыкания, неисправности и (или) аварийного режима работы электрооборудования транспортного средства и (или) перевозкой огне-, взрывоопасных веществ с нарушением правил пожарной безопасности и (или) использованием источников открытого огня для прогрева двигателя или иных агрегатов транспортного средства.

В период действия договора страхования общество направило страховой компании заявление о наступлении страхового случая и выплате страхового возмещения, указав, что застрахованное транспортное средство в период действия договора страхования получило повреждения в результате произошедшего пожара.

Согласно постановлению органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела вероятной причиной пожара явилась неисправность газораспределительного оборудования (ГРО) автомобиля.

Страховая компания не признала произошедшее событие страховым случаем и отказала выгодоприобретателю в выплате страхового возмещения.

Оценив представленные в дело доказательства, проанализировав условия договора страхования и Правил страхования, суды первой и апелляционной инстанций признали факт наступления страхового случая, предусмотренного договором страхования (повреждение застрахованного транспортного средства в результате пожара), документально подтвержденным.

Согласно пункту 3.1 приложения № 1 к Правилам страхования страховым случаем признаются утрата, гибель или повреждение застрахованного транспортного средства, произошедшие на территории страхования в период действия страхования по договору страхования в результате прямого и непосредственного воздействия события (страхового риска), предусмотренного названным приложением (пункт 3.2) и договором страхования, с наступлением которого возникает обязанность страховщика возместить страхователю (выгодоприобретателю) причиненные вследствие этого события убытки либо понесенные страхователем (выгодоприобретателем) расходы (произвести выплату страхового возмещения) в пределах определенной в договоре страховой суммы, в порядке и объеме, установленных Правилами страхования, при условии, что расходы и (или) убытки страхователя (выгодоприобретателя) не связаны с необходимостью устранения повреждений транспортного средства, полученных в результате поломки, отказа, выхода из строя деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, а также убытки, возникшие вследствие пожара, если он возник по причине самовозгорания транспортного средства или по причине короткого замыкания, неисправности или аварийного режима работы электрооборудования транспортного средства.

Установив, что повреждения застрахованному автомобилю причинены в результате пожара, а не в результате поломки, отказа, выхода из строя деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, суды посчитали произошедшее событие не подпадающим под указанное в пункте 3.1 приложения № 1 к Правилам страхования исключение из страховых рисков.

Суды правомерно отклонили как несостоятельный довод страховой компании о том, что повреждение транспортного средства в результате пожара не может быть признано страховым случаем, поскольку пожар произошел в результате самовозгорания транспортного средства.

Истолковав условия договора страхования и Правил страхования, а также приняв во внимание установленную органами дознания вероятную причину пожара, суды пришли к выводу, что возникновение пожара по причине неисправности штатного ГРО не свидетельствует о самовозгорании

транспортного средства или о произошедшем коротком замыкании, неисправности и (или) аварийном режиме работы электрооборудования.

При толковании условий договора и Правил страхования суды первой и апелляционной инстанций руководствовались разъяснениями, приведенными в пункте 4 Обзора от 27.12.17, в соответствии с которыми в случае сомнений относительно толкования условий договора добровольного страхования, изложенных в полисе и Правилах страхования, и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора должно применяться толкование, наиболее благоприятное для потребителя (*contra proferentem*).

Установив, что повреждение транспортного средства вследствие пожара, возникшего по причине неисправности штатного ГРО, не определено в договоре страхования и в Правилах страхования в качестве исключения из страховых случаев, и признав совершившееся событие (повреждение в результате пожара застрахованного транспортного средства) страховым случаем, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату, суды удовлетворили иск общества.

Суд кассационной инстанции поддержал данный вывод судов и оставил без изменения принятые по делу судебные акты (*постановление АС СЗО от 08.07.21 по делу № А56-3417/2020*).

Аналогичная позиция по делам со схожими обстоятельствами при решении вопроса о том, является ли произошедшее событие страховым случаем или нет, содержится в *постановлениях АС СЗО от 17.06.21 по делу № А56-61136/2020 и от 27.12.21 по делу № А56-14744/2021*.

При рассмотрении споров, связанных с применением Закона об ОСАГО, часто причиной отказа в иске страхователю о взыскании страхового возмещения является нарушение страхователем предусмотренного статьей 12 названного закона порядка представления страховщику поврежденного застрахованного транспортного средства для осмотра и проведения независимой экспертизы.

В соответствии с пунктом 10 статьи 12 Закона об ОСАГО потерпевший, намеренный воспользоваться своим правом на страховое возмещение или прямое возмещение убытков, в течение пяти рабочих дней с даты подачи заявления о страховом возмещении и прилагаемых к нему документов обязан представить поврежденное транспортное средство или его остатки для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, проводимой в порядке, установленном статьей 12.1 Закона об ОСАГО.

Возможность самостоятельного обращения потерпевшего за экспертизой (оценкой) положения пункта 13 статьи 12 Закона об ОСАГО допускают в том случае, если страховщик не осмотрел поврежденное имущество или его остатки и (или) не организовал независимую техническую экспертизу, независимую экспертизу (оценку) поврежденного имущества или его остатков в установленный

пунктом 11 названной статьи срок. В таком случае результаты самостоятельно организованной потерпевшим независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) принимаются страховщиком для определения размера страхового возмещения.

В случае самостоятельной организации проведения независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества или его остатков потерпевший обязан в соответствии с правилами обязательного страхования в срок не позднее чем за три дня до ее проведения проинформировать страховщика о месте, дате и времени проведения указанных независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) для обеспечения возможности присутствия страховщика при ее проведении.

В соответствии с абзацем четвертым пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО в случае непредставления потерпевшим поврежденного имущества или его остатков для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) в согласованную со страховщиком дату потерпевший не вправе самостоятельно организовывать независимую техническую экспертизу или независимую экспертизу (оценку), а страховщик вправе вернуть без рассмотрения представленное потерпевшим заявление о страховой выплате или прямом возмещении убытков вместе с документами, предусмотренными правилами обязательного страхования.

В силу абзаца пятого пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО результаты самостоятельно организованной потерпевшим независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества или его остатков не принимаются для определения размера страхового возмещения в случае, если потерпевший не представил поврежденное имущество или его остатки для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) в согласованные со страховщиком даты.

Таким образом, при наличии у страховщика и потерпевшего разногласий о размере страхового возмещения на страховщика возлагается обязанность организовать независимую техническую экспертизу; право обратиться самостоятельно за технической экспертизой, результаты которой станут обязательными для страховщика при определении размера страхового возмещения, возникает у потерпевшего только в случаях неосмотра страховщиком поврежденного имущества или его остатков и (или) неорганизации им проведения названной экспертизы.

... Так, общество, являясь собственником трактора, поврежденного в ДТП, обратилось в арбитражный суд с иском к страховой компании, застраховавшей гражданскую ответственность водителя автомобиля «Рено», который признан виновным.

Отказывая в иске, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что до проведения независимой технической экспертизы и осуществления

ремонта застрахованного транспортного средства истец с заявлением о наступлении страхового случая и выплате страхового возмещения к страховщику не обращался, ответчика на осмотр транспортного средства не приглашал.

Суды пришли к выводу о том, что непредставление страховщику поврежденного транспортного средства на осмотр и проведение самостоятельной экспертизы без извещения страховщика лишают последнего возможности мотивированно возразить относительно стоимости восстановительного ремонта, достоверно определить размер подлежащих возмещению убытков и, соответственно, принять решение о выплате или отказе в выплате страхового возмещения. Кассационная инстанция оставила без изменения решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда (*постановление АС СЗО от 29.06.21 по делу № А56-93350/2020*).

... В рамках другого дела общество, обращаясь с иском к страховщику о взыскании доплаты страхового возмещения, сослалось на то, что страховая компания уклонилась от осмотра автомобиля, а также от выплаты страхового возмещения, в связи с чем стоимость восстановительного ремонта была определена истцом самостоятельно на основании заключения специалиста.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что страховая компания произвела осмотр и экспертизу поврежденного транспортного средства в сроки, установленные пунктом 11 статьи 12 Закона об ОСАГО, и выплатила страховое возмещение.

Как указали суды, доказательств того, что страховщик после получения сообщения о наступлении страхового случая не исполнил свою обязанность, уклонился от производства осмотра транспортного средства и назначения экспертизы (оценки), общество в материалы дела не представило.

В свою очередь, общество не направило в адрес страховой компании заявление о несогласии с произведенной страховой выплатой и требованием о проведении повторной экспертизы с представлением спорного транспортного средства.

С учетом изложенного суды пришли к выводу о том, что общество утратило право на переоценку стоимости поврежденного транспортного средства, с чем согласилась кассационная инстанция (*постановление АС СЗО от 27.06.19 по делу № А56-78269/2018*).

Одной из причин отказа страхователю в выплате страхового возмещения является пропуск срока исковой давности.

Для требований, связанных со страхованием, установлены различные сроки исковой давности, продолжительность которых зависит от вида страхования.

Так, по требованиям, связанным с имущественным страхованием, установлен сокращенный срок исковой давности, который составляет два года (пункт 1 статьи 966 ГК РФ).

Для требований, вытекающих из договора страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, срок исковой давности равен общему сроку и составляет три года (пункт 2 статьи 966 ГК РФ).

... Комбинат обратился в арбитражный суд с иском к страховой компании о взыскании 59 906 рублей страхового возмещения по договору страхования строительной и другой техники, в соответствии с которым в состав застрахованного имущества включен экскаватор, ссылаясь на то, что 12.02.17 при производстве погрузочных работ он был поврежден.

В обоснование иска комбинат указал, что в феврале — апреле 2017 года третье лицо (предприятие) обеспечило ремонт экскаватора, в связи с чем комбинат оплатил предприятию затраты на ремонт в сумме 59 906 рублей, перечислив их платежным поручением от 22.09.17, которые, по его мнению, должен возместить страховщик.

Страховщик в суде первой инстанции заявил о пропуске срока исковой давности по заявленному требованию.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в иске, установив, что комбинат пропустил срок исковой давности.

При этом суды исходили из того, что страховая компания уведомила комбинат об отказе в страховой выплате письмом от 07.07.17, которое получено комбинатом 11.07.17, о чем свидетельствует входящий штамп комбината. Учитывая изложенное, суды пришли к выводу о том, что комбинат узнал о нарушении своего права 11.07.17.

Как установили суды, даже с учетом того, что в силу пункта 3 статьи 202 ГК РФ срок соблюдения претензионного порядка в срок исковой давности не засчитывается, в рассматриваемом случае срок исковой давности продлевается на 30 дней до 10.08.19, а с иском в суд комбинат обратился только 13.09.19. При таких обстоятельствах суды пришли к выводу о пропуске истцом специального двухлетнего срока исковой давности и об отсутствии оснований для удовлетворения иска в соответствии с положениями статьи 199 ГК РФ (*постановление АС СЗО от 20.05.20 по делу № А05-10277/2019*).

В судебной практике возник вопрос о применении срока исковой давности по требованию о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных за просрочку выплаты страхового возмещения.

... Так, общество обратилось с иском к страховой компании о взыскании 1 529 518 рублей процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на основании статьи 395 ГК РФ за период с 10.06.18 по 31.04.21.

В обоснование иска общество сослалось на то, что страховая компания выплатила страховое возмещение по договору страхования недвижимого имущества с нарушением сроков, установленных правилами страхования, утвержденными страховщиком. Данное обстоятельство подтверждается решением арбитражного суда от 03.12.20 по делу № А56-79514/2019, которым со страховой компании в пользу общества взыскано 8 616 408 рублей страхового возмещения, а также 55 298 рублей процентов, начисленных за период с 17.10.17 по 13.11.17.

Суды первой и апелляционной инстанций проверили расчет процентов, произведенный истцом, признали его верным и иск удовлетворили.

Отклоняя довод страховой компании о применении в данном случае специального двухлетнего срока исковой давности (пункт 1 статьи 966 ГК РФ) для требований, вытекающих из договоров имущественного страхования, суды исходили из того, что взысканная в рамках дела № А56-79514/2019 задолженность по выплате страхового возмещения является денежным обязательством страховой компании, несвоевременное исполнение которого является основанием для уплаты страховщиком процентов на основании статьи 395 ГК РФ, в связи с чем к спорным правоотношениям подлежит применению общий трехлетний срок исковой давности. Поскольку основное обязательство было исполнено с просрочкой, но в пределах трехлетнего срока исковой давности, суды посчитали, что требование о взыскании процентов подлежит удовлетворению в части, которая входит в трехлетний период, предшествующий дате предъявления иска о взыскании процентов.

Кассационная инстанция принятые по делу судебные акты отменила, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно статье 207 ГК РФ срок исковой давности по дополнительному требованию истекает одновременно со сроком исковой давности по основному требованию.

Поскольку проценты начисляются за каждый день просрочки, срок исковой давности по ним исчисляется на каждый день неуплаты страхового возмещения, находящийся в пределах периода его течения.

Срок исковой давности по требованиям, связанным с имущественным страхованием, установлен пунктом 1 статьи 966 ГК РФ и составляет два года.

Требование об уплате процентов за просрочку выплаты страхового возмещения связано с имущественным страхованием и является дополнительным по отношению к основному требованию о выплате страхового возмещения, следовательно, и срок исковой давности к ним должен применяться одинаковый.

В пределы срока исковой давности попадает двухлетний период, предшествующий дате обращения в арбитражный суд. Из указанного в иске периода таким является период с 10.06.19 по 13.04.21.

Суд округа отметил, что данной правовой позиции в отношении исчисления и применения срока исковой давности к требованию о взыскании процентов за несвоевременное осуществление страховой выплаты придерживался в ходе рассмотрения спора ответчик. Доводы ответчика соответствуют правовой позиции, приведенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.12.10 № 11236/10, на которое страховая компания также ссылалась.

Направляя дело на новое рассмотрение, кассационная инстанция указала, что без учета вышеизложенного судебные акты не являются законными и обоснованными (*постановление АС СЗО от 18.05.22 по делу № А56-58078/2021*).

Значительное количество споров связано с определением размера страхового возмещения, подлежащего выплате страхователю при наступлении страхового случая.

Правовые позиции по данной категории споров можно проследить на следующих примерах.

Ранее при рассмотрении споров по иску страхователя к страховщику о возмещении ущерба при причинении вреда имуществу, не относящемуся к транспортным средствам, суды руководствовались разъяснениями, приведенными в абзаце третьем пункта 39 постановления Пленума ВС РФ от 26.12.17 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — постановление № 58), согласно которым при причинении вреда имуществу, не относящемуся к транспортным средствам (в частности, объектам недвижимости, оборудованию АЗС и т. д.), размер страхового возмещения определяется на основании оценки, сметы и т. п.

Также суды учитывали, что в пункте 41 постановления № 58 даны разъяснения о выплате страхового возмещения с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, только в отношении транспортных средств.

Судебная практика по применению Закона об ОСАГО исходила из того, что при расчете размера страхового возмещения поврежденного имущества, не относящегося к транспортным средствам, его износ не учитывается. Суды удовлетворяли иски страхователей в заявленном размере. Довод страховщиков о необходимости применения при расчете страхового возмещения коэффициента износа суды отклоняли, ссылаясь на то, что он противоречит разъяснениям, приведенным в пунктах 39 и 41 постановления № 58 (*постановления АС СЗО от 06.06.19 по делу № А56-112294/2017 и от 24.02.21 по делу № А56-31922/2020*).

Однако согласно правовой позиции, приведенной в *определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 26.01.21 № 5-КГ20-104-К2*, в соответствии с подпунктом «б» пункта 18 статьи 12 Закона об ОСАГО размер подлежащих возмещению страховщиком убытков при причинении вреда имуществу потерпевшего в случае повреждения имущества потерпевшего определяется в размере расходов, необходимых для приведения имущества в состояние, в котором оно находилось до момента наступления страхового случая.

При этом к указанным в подпункте «б» пункта 18 статьи 12 Закона об ОСАГО расходам относятся также расходы на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, расходы на оплату работ, связанных с таким ремонтом.

В соответствии с пунктом 16 статьи 12 Закона об ОСАГО возмещение вреда, причиненного не являющемуся транспортным средством имуществу потерпевшего, осуществляется в порядке, установленном абзацем третьим пункта 15 данной статьи, то есть путем выдачи суммы страховой выплаты потерпевшему (выгодоприобретателю) в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя) (наличный или безналичный расчет).

При осуществлении страхового возмещения в форме страховой выплаты размер расходов на запасные части, в том числе и по договорам обязательного страхования, заключенным начиная с 28.04.17, определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте. При этом на указанные комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) не может начисляться износ свыше 50 процентов их стоимости (абзац второй пункта 19 статьи 12 Закона об ОСАГО, пункт 41 постановления № 58).

В вышеуказанном определении ВС РФ пришел к выводу о том, что из приведенных норм права и разъяснений Пленума ВС РФ следует, что размер страхового возмещения, осуществляемого в денежной форме, при повреждении имущества, не относящегося к транспортным средствам, в отсутствие обстоятельств полной гибели этого имущества определяется по стоимости восстановительного ремонта на основании оценки, сметы и тому подобного, однако с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте.

В настоящее время нижестоящие суды и суд округа при рассмотрении дел руководствуются данным подходом, что можно проследить на следующих примерах.

... Учреждение обратилось в арбитражный суд с иском к страховой компании о взыскании 62 713 рублей доплаты страхового возмещения (360 241 рубль – 297 528 рублей), ссылаясь на то, что в результате ДТП пострадало имущество учреждения (секции перильного ограждения) и страховщик,

застраховавший гражданскую ответственность причинителя вреда по договору обязательного страхования, оформленного в виде страхового полиса, обязан выплатить страховое возмещение в размере стоимости имущества, установленной локальным сметным расчетом (360 241 рубль). Страховщик же выплатил 297 528 рублей страхового возмещения.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, признав его обоснованным по праву и размеру.

Апелляционный суд, отменив решение, в иске отказал, сделав вывод о том, что размер страхового возмещения в спорном случае должен определяться с учетом износа комплектующих изделий, подлежащих замене при восстановительном ремонте. Кассационная инстанция согласилась с выводом апелляционного суда (*постановление АС СЗО от 15.02.22 по делу № А56-41117/2021*).

Данный подход нашел отражение в *постановлениях АС СЗО от 01.02.22 по делу № А56-47937/2021, от 07.04.22 по делу № А56-65267/2021*.

В судебной практике встречаются споры, связанные с вопросом о том, должно ли страховое возмещение включать налог на добавленную стоимость (далее — НДС).

... Страхователь (общество) обратился в арбитражный суд с иском к страховщику о взыскании 227 202 рублей страхового возмещения в размере невыплаченного НДС, ссылаясь на то, что стороны заключили договор страхования грузов, в период действия которого произошел страховой случай — хищение товара со склада на сумму 2 499 226 рублей. При этом страховщик выплатил 987 744 рубля страхового возмещения, за исключением 227 202 рублей суммы НДС и 1 284 279 рублей франшизы.

При рассмотрении спора суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь статьями 929, 943 ГК РФ и статьей 168 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), пришли к выводу о необоснованности выплаты страховщиком страхового возмещения без учета НДС и удовлетворили иск общества.

Суды учли, что в материалы дела представлены счета-фактуры, подтверждающие предъявление к оплате обществу стоимости похищенного товара с учетом НДС.

Из пункта 7 страхового полиса следует, что страховой стоимостью похищенного товара является цена, указанная в данных счетах-фактурах, следовательно, страховое возмещение должно включать НДС.

Суды первой и апелляционной инстанций посчитали, что у ответчика не имеется правовых оснований для отказа в выплате части действительной стоимости груза в пределах определенной договором страховой суммы, и

отклонили довод страховой компании о выплате страхового возмещения за вычетом суммы НДС, в связи с чем обоснованно удовлетворили иск.

Кассационная инстанция оставила без изменения судебные акты первой и апелляционной инстанций (*постановление АС СЗО от 15.12.20 по делу № А56-112953/2019*).

В рамках другого дела также возник вопрос о взыскании НДС, не выплаченного в составе страхового возмещения.

••• Так, страхователь (общество) обратился в арбитражный суд с иском к страховщику о взыскании 849 783 рублей страхового возмещения в виде невыплаченного НДС, ссылаясь на то, что в период действия договора страхования строительной и другой техники на строительной площадке произошло опрокидывание застрахованного автомобиля — дробилки.

Договор страхования заключен в соответствии с Правилами страхования строительной и другой техники (далее — Правила страхования).

Согласно пункту 9.3.3.7 Правил страхования при определении размера страхового возмещения при повреждении застрахованного имущества сумма НДС, уплачиваемого выгодоприобретателем при производстве восстановительных работ (в том числе при приобретении материалов, оборудования и иного имущества, необходимых для восстановительных работ), включается в состав страхового возмещения только в случае, если этот налог правомерно отнесен выгодоприобретателем на расходы в соответствии с нормативными актами Российской Федерации.

Страховщик выплатил страховое возмещение без учета НДС в размере 849 783 рублей.

При рассмотрении спора суды первой и апелляционной инстанций установили, что истец является плательщиком НДС.

Отказывая в иске, суды, ссылаясь на пункт 9.3.3.7 Правил страхования, исходили из того, что истец не представил доказательств, что сумма НДС, исключенная страховщиком из размера восстановительных расходов, является его прямым убытком, а также не доказал невозможность получения вычета либо неполучение им налогового вычета за ранее уплаченный НДС в соответствии со статьей 171 НК РФ.

Кассационная инстанция, отменяя судебные акты первой и апелляционной инстанций и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала следующее.

По общему правилу причинитель вреда обязан возместить потерпевшему убытки в размере, позволяющем восстановить поврежденное имущество, то есть с учетом суммы НДС, поскольку она включена в стоимость работ по восстановлению. Иное означало бы неполное возмещение убытков, понесенных потерпевшим.

В соответствии с пунктом 9.3.2 Правил страхования в случае повреждения застрахованного имущества страховая выплата производится в размере расходов, необходимых для приведения имущества в состояние, в котором оно находилось до наступления страхового случая (восстановительных расходов).

В пункте 9.3.3.7 Правил страхования предусмотрено особое правило о том, что сумма НДС, уплачиваемого выгодоприобретателю при производстве восстановительных работ, включается в состав страхового возмещения, только если этот налог правомерно отнесен выгодоприобретателем на расходы.

Таким образом, пункт 9.3.3.7 Правил страхования применяется в случае, когда выгодоприобретатель производил восстановительный ремонт поврежденного имущества.

В обоснование иска общество ссылалось на то, что оно не производило восстановительный ремонт дробилки, она была продана истцом без проведения восстановительных работ. Общество представило договор купли-продажи самоходной машины, заключенный между обществом и третьим лицом, акт приема-передачи самоходной машины.

Как указал суд округа, эти обстоятельства имеют существенное значение для данного спора, поскольку, если восстановительные работы поврежденной дробилки не производились, общество их не оплачивало, дробилку реализовало, то истец не получал и не получит налоговый вычет из бюджета, следовательно, страховое возмещение должно быть выплачено обществу с учетом НДС.

Однако суды первой и апелляционной инстанций данный довод общества и доказательства, представленные в его обоснование, не исследовали и не оценивали.

Суд округа отметил, что при новом рассмотрении суду первой инстанции следует проверить доводы истца, приведенные в обоснование его позиции, и оценить имеющиеся в деле доказательства (*постановление АС СЗО от 09.02.21 по делу № А56-117166/2019*).

При новом рассмотрении суд первой инстанции иск удовлетворил, сделав вывод о том, что в отсутствие проведенного восстановительного ремонта реализованного имущества истец не получит налоговый вычет из бюджета, в связи с чем страховое возмещение должно быть выплачено обществу с учетом НДС (*решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 16.05.21*).

Данное решение не было предметом обжалования и вступило в законную силу.

Анализ судебной практики показал, что растет количество споров, связанных с признанием договора страхования недействительным.

На этапе заключения договоров страхования важное значение имеют положения статей 944 и 959 ГК РФ, закрепляющие фундаментальный принцип

страхового права — принцип добросовестности. Сущность указанного принципа в том, что страхователь при заключении страхового договора обязан сообщить страховщику сведения или обстоятельства, которые в какой-то мере могут повлиять на определение вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления.

Указанные правила направлены прежде всего на создание условий, обеспечивающих защиту интересов страховщика от недобросовестных действий страхователя.

При рассмотрении спора, связанного с признанием недействительным договора добровольного страхования имущества, судам надлежит установить, действовал ли страхователь при заключении договора умышленно и сообщил ли страховщику заведомо ложные сведения, влияющие на решение вопроса о заключении договора.

... Так, страховая компания обратилась в арбитражный суд с иском к страхователю (обществу) о признании недействительным договора страхования имущества юридических и физических лиц от огня и других опасностей, предметом страхования которого являлось здание, принадлежащее обществу.

Как отметил в обоснование иска истец, в заявлении на страхование общество указало, что у застрахованного объекта железобетонные перекрытия, материал несущих стен — кирпич, железобетон; на всей территории страхования (в каждом помещении) установлена исправная автоматическая сигнализация, на объекте страхования имеется служба охраны. Вместе с тем в связи с наступлением страхового случая (пожар) установлено, что застрахованный объект имеет брусчатые стены и деревянные перекрытия, на объекте отсутствуют пожарная сигнализация и служба охраны. По мнению страховой компании, страхователь сообщил ложные сведения об обстоятельствах, имеющих существенное значение для наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в иске, сделав вывод об отсутствии в действиях ответчика умысла на предоставление недостоверных сведений относительно характеристик застрахованного объекта. При этом суды отметили, что стандартный бланк заявления на страхование заполнил сотрудник страховой компании, а директор ответчика подписал его, не читая; кроме того, при заключении договора страховщик не воспользовался правом на осмотр объекта страхования.

Направляя дело на новое рассмотрение, кассационная инстанция исходила из того, что подписание директором ответчика заявления без его прочтения является его риском и не опровергает факт выражения им воли на заключение договора на условиях, указанных в заявлении. Суд округа указал на необходимость при новом рассмотрении дать оценку доводу истца о том, что указание ответчиком недостоверных сведений относительно характеристик

застрахованного объекта повлияло на определение вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска).

При новом рассмотрении суд первой инстанции отказал в иске ввиду непредставления истцом доказательств в подтверждение довода о том, что указание ответчиком недостоверных сведений существенно повлияло на определение вероятности наступления страхового случая.

Апелляционный суд проанализировал условия договора и установил, что при заключении договора страхователь указал заведомо ложные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления, в том числе относительно материала перекрытий и несущих стен у застрахованного объекта, а также наличия на всей территории страхования (в каждом помещении) исправной автоматической сигнализации и службы охраны. В связи с этим апелляционный суд пришел к выводу о наличии оснований для признания договора страхования недействительным на основании пункта 3 статьи 944 ГК РФ, отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил иск.

Как отметил апелляционный суд, в заявлении прямо указано, что страхователь подтверждает полноту и достоверность всех указанных сведений. Поскольку на момент подписания заявления на страхование ответчик обладал сведениями о наличии дерева в конструктивных элементах здания, при той добросовестности, какая требуется по условиям оборота, он должен был сообщить эти сведения страховщику при заключении договора.

Суд округа признал вывод апелляционного суда соответствующим установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам (*постановление АС СЗО от 25.03.21 по делу № А56-33498/2019*).

Определением ВС РФ от 12.07.21 № 307-ЭС20-8508 страхователю отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

В ситуациях, когда страхователь в нарушение условий договора страхования не обеспечивает условия охранного режима объекта страхования, суды также встают на сторону страховщиков и признают договоры добровольного страхования имущества недействительными.

... Страховая компания обратилась в арбитражный суд с иском к страхователю (обществу) о признании недействительным договора страхования имущества, предметом страхования которого являлись новые автомобили, находящиеся на охраняемой огороженной стоянке с видеонаблюдением.

Как установлено судами, стороны заключили дополнительное соглашение к договору страхования, в котором указано, что на территории страхования

имеется исправная охранная сигнализация с выводом на пульт внутренней охраны, а охрана имущества осуществляется службой вневедомственной охраны.

Из материалов дела следует, что неустановленное лицо, находясь на указанной в дополнительном соглашении площадке, тайно похитило автомобиль марки «Фольксваген Мультивен Хайлайн» и автомобиль марки «Фольксваген Мультивен Комфортлайн», в связи с чем страхователь обратился в страховую компанию с заявлением о наступлении страхового случая и выплате страхового возмещения.

В обоснование иска страховщик сослался на то, что страхователь не обеспечил условия охранного режима объекта страхования, указанного в заявлении на страхование, не доказал факт передачи застрахованных автомобилей под охрану; при заключении договора страхования ему были сообщены заведомо ложные сведения об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая (о режиме безопасности территории страхования), а также даны недостоверные заверения об обстоятельствах.

Суд первой инстанции удовлетворил иск, сделав вывод о том, что ответчик умолчал об обстоятельствах, которые в силу характера договора страхования должны были быть доведены до сведения страховщика, не представил данных о наличии на объекте исправной охранной сигнализации с выводом на пульт внутренней охраны, доказательств охраны объекта силами вневедомственной охраны, не доказал факта передачи автомобилей под охрану. Суд посчитал не пропущенным срок исковой давности, о применении которого заявило общество.

Апелляционный суд, посчитав, что предъявленный иск направлен на преодоление вступившего в законную силу судебного акта по другому делу по иску общества о взыскании страхового возмещения, пришел к выводу об истечении срока исковой давности, исчисленного с даты получения истцом копии договора на оказание охранных услуг, отменил решение суда и в иске отказал.

Суд кассационной инстанции признал выводы апелляционного суда не соответствующими обстоятельствам дела и представленным доказательствам, отменил постановление апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Суд округа указал, что, поскольку на момент подписания заявления на страхование общество обладало сведениями о средствах безопасности на территории страхования, при той добросовестности, какая требуется по условиям оборота, оно должно было сообщить эти сведения страховщику. Отсутствие должной охраны территории страхования и документов, подтверждающих передачу имущества под охрану, могло повлиять на отношения сторон по договору страхования, поскольку, обладая достоверными сведениями, страховщик мог отказаться от заключения договора либо предложить иные условия страхования (*постановление АС СЗО от 04.08.21 по делу № А56-68395/2020*).

Определением ВС РФ от 02.02.22 № 307-ЭС21-22171 страхователю отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

Как показывает анализ правоприменительной практики, связанной с рассмотрением споров о признании недействительными договоров обязательного страхования ответственности (автогражданской ответственности, ответственности арбитражных управляющих), суды учитывают, что для названных видов страхования установлены иные последствия несообщения страхователем каких-либо сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для вероятности наступления страхового случая (расторжение договора на будущее время, возможность страховщика требовать увеличения тарифа).

Суды, руководствуясь в том числе пунктом 9 постановления № 58, приходят к выводу о том, что сообщение страхователем при заключении договора обязательного страхования недостоверных сведений, которое привело к необоснованному уменьшению размера страховой премии, не является основанием для признания такого договора незаключенным или для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения при наступлении страхового случая, в связи с чем отказывают в удовлетворении исков о признании договоров обязательного страхования ответственности недействительными.

... Так, страховая компания обратилась в арбитражный суд с иском к страхователю (обществу) о признании недействительным договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее — договор ОСАГО). В обоснование иска страховщик указал на то, что страхователь при заключении договора скрыл информацию о целях использования транспортного средства в качестве такси, что повлекло заключение договора ОСАГО на более выгодных для общества условиях и привело к ущемлению прав истца.

Отказывая в иске, суды первой и апелляционной инстанций отметили, что истец не доказал, что договор ОСАГО был заключен под влиянием обмана, то есть при его заключении страхователь действовал умышленно и сообщил страховщику заведомо ложные сведения относительно цели использования транспортного средства.

Суды исходили из того, что истец как страховщик, осуществляя профессиональную деятельность на рынке страховых услуг, более осведомлен в определении факторов риска, располагает необходимыми сведениями для проверки соответствия указанных страхователем в заявлении обстоятельств и вправе использовать любые допускаемые законом способы для восполнения недостаточности предоставленных страхователем сведений, проверки их достоверности.

Суды указали, что в силу положений Закона об ОСАГО для страховщика спорный договор является обязательным и страховщик, обладающий правом на заключение такого вида договора, не вправе отказать страхователю в его заключении. Уклониться от заключения договора при наличии воли страхователя на его заключение страховая компания также не вправе.

В данном случае обстоятельство фактического использования ответчиком спорного транспортного средства в качестве такси определяющего правового значения для признания недействительным договора ОСАГО по основаниям статей 179 и 944 ГК РФ не имеет, так как не влияет на обязанность страховщика заключить такой договор.

Фактическим последствием признания спорного договора недействительным может явиться заключение нового договора теми же лицами (страхователем и страховщиком) на новый период, в котором страховщик, обладая информацией о целях использования транспортного средства, вправе установить другой тариф.

Суды отметили, что для названного вида страхования установлены иные последствия несообщения страхователем каких-либо сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для вероятности наступления страхового случая, а именно: прекращение договора на будущее время и возможность требования страховщиком увеличения тарифа (пункты 1.10, 1.11, 1.8, 2.1 Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утвержденных Центральным банком Российской Федерации от 19.09.14 № 431-П).

Суд округа оставил решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда без изменения, признав выводы судов обоснованными. При этом, ссылаясь на пункт 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.12.13 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации», суд округа указал, что в спорной ситуации факт использования транспортного средства в качестве такси не влияет и не может повлиять на решение страховщика о заключении сделки обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, однако от указанной информации может зависеть размер страховой премии (*постановление АС СЗО от 26.01.22 по делу № А56-38181/2021*).

Аналогичная позиция изложена в *постановлении АС СЗО от 29.03.22 по делу № А56-32558/2021* со схожими обстоятельствами.

... В рамках другого дела рассматривался иск страховой компании к предпринимателю о признании договоров обязательного страхования ответственности арбитражных управляющих недействительными, а также о применении последствий недействительности сделок.

Суды первой и апелляционной инстанций, удовлетворяя иск в части признания договоров недействительными, руководствуясь статьями 179, 929, 944 ГК РФ, указали, что при заключении спорных договоров предприниматель ввел страховую компанию в заблуждение, не в полном объеме предоставил необходимую информацию об отсутствии в отношении него: применения мер ответственности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, в делах о банкротстве; нерассмотренных жалоб на ненадлежащее исполнение обязанностей в качестве арбитражного управляющего; рассмотренных жалоб на ненадлежащее исполнение обязанностей в качестве арбитражного управляющего.

В то же время согласно электронной информационной системе «Электронное правосудие» действия предпринимателя в качестве конкурсного управляющего признавались судами ненадлежащими и не отвечающими требованиям Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), предприниматель неоднократно привлекался к административной ответственности (что установлено судебными актами по делам № А78-7201/20163, А37-2210/2014, А37-1204/2013, А73-7707/2014).

Кассационная инстанция, отменяя принятые по делу судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, указала на следующее.

По смыслу статей 179 и 944 ГК РФ страховщик вправе требовать признания договора страхования недействительным, если после его заключения будет установлено, что страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, указанных в пункте 1 статьи 944 ГК РФ. При этом установлено, что обстоятельства, указанные в пункте 1 статьи 944 ГК РФ, не известны и не должны быть известны страховщику.

Как усматривается из материалов дела, основанием иска явилась ссылка страховой компании на обстоятельства, имевшие место до заключения спорных договоров и отраженные в электронной информационной системе «Электронное правосудие».

Однако, соглашаясь с доводами страховой компании о сообщении предпринимателем заведомо ложных сведений, суды нижестоящих инстанций не учли, что страховщик, являясь профессиональным участником рынка страховых услуг, представляя специфику дел о банкротстве, действуя разумно и добросовестно, мог и должен был проверить сведения, представленные арбитражным управляющим, до заключения договора либо в разумный срок после его заключения. Получение информации о деятельности арбитражного управляющего не является затруднительным процессом, поскольку сведения о предъявленных к нему жалобах и исках имеются в картотеке арбитражных дел официального сайта арбитражных судов Российской Федерации в сети Интернет,

информация о привлечении предпринимателя к дисциплинарной и административной ответственности — на сайте саморегулируемой организации.

Принимая во внимание согласование сторонами в спорных договорах всех существенных условий обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего и соответствие их требованиям статьи 24.1 Закона о банкротстве и главе 48 ГК РФ, суды указали, что приведенные страховщиком обстоятельства не могут повлечь признание спорных договоров недействительными.

Кроме того, учитывая обязательность названного вида страхования, законом установлены иные последствия несообщения страхователем каких-либо сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для вероятности наступления страхового случая, — прекращение договора на будущее время и возможность требования страховщиком уплаты дополнительной страховой премии (статья 959 ГК РФ).

Признание спорных договоров недействительными страховая компания связывает с отрицательным ответом предпринимателя на вопросы о наличии заявленных ранее к нему требований о возмещении вреда в связи с осуществлением деятельности в качестве конкурсного управляющего. Однако проставление страхователем в указанных страховщиком графах заявления слова «нет» в случае его недостоверности влечет иные последствия для сторон договора страхования и не может свидетельствовать о факте умышленного сообщения предпринимателем страховой компании ложной информации.

Суд округа указал, что судам надлежало принять во внимание правовую позицию, изложенную в пункте 32 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2020), утвержденного Президиумом ВС РФ 10 июня 2020 года, согласно которой целью страхования ответственности арбитражного управляющего как разновидности страхования ответственности за причинение вреда, осуществляемого в пользу лиц (выгодоприобретателей), которым может быть причинен вред (статья 931 ГК РФ), является гарантированная за счет средств страхового фонда имущественная защита в условиях ведущихся процедур банкротства.

Так, страховщик ответственности арбитражного управляющего не вправе отказать в осуществлении страховой выплаты выгодоприобретателю со ссылкой на умышленный характер действий арбитражного управляющего. В этом случае страховщик вправе обратиться с регрессным требованием к арбитражному управляющему.

Направляя дело на новое рассмотрение, кассационная инстанция указала, что без учета вышеизложенного судебные акты не являются законными и обоснованными (*постановление АС СЗО от 08.07.21 по делу № А56-21111/2020*).

В правоприменительной практике возникает вопрос о том, переходит ли к страховщику после выплаты страхового возмещения страхователю

(выгодоприобретателю) по договору страхования ответственности за причинение вреда в порядке суброгации право требования возмещения убытков, которое имелось у страхователя (выгодоприобретателя) к причинителю вреда.

... Организация (клиент) и фирма (экспедитор) заключили договор транспортной экспедиции, по условиям которого клиент поручил экспедитору организовать перевозку груза (двигатели).

Фирма (страхователь) и страховая компания (страховщик) заключили договор страхования, по которому страховщик застраховал гражданскую ответственность экспедитора за вред, причиненный имущественным интересам других лиц в результате утраты, гибели или повреждения (порчи) груза, принятого страхователем для экспедирования.

Экспедитор (заказчик) и общество (перевозчик) заключили договор перевозки грузов автомобильным транспортом, по которому перевозчик обязался доставить вверенный груз в пункт назначения и выдать его уполномоченному на получение груза лицу, а также нести имущественную ответственность в рамках договора в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Общество приняло груз к перевозке. В процессе доставки груза произошло ДТП с участием автомобилей, перевозивших груз. При сдаче груза обнаружено его повреждение.

Признав произошедшее событие страховым случаем, страховая компания выплатила выгодоприобретателю — организации страховое возмещение.

Ссылаясь на то, что в порядке суброгации к страховой компании перешло право требования ущерба с причинителя вреда, страховщик обратился в арбитражный суд с иском к обществу (перевозчику) о взыскании ущерба, причиненного застрахованному имуществу в процессе перевозки.

Отказывая в иске, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что в правоотношении по страхованию ответственности, в рамках которого истец произвел страховое возмещение потерпевшему (выгодоприобретателю), лицом, ответственным за убытки, является сам страхователь (фирма), застраховавший свою ответственность. Факт выплаты истцом страхового возмещения не порождает у страховщика права требования, поскольку по договору страхования ответственности при наступлении ответственности у страхователя (фирмы), являющегося лицом, ответственным за убытки, возникает не право требования, а обязанность возместить вред потерпевшему, который за него возмещает страховщик. Суды указали, что при страховании ответственности суброгация невозможна. Кроме того, суды сделали вывод о том, что договор страхования заключен в нарушение статьи 932 ГК РФ и не может являться основанием для предъявления требований, вытекающих из него, к третьим лицам в силу его ничтожности.

При рассмотрении кассационной жалобы суд округа установил, что выводы нижестоящих судов об отсутствии у истца права на суброгацию в связи с

исполнением договора страхования ответственности экспедитора и ничтожности указанного договора не соответствуют статьям 168, 932, 965 ГК РФ, в связи с чем отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение.

Суд округа указал, что лицом, ответственным перед выгодоприобретателем за причиненные убытки в застрахованном имуществе, является сам страхователь. В этом случае страховщик, выплативший выгодоприобретателю страховое возмещение, не может предъявить в порядке суброгации требование страхователю, который заключает договор страхования именно с целью уменьшить или исключить риски возложения на него ответственности за несохранность имущества. Если убытки в застрахованном имуществе, за которые является ответственным страхователь, возникли вследствие виновных действий или бездействия третьих лиц, страховщик на основании статьи 965 ГК РФ получает право требования самого страхователя к лицу, ответственному за возмещенные в результате страхования убытки, из обязательства, связывающего это лицо и страхователя.

Таким образом, выплатив страховое возмещение, истец получил право требовать возмещения ущерба.

Направляя дело на новое рассмотрение, суд округа указал, что суды должны исследовать совокупность обстоятельств, необходимых для взыскания ущерба, причиненного вследствие ненадлежащего исполнения обязательства по договору перевозки (*постановление АС СЗО от 04.02.21 по делу № А56-124186/2018*).

При новом рассмотрении суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь правовой позицией, изложенной судом округа, удовлетворили иск, указав, что страховщик реализовал право требования, перешедшее к нему в порядке статьи 965 ГК РФ, путем предъявления иска непосредственно к причинителю вреда — перевозчику.

Нередко в правоприменительной практике возникает вопрос о том, подпадает ли под действие договора страхования ответственности арбитражных управляющих взыскание с арбитражного управляющего в пользу должника убытков, связанных с незаконными действиями управляющего.

... Из материалов дела следует, что решением арбитражного суда по делу № А12-44248/2015 общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим назначен Л.

Л. и страховая компания заключили договоры обязательного страхования ответственности арбитражных управляющих, выгодоприобретателями по которым указаны лица, участвующие в деле о банкротстве должника, и иные лица, у которых могут возникнуть убытки в связи с неисполнением или ненадлежащим

исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве, согласно решению арбитражного суда по делу № А12-44248/2015.

Определением суда Л. отстранен от исполнения обязанностей конкурсного управляющего общества, новым конкурсным управляющим утвержден Ш.

Судебными актами по делу № А12-44248/2015 признаны незаконными действия арбитражного управляющего Л., а также с него в пользу общества взыскано 151 804 095 рублей 8 копеек убытков.

Конкурсный управляющий Ш. обратился к Л. с требованием перечислить названную сумму в конкурсную массу общества; поскольку требование не было исполнено, Ш. обратился с аналогичным требованием к страховой компании, в которой Л. застраховал свою ответственность. Страховая компания отказала в выплате страхового возмещения, ссылаясь на то, что взыскание с арбитражного управляющего в пользу должника убытков не является страховым случаем.

Считая, что под действие договора страхования арбитражных управляющих подпадают незаконные действия, вследствие которых возникли убытки, подлежащие возврату в конкурсную массу, общество предъявило страховой компании иск о взыскании страхового возмещения.

Удовлетворяя иск, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что отказ в компенсации возникших у общества убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право общества на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего.

Освобождение страховой компании от выплаты страхового возмещения в пользу выгодоприобретателя в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего) противоречит и пункту 1 статьи 963 ГК РФ, поскольку препятствует обществу, как пострадавшему от таких действий лицу, в возмещении убытков, на случай наступления которых осуществлено страхование.

В свою очередь, в случае выплаты в условиях банкротства страхового возмещения в связи с причинением убытков вследствие умышленных действий страховщик защищен возможностью применения предусмотренного законодательством о банкротстве последствия — предъявления регрессного требования к арбитражному управляющему в размере произведенной страховой выплаты (пункт 9 статьи 24.1 Закона о банкротстве).

Суд округа согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций (*постановление АС СЗО от 19.08.20 по делу № А56-125038/2018*).

Правомерность указанного подхода подтверждена *Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ в определениях от 20.02.20 № 305-ЭС19-21664 и от 24.08.20 № 305-ЭС20-4326*.

Также в судебной практике возникают ситуации, когда арбитражные управляющие обращаются в страховые компании с требованием о выплате страхового возмещения по договору обязательного страхования ответственности

арбитражного управляющего, указывая на факт добровольного погашения убытков, возникших в результате неправомерных действий управляющих.

... Арбитражный управляющий П. на основании решения арбитражного суда по делу № А65-20683/2015 исполнял обязанности конкурсного управляющего общества.

Ответственность П. в период осуществления полномочий арбитражного управляющего общества застрахована в страховой компании по договорам обязательного страхования ответственности арбитражных управляющих.

Вступившим в законную силу определением арбитражного суда по указанному делу признаны незаконными действия конкурсного управляющего П., выразившиеся в превышении лимита расходов на оплату услуг лиц, привлеченных управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей. Суд обязал конкурсного управляющего возвратить в конкурсную массу должника 1 023 568 рублей 50 копеек, израсходованных на оплату услуг компании (920 000 рублей) и направленных на возмещение расходов на проезд и проживание арбитражного управляющего в гостинице (103 568 рублей 50 копеек).

П. добровольно возвратил должнику 923 356 рублей 50 копеек.

Ссылаясь на пункт 7 статьи 24.1 Закона о банкротстве, П. обратился в страховую компанию с заявлением о возмещении ему выплаченной в пользу общества суммы, считая страховой случай наступившим. Страховщик отказал истцу в выплате, указав на наличие вины арбитражного управляющего в нарушении требований Закона о банкротстве.

Не согласившись с отказом, арбитражный управляющий обратился в арбитражный суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения.

Отказывая в иске, суды первой и апелляционной инстанций отметили, что действия арбитражного управляющего не отвечали требованиям разумности и законности, что было установлено в определении арбитражного суда по делу № А65-20683/2015.

При этом действия П. были направлены не на защиту и соблюдение интересов должника, а на уклонение от личного исполнения обязанностей в процедуре банкротства, необоснованное и незаконное расходование конкурсной массы должника, что не отвечает требованиям заботливости, добросовестности и порядка, установленного Законом о банкротстве, а потому признаются совершенными умышленно.

Как отметил суд округа, оставляя без изменения судебные акты, суды верно указали, что в данном случае у страхового общества отсутствует безусловная обязанность выплатить страховое возмещение. Такая безусловная обязанность имеется лишь в случае обращения выгодоприобретателей по договору страхования (кредиторов или самого должника) с требованием о выплате возмещения. Если же с требованием о выплате возмещения обратился

страхователь, возместивший убытки, страховщик вправе возражать и отказать в выплате возмещения в связи с наличием в действиях арбитражного управляющего умысла (*постановление АС СЗО от 30.09.20 по делу № А56-112349/2019*).

При анализе судебной практики, связанной с применением законодательства об обязательном медицинском страховании (далее — ОМС), можно увидеть, как менялся подход ВС РФ при рассмотрении споров по искам организаций здравоохранения к страховым медицинским организациям по требованиям о взыскании задолженности за оказанные медицинские услуги по программам ОМС.

Правовой подход при рассмотрении таких споров был сформирован ВС РФ в пункте 28 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 26 декабря 2018 года (далее — Обзор № 4 (2018)). Как разъяснено в названном пункте, при отсутствии доказательств того, что оказанные услуги не входят в программу ОМС, и при отсутствии фактов нарушения медицинской организацией требований, предъявляемых к предоставлению медицинской помощи, медицинские услуги, оказанные сверх объема, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС, должны признаваться подпадающими под страховое обеспечение по ОМС и подлежащими оплате в полном объеме в соответствии с установленными тарифами ОМС страховой медицинской организацией.

При рассмотрении аналогичных дел АС СЗО и суды округа руководствовались вышеуказанным подходом.

... Медицинская организация (далее — общество) обратилась в арбитражный суд с иском к страховой медицинской организации о взыскании задолженности за оказанные медицинские услуги по программе ОМС.

К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен территориальный фонд ОМС.

В обоснование иска общество сослалось на то, что между ним и страховой медицинской организацией заключен договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС, по которому общество обязалось оказать в рамках территориальной программы ОМС необходимую медицинскую помощь застрахованному лицу, а страховая медицинская организация — оплатить медицинскую помощь. Приложением к договору стороны согласовали объемы медицинской помощи по территориальной программе ОМС.

Общество указало, что оказанная им обратившимся застрахованным лицам медицинская помощь оплачена страховой медицинской организацией частично.

Удовлетворяя иск, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Федерального закона от 21.11.11 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в том числе в соответствии с договором добровольного медицинского страхования.

Суды отметили, что законодательство не ставит возможность оказания лечебным учреждением гражданину в рамках программы бесплатной медицинской помощи в зависимость от запланированного общего объема такой помощи. Общество, оказав всем обратившимся застрахованным лицам необходимую медицинскую помощь, выполнило принятые по договору обязательства. При этом общество, включенное в территориальную программу ОМС, являющуюся гарантией обеспечения граждан бесплатной медицинской помощью, не вправе отказать в предоставлении медицинской помощи обратившимся гражданам. Исходя из изложенного суды пришли к выводу о наличии на стороне страховой медицинской организации обязанности по оплате в полном объеме фактически оказанной обществом медицинской помощи.

Кассационная инстанция оставила без изменения судебные акты первой и апелляционной инстанций (*постановление АС СЗО от 17.12.19 по делу № А66-18732/2018*).

Определением ВС РФ от 21.04.20 № 307-ЭС20-3046 территориальному фонду ОМС отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

Однако в определениях от 11.11.21 № 308-ЭС21-5947, от 04.04.22 № 301-ЭС21-24224, от 12.04.22 № 307-ЭС21-25419 и от 17.05.22 № 304-ЭС21-27079 ВС РФ изменил правовой подход при рассмотрении указанной категории дел.

ВС РФ в названных определениях указал, что в случае, если медицинской организацией оказаны услуги с превышением объемов оказания медицинской помощи, установленных решением соответствующей комиссии, при этом счета и реестры счетов на спорную сумму не прошли формально-логический контроль в фонде и медицинская организация не обращалась с предложением о перераспределении объемов медицинской помощи, у медицинской организации отсутствует право на истребование у страховой медицинской организации страхового обеспечения.

Кроме того, у медицинских организаций есть ряд инструментов для корректировки выделяемых им объемов медицинской помощи по программе ОМС, как, например, обжалование решений комиссии по разработке территориальной программы ОМС, а также право на пересмотр выделенных комиссией объемов с учетом потребности медицинской организации.

В пункте 21 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2022), утвержденного Президиумом ВС РФ 1 июня 2022 года (далее — Обзор № 1 (2022)), сформирован правовой подход, в соответствии с которым в оплате медицинской помощи сверх распределенного объема ее предоставления, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования, может быть отказано, если в установленном порядке объем медицинской помощи не был перераспределен.

Согласно информации для сведения, приведенной в Обзоре № 1 (2022), пункт 28 Обзора № 4 (2018) исключен.

Анализ судебной практики по вышеприведенным делам показал, что основные проблемы у судов возникают при рассмотрении споров, связанных со взысканием страхователем со страховщика страхового возмещения, в рамках которых необходимо установить, является ли произошедшее событие страховым случаем, а также с определением размера страхового возмещения, подлежащего выплате страхователю. Те вопросы, которые нашли отражение в данной статье, арбитражными судами разрешаются единообразно, в соответствии с позицией, изложенной в обзорах судебной практики ВС РФ и определениях Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

О некоторых особенностях оспаривания в деле о банкротстве сделок должника, связанных с исполнением кредитных обязательств

Трохова Мария Владимировна

Судья Арбитражного суда Северо-Западного округа

Нарижний Артём Сергеевич

Судья Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области

В статье рассматриваются особенности оспаривания сделок должника по мотиву предпочтительного удовлетворения требований кредитных организаций. В фокусе внимания авторов находятся обстоятельства, подлежащие проверке и установлению судом при рассмотрении таких споров. Предметом исследования также является вопрос о квалификации платежей по погашению кредита как совершенных в обычной хозяйственной деятельности должника.

Ключевые слова: оспаривание преференциальных сделок, недобросовестность кредитной организации, пролонгация кредита, обеспечительные сделки, просроченные денежные обязательства, обычная хозяйственная деятельность, типичные платежи.

Установление особого режима имущественных требований к должнику, не допускающего удовлетворения этих требований в индивидуальном порядке, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, позволяет обеспечивать определенность объема его имущества в течение всей процедуры банкротства, создавая необходимые условия как для принятия мер к преодолению неплатежеспособности должника, так и для возможно более полного удовлетворения требований всех кредиторов, что, по существу, направлено на предоставление им равных правовых возможностей при реализации экономических интересов; при столкновении законных интересов кредиторов в процессе конкурсного производства решается задача пропорционального распределения среди кредиторов конкурсной массы (постановления от 12.03.01 № 4-П, от 31.01.11 № 1-П и др.).

В соответствии с пунктом 1 статьи 61.1 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, могут быть признаны недействительными в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ), а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве.

В силу пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве сделка, совершенная должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований, в частности если сделка привела к тому, что отдельному кредитору оказано или может быть оказано большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) (абзацы первый и пятый).

По основаниям, предусмотренным статьей 61.3 Закона о банкротстве, могут быть оспорены не только заключенные между должником и банком (иной кредитной организацией) кредитные договоры и сделки, обеспечивающие исполнение кредитных обязательств, но и действия, направленные на исполнение таких обязательств, — банковские операции, в том числе списание банком денежных средств со счета клиента банка в счет погашения задолженности клиента перед банком (как безакцептное, так и на основании распоряжения клиента). Прямое указание на возможность оспаривания банковских операций содержится в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.10 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» (далее — постановление № 63).

Согласно правовой позиции, изложенной в *определении Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.20 № 305-ЭС20-5613*, оспаривание преференциальных сделок является разновидностью косвенного иска, предъявляемого в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов несостоятельного должника. При разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке. Право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые.

... Так, в рамках дела о банкротстве гражданина суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требование финансового управляющего о признании недействительными платежей, совершенных по кредитному договору после принятия заявления о признании гражданина банкротом и в течение месяца до его принятия, установив нарушение очередности удовлетворения требований кредиторов.

Суд кассационной инстанции, отменяя принятые по делу судебные акты, признал невыясненным вопрос о том, погашались ли требования иных кредиторов в период совершения должником оспариваемых платежей в пользу банка. Направляя дело на новое рассмотрение, суд округа указал на необходимость установить, имелось ли предпочтение и в каком размере перед кредиторами должника в период совершения последним оспариваемых платежей (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа (далее — АС СЗО) от 24.05.22 по делу № А56-8952/2019*).

В случае оспаривания сделки по мотиву предпочтительного удовлетворения требований кредитора по общему правилу момент ее совершения влияет на обстоятельства, подлежащие доказыванию. Так, если сделка с предпочтением совершена в течение одного месяца до принятия судом заявления о признании должника банкротом, то в силу пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве для признания ее недействительной достаточно установления самого факта предпочтительного удовлетворения требования. В свою очередь, если сделка с предпочтением совершена в течение шести месяцев до возбуждения производства по делу о банкротстве, она может быть признана недействительной, если будет установлена недобросовестность кредитора или иного лица, в отношении которого совершена такая сделка. При этом под недобросовестностью понимается осведомленность кредитора о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества* (пункт 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве).

Между тем при оспаривании платежей по кредитным договорам должен быть учтен ряд специфических факторов. К таковым относится возможность признания соответствующих платежей совершенными в обычной хозяйственной деятельности (пункт 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве) и (или) типичными платежами (пункт 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве), что при наличии определенной совокупности условий влечет отказ в удовлетворении заявления о признании их недействительными.

Типичным является платеж, не отличающийся по срокам и размеру от определенных в кредитном договоре. При этом пунктом 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 23.06.16 № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

* Вместе с тем доказывания осведомленности кредитора об указанных обстоятельствах не требуется, если при оспаривании совершенной должником в течение шести месяцев до возбуждения производства по делу о банкротстве сделки с предпочтением установлены условия, предусмотренные абзацами вторым и третьим пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Федерации» установлен специальный критерий недобросовестности, который применяется при рассмотрении заявлений об оспаривании сделок, связанных с исполнением кредитных обязательств.

К обстоятельствам, подлежащим установлению при рассмотрении таких споров, относится осведомленность кредитной организации о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами.

Главный проблемный вопрос, возникающий при оспаривании преференциальных сделок должника с кредитной организацией, связан с установлением осведомленности последней о наличии у должника просроченных обязательств на момент совершения сделки

Пунктом 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве, с одной стороны, и пунктами 2 и 3 статьи 61.3 названного закона, с другой стороны, установлены различные требования к глубине знания кредитора о финансовом положении должника, которая может быть поставлена в упрек такому кредитору и расценена в качестве свидетельства о его недобросовестности.

При этом в силу принципа *lex specialis derogat generali* (специальный закон вытесняет общий) положения пункта 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве имеют приоритет над положениями пунктов 2 и 3 статьи 61.3 названного закона в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения.

Презумпция осведомленности ответчика о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами на момент совершения сделки распространяется на аффилированных должнику лиц, при этом такое лицо не лишено возможности опровергнуть названную презумпцию.

... При рассмотрении требования конкурсного кредитора о признании недействительными платежей должника, совершенных в погашение обязательств по кредитному договору в пользу банка в пределах сроков, установленных пунктами 2 и 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, суды первой и апелляционной инстанций установили, что на дату совершения платежей у должника имелись просроченные денежные обязательства, а также признаки недостаточности имущества и неплатежеспособности, банк являлся аффилированным с должником лицом и обладал сведениями об указанных признаках. Суд кассационной инстанции согласился с выводами судов о наличии

оснований для признания платежей недействительными (*постановление АС СЗО от 26.11.21 по делу № А44-1127/2019*).

Однако при оспаривании такой сделки в отношении ответчика, чья заинтересованность (юридическая либо фактическая) к должнику не доказана, суду необходимо оценивать, проявил ли ответчик требуемую от него по условиям оборота осмотрительность перед совершением сделки.

Примерный перечень обстоятельств, которые могут свидетельствовать об осведомленности независимого контрагента о наличии у должника признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества на дату совершения сделки, приведен в абзацах с четвертого по седьмой пункта 12 постановления № 63. К таковым, в частности, относятся: неоднократное обращение должника к кредитору с просьбой об отсрочке долга по причине невозможности его уплаты в изначально установленный срок; известное кредитору (кредитной организации) длительное наличие картотеки по банковскому счету должника (в том числе скрытой); осведомленность кредитора о том, что должник подал заявление о признании себя банкротом.

Как разъяснено в пункте 12.2 постановления № 63, наличие у юридического лица статуса кредитной организации не может рассматриваться как единственное и достаточное обоснование того, что оно знало или должно было знать о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника; оспаривающее сделку лицо должно представить конкретные доказательства недобросовестности кредитной организации.

В случаях, когда законодательство или кредитный договор предусматривают получение кредитной организацией от заемщика документов о его финансовом положении, судам следует в числе прочего учитывать, имелись ли в представленных документах конкретные сведения, заметно свидетельствующие о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Оценка достаточности доказательств, представленных заявителем либо его оппонентом в подтверждение осведомленности кредитной организации, приводит к соответствующим выводам относительно обоснованности или необоснованности заявления конкурсного управляющего.

В свою очередь, под сделкой, совершенной в процессе обычной хозяйственной деятельности должника, понимается сделка, не отличающаяся существенно по своим основным условиям от аналогичных сделок, неоднократно совершавшихся до этого должником в течение продолжительного периода времени. Таковой, в частности, является возврат очередной части кредита в соответствии с графиком, однако не может быть признан платеж со значительной просрочкой или не обоснованный разумными экономическими причинами досрочный возврат кредита (абзац четвертый пункта 14 постановления № 63).

Сделки по передаче имущества, совершаемые в обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником, не могут быть оспорены на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве, если цена имущества, передаваемого по одной или нескольким взаимосвязанным сделкам, не превышает один процент стоимости активов должника, определяемой на основании бухгалтерской отчетности должника за последний отчетный период (пункт 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве).

Бремя доказывания того, что сделка была совершена в процессе обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником, лежит на другой стороне сделки. Бремя доказывания того, что цена сделки превысила один процент стоимости активов должника, лежит на оспаривающем сделку лице (абзац первый пункта 14 постановления № 63).

Для сделок по передаче (отчуждению) должником имущества (платеж во исполнение договорного обязательства, в том числе по возврату кредита) с балансовой стоимостью активов должника сопоставляется стоимость этого имущества, определенная по данным бухгалтерского учета, а если доказано, что рыночная стоимость этого имущества значительно превышала такую стоимость, — рыночная стоимость.

Последовательно совершенные платежи по погашению кредита представляют собой обыкновенные текущие платежи по кредитному договору, и они не могут считаться взаимосвязанными сделками.

При определении того, совершена ли сделка в процессе обычной хозяйственной деятельности должника, учитывается, что погашение задолженности по договору произведено в соответствии с его условиями, которые не отличались от аналогичных сделок, неоднократно совершавшихся до этого должником в течение продолжительного периода времени. Тем самым каждый совершенный платеж по погашению кредита и процентов за пользование кредитом необходимо оценивать как самостоятельную сделку.

Удовлетворяя требования кредитора в рамках своей обычной хозяйственной деятельности, должник не дает такому лицу разумных оснований сомневаться в правомерности своих действий. В связи с этим на добросовестного кредитора, которому не должно было быть известно о получении им предпочтения перед иными кредиторами, не возлагаются негативные последствия, которые предусмотрены пунктом 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве (пункт 16 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 года (далее — Обзор)).

... В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий оспорил операции по частичному погашению задолженности общества по

кредитному договору по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 61.2, статьей 61.3 Закона о банкротстве. Конкурсный управляющий сослался на то, что на момент совершения спорной операции в банке имела «скрытая» картотека неоплаченных платежных поручений, операции были совершены в обход других ожидающих исполнения распоряжений клиентов в целях досрочного возврата кредита.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении заявления отказано.

Суды установили, что в результате совершения в соответствии с условиями кредитного договора погашения кредита активы банка не изменились, поскольку дебиторская задолженность уменьшилась за счет увеличения поступивших денежных средств.

Суды применили положения пункта 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве и пришли к выводу о том, что оспариваемые платежи являются обычными текущими (непросроченными) операциями по погашению процентов по кредитному договору. Доказательств существования на момент осуществления операций постоянной картотеки неисполненных обязательств и осведомленности общества о наличии не исполненных банком поручений иных клиентов по причине отсутствия денежных средств на корреспондентском счете банка конкурсный управляющий не представил.

Вывод судов о том, что оспариваемые платежи соответствуют критериям операции, совершенной в процессе обычной хозяйственной деятельности, поддержан судом кассационной инстанции (*постановление АС СЗО от 31.01.19 по делу № А56-76137/2016*).

Изложенное свидетельствует о схожести обстоятельств, наличие которых позволяет признать платеж типичным или совершенным в обычной хозяйственной деятельности, ввиду чего на практике нередко одновременно заявляются возражения, основанные как на пункте 2, так и на пункте 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве.

Суд должен разрешить вопрос о квалификации оспариваемых сделок как совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности должника

В то же время возможность применения положений пунктов 2 и 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве поставлена в зависимость от разных критериев. Так, признание платежа совершенным в обычной хозяйственной деятельности зависит от доказанности объективного факта: его размер не должен превышать один процент стоимости активов должника, определенной

на основании бухгалтерской отчетности должника за последний отчетный период. В свою очередь, возможность признания платежа типичным зависит от доказанности субъективного факта — осведомленности кредитора к моменту совершения соответствующего платежа о наличии у должника денежных обязательств или обязанности по уплате обязательных платежей перед иными конкурсными кредиторами (уполномоченными органами), срок исполнения которых наступил.

При этом согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.16 № 310-ЭС15-12396, добросовестность контрагента по сделке имеет правовое значение для рассмотрения вопроса о возможности применения к спорным отношениям положений пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве.

Интересной в контексте изложенного представляется следующая правовая позиция, приведенная в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.18 № 305-ЭС17-22089.

... В рамках дела о банкротстве общества конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными платежей, совершенных должником в пользу банка в течение месяца до возбуждения производства по делу о банкротстве.

Суд первой инстанции удовлетворил заявление, посчитав доказанной необходимую для признания расчетных операций недействительными совокупность обстоятельств, предусмотренную пунктами 1 и 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве. Так, платежи проведены менее чем за месяц до принятия заявления о признании должника банкротом при наличии у должника обязательств перед другими кредиторами и привели к преимущественному удовлетворению требования банка.

Суд апелляционной инстанции, с которым согласился суд округа, отказывая в признании расчетных операций недействительными, исходил из того, что они совершены в процессе обычной хозяйственной деятельности. Выводы суда основаны на том, что размер исполненного в пользу банка значительно ниже однопроцентного порогового значения, установленного пунктом 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве, при этом спорными операциями исполнены обязательства в те сроки и в тех размерах, что предусмотрены кредитным договором, они не отличаются от расчетов, осуществлявшихся ранее должником в течение продолжительного периода времени. Доводы заявителя о принятии банком исполнения в ситуации осведомленности о фактической несостоятельности должника признаны судом апелляционной инстанции не имеющими правового значения для правильного разрешения спора о

недействительности подозрительной сделки, совершенной в месячный период подозрительности, предусмотренный пунктом 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Отменяя принятые по делу судебные акты, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации исходила из того, что пунктом 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве установлены особенности оспаривания расчетных операций, направленных на исполнение обязательств, вытекающих из кредитных договоров. Поскольку обстоятельства, касающиеся реальной осведомленности банка о наличии просроченных обязательств перед другими конкурсными кредиторами или перед бюджетом, судами не выяснялись, вывод суда первой инстанции об обоснованности заявления конкурсного кредитора является преждевременным. В свою очередь, суды апелляционной инстанции и округа, сохраняя юридическую силу платежей в пользу банка, неверно истолковали положения пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве. Для правильного разрешения вопроса о совершении расчетной операции в процессе обычной хозяйственной деятельности следует учитывать, что к таковой не могут быть отнесены платежи, совершенные при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контрагента несостоятельного должника, который, в частности, согласился принять исполнение без учета принципов очередности и пропорциональности, располагая информацией о недостаточности имущества должника для проведения расчетов с другими кредиторами. Следовательно, добросовестность банка имела правовое значение для рассмотрения вопроса о возможности применения к спорным отношениям положений пункта 2 статьи 61.4 указанного закона.

Таким образом, отменяя судебные акты, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации исходила из необходимости системного толкования положений статьи 61.3 и пунктов 2 и 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве при рассмотрении споров о признании недействительными платежей по кредитным договорам, отметив взаимосвязанность объективного и субъективного критериев.

... Кроме того, развивая указанную правовую позицию, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 10.12.20 № 305-ЭС19-23861(3) указала, что в целях квалификации платежа на предмет его отнесения к обычной хозяйственной деятельности должника необходимо сопоставить оспариваемый платеж с предусмотренными договором условиями о порядке погашения кредита, а также с иными платежами, совершенными должником при исполнении данного кредитного договора ранее («...не отличалось по срокам и размеру уплаченных или взысканных платежей от определенных в кредитном договоре»).

Приведем обстоятельства, установленные судами Северо-Западного округа в ходе рассмотрения споров о признании недействительными платежей по кредитным договорам.

... В рамках дела о банкротстве общества его внешний управляющий оспорил платежи должника, совершенные во исполнение кредитных обязательств перед различными банками в преддверии банкротства и после возбуждения производства по делу о банкротстве, по основаниям статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Удовлетворяя заявление управляющего о признании недействительным платежа, совершенного менее чем за месяц до возбуждения дела о банкротстве, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу об оказании банку предпочтения в удовлетворении требований перед другими кредиторами должника. Суды признали доказанной осведомленность банка о неплатежеспособности должника в момент совершения сделки, поскольку в распоряжении банка имелась представленная должником оборотно-сальдовая ведомость по счету 60.01, отражающая суммы, подлежащие уплате конкретным контрагентам на начало и конец периода, и обороты за определенный период.

Суд округа определение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда отменил, отказав внешнему управляющему в удовлетворении заявления.

Суд счел, что банк не мог исходя из указанного документа, не содержащего разбивки обязательств перед кредиторами, срок исполнения которых наступит и уже наступил, определить, имело ли общество на момент совершения оспариваемой сделки просроченные обязательства перед иными кредиторами.

Разрешая вопрос об осведомленности банка в данном обособленном споре, суд округа признал, что у банка отсутствовали сведения, позволяющие сделать однозначный вывод о получении им предпочтения при удовлетворении требования, вытекающего из кредитного договора, что в силу пункта 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве исключает признание оспариваемой сделки недействительной на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве (*постановление АС СЗО от 11.12.18 по делу № А56-2138/2016*).

... В рамках того же дела суды первой и апелляционной инстанций не усмотрели оснований для удовлетворения еще одного заявления внешнего управляющего должника о признании недействительными платежей, направленных на погашение кредитной задолженности общества и совершенных им в течение шести месяцев до возбуждения производства по делу о банкротстве и после его возбуждения. Судами установлено, что перечисления денежных средств совершены в сроки и в размерах, определенных в кредитном договоре, а

при обращении в суд внешним управляющим не были представлены доказательства осведомленности банка о наличии у должника денежных обязательств или обязанности по уплате обязательных платежей перед иными конкурсными кредиторами (уполномоченными органами), срок исполнения которых наступил.

Суд округа согласился с выводами судов, указав, что наличие в кредитном договоре условия об обязанности заемщика ежемесячно предоставлять кредитору бухгалтерские балансы с расшифровками кредиторской и дебиторской задолженностей и иную информацию о финансовом положении само по себе не означает, что финансовая отчетность действительно передавалась должником банку (*постановление АС СЗО от 04.02.19 по делу № А56-2138/2016*).

... Отказывая в удовлетворении заявления о признании недействительными платежей, совершенных до возбуждения дела о банкротстве общества, суды первой и апелляционной инстанций (с которыми согласился суд кассационной инстанции) указали на отсутствие в материалах дела данных о том, что банк в спорный период располагал сведениями о наличии у общества просроченных обязательств перед другими кредиторами. Судами установлено, что спорные перечисления денежных средств произведены в сроки и в размере, которые определены в кредитном договоре, картотека по счету общества в спорный период отсутствовала, заявление о признании должника несостоятельным подано после совершения оспариваемых платежей. Конкурсный управляющий не опроверг утверждение банка о том, что в течение длительного срока общество своевременно исполняло обязательства по иным кредитным договорам, его финансовое положение оценивалось банком как хорошее, негативные показатели коэффициентов финансово-хозяйственной деятельности должника установлены только по результатам проведения анализа финансового состояния в рамках дела о банкротстве (*постановление АС СЗО от 07.11.19 по делу № А56-25375/2017*).

... По основаниям, предусмотренным статьей 61.3 Закона о банкротстве, конкурсный управляющий общества оспорил сделки по погашению должником просроченной задолженности и процентов по кредитным договорам, заключенным с банком.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления о признании недействительными сделок, совершенных более чем за месяц до возбуждения дела о банкротстве общества. При этом суд исходил из недоказанности конкурсным управляющим оснований для применения к спорным платежам положений пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве в связи с отсутствием в материалах дела доказательств осведомленности банка о наличии у должника признаков неплатежеспособности либо недостаточности имущества, равно как и

наличия самих признаков неплатежеспособности либо недостаточности имущества.

Суд признал недействительным один платеж, произведенный должником после возбуждения дела о банкротстве, который существенно отличался по размеру от других платежей.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что все оспариваемые сделки являлись платежами по уплате процентов за пользование кредитными средствами, которые оплачены в сроки, оговоренные кредитным договором, размер платежей существенно не отличался от периодов времени их начисления и оплаты, притом что каждый оспариваемый платеж не превышает один процент от стоимости активов должника.

Установив, что оспариваемые платежи совершены в ходе исполнения обязательств должника по кредитным договорам, заключенным задолго до возбуждения дела о банкротстве, в условиях отсутствия у банка заинтересованности по отношению к должнику и при недоказанности обстоятельств, свидетельствующих о том, что банку было заведомо известно о неплатежеспособности должника, притом что платежи, произведенные после возбуждения дела о банкротстве общества, совершены в процессе обычной хозяйственной деятельности должника, суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции в части удовлетворения заявления конкурсного управляющего.

Суд кассационной инстанции поддержал выводы суда апелляционной инстанции (*постановление АС СЗО от 05.02.21 по делу № А56-62474/2017/сд.2*).

... В другом деле суды первой и апелляционной инстанций, сохраняя юридическую силу платежей в пользу банка, совершенных более чем за месяц до возбуждения дела о банкротстве, установили, что в представленных обществом в банк документах о финансовом положении отсутствовали конкретные сведения, свидетельствующие о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. По данным не признанного недостоверным бухгалтерского баланса на дату, предшествующую датам совершения платежей, у должника имелись активы в значительном размере. Судами принято во внимание, что общество в спорный период исполняло свои обязательства по кредитным договорам в пользу других кредитных организаций. Суд округа согласился с выводами судов (*постановление АС СЗО от 09.09.20 по делу № А56-72429/2015*).

... В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий оспорил платежи в счет погашения просроченной ссудной задолженности и процентов в пользу банка. Заявитель указал, что все платежи совершены в

период неплатежеспособности общества, которое имело значительные неисполненные обязательства перед кредиторами.

Возражая против требований заявителя, банк указал на то, что общество осуществляло платежи в размере, не превышающем один процент от стоимости активов должника, в рамках своей обычной деятельности, не выходящей за пределы разумного поведения, в счет погашения периодически возникающей просрочки, которая по правилам банка являлась допустимой, позволяющей в таких условиях кредитовать заемщиков и получать исполнение.

Суд первой инстанции признал недействительными платежи, совершенные в день размещения банком публикации о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом. Платежи, произведенные в предшествующий период, суд квалифицировал как совершенные в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Отменяя определение суда первой инстанции в удовлетворенной части требований конкурсного управляющего, апелляционный суд указал на то, что все платежи были совершены должником при наличии у него признаков неплатежеспособности и осведомленности банка об этом, что исключает квалификацию спорных платежей как совершенных в обычной хозяйственной деятельности. Свои выводы апелляционный суд мотивировал тем, что о просрочке должника кредитная организация знает в силу своих полномочий. Тем не менее апелляционный суд сделал заключение об отсутствии оснований для признания платежей недействительными в полном объеме, поскольку обязательства общества перед банком были обеспечены залогом имущества на сумму, превышающую размер задолженности.

Суд кассационной инстанции, оставляя без изменения постановление суда апелляционной инстанции, указал на то, что сами по себе приведенные конкурсным управляющим доводы об осведомленности банка об ухудшении финансового положения заемщика (должника) не свидетельствуют о предпочтительном характере совершенных платежей.

Суд отметил, что обычные расчеты в рамках кредитного договора могут быть оспорены лишь в случае подтверждения умысла кредитной организации на причинение вреда конкретным кредиторам должника в результате погашения кредитных обязательств.

Несмотря на то что спорные платежи должником вносились банку с просрочкой, нарушение сроков было незначительным, а доводы банка о том, что допускаемые в спорный период обществом просрочки платежей не являлись экстраординарными в рамках исполнения заключенных сторонами кредитных договоров, лицами, участвующими в деле, не опровергнуты.

Конкурсным управляющим в ходе оспаривания названных платежей не приведено указаний на конкретных кредиторов должника, обязательства перед

которыми были просрочены на момент внесения спорных платежей и о которых определенно должно было быть известно банку.

В представленных банку должником документах конкретные сведения, заметно свидетельствующие о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, не содержались.

С учетом изложенного суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что спорные платежи не могут быть оспорены по основаниям пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве в силу положений пункта 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве, так как они являлись обычными для кредитной организации и у банка отсутствовала осведомленность о нарушении в результате проведения расчетов законных интересов какого-либо конкретного кредитора (кредиторов).

Указанные обстоятельства исключают недействительность платежей, имевших место в течение месяца до момента возбуждения производства по делу (пункт 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве).

Спорные платежи имели место до обращения банка в суд с заявлением о признании общества банкротом, следовательно, данное обстоятельство не может влиять на их квалификацию (*постановление АС СЗО от 06.12.21 по делу № А56-81401/2019*).

... К выводу о том, что заявителем не доказана осведомленность кредитной организации о наличии у должника просроченных обязательств перед кредиторами, суды пришли также при следующих обстоятельствах.

Сформулированные по результатам анализа финансового положения заемщика за шесть месяцев до возбуждения дела о банкротстве банком выводы о том, что финансовое положение последнего оценивается как среднее, комплексный анализ производственной и финансово-хозяйственной деятельности заемщика и иные сведения о нем, включая информацию о внешних условиях, свидетельствуют об отсутствии прямых угроз текущему финансовому положению при наличии в деятельности заемщика негативных явлений, которые в обозримой перспективе могут привести к появлению финансовых трудностей, подтверждают неосведомленность банка о наличии неисполненных обязательств перед иными кредиторами на момент осуществления оспариваемых конкурсным управляющим платежей (*постановление АС СЗО от 19.11.19 по делу № А56-38885/2016*).

... Наличие арбитражных споров о взыскании денежных средств с должника и неоднократная пролонгация кредитов в отсутствие доказательств злоупотребления правом не свидетельствуют о наличии признаков неплатежеспособности. Заявитель должен представить доказательства нахождения в распоряжении банка сведений, свидетельствующих о безусловном

неудовлетворительном положении должника (*постановление АС СЗО от 03.11.20 по делу № А56-70649/2017*).

... Само по себе ухудшение финансового положения должника, получение убытка по результатам хозяйственной деятельности за определенный период, убыточный характер деятельности в целом не являются условиями, при которых сделка должника может быть признана недействительной как сделка с предпочтением, тем более что указанные обстоятельства не влекут с обязательностью несостоятельность должника. Сведения о предоставлении банку исполнительных документов или постановлений об обращении взыскания на денежные средства общества, находящиеся на счете в банке, а также о наличии картотеки в материалах дела отсутствуют (*постановление АС СЗО от 20.05.20 по делу № А56-38205/2016*).

Судебная практика показывает, что заявителям иногда удается доказать недобросовестность кредитной организации, влекущую для нее неблагоприятные последствия, предусмотренные статьей 61.3 Закона о банкротстве.

... Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, сделки по списанию банком денежных средств со счета должника в течение одного месяца до даты принятия заявления о признании должника банкротом признаны недействительными.

Суды установили, что банк досрочно расторг соглашение о предоставлении кредита в форме овердрафт и списал денежные средства в порядке исполнения обязательств по соглашению.

Суды приняли во внимание, что банк был осведомлен о неблагоприятном финансовом положении должника, неисполнении им обязательств перед иными контрагентами и эти обстоятельства были положены банком в основание досрочного одностороннего отказа от соглашения. Суды сочли, что исполнение обязательства отличалось по срокам от определенного в расторгнутом соглашении.

Суд кассационной инстанции поддержал выводы судов (*постановление АС СЗО от 18.04.18 по делу № А56-3608/2015*).

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными платежей, совершенных в пользу банка в течение месяца до даты принятия заявления о признании должника банкротом и после возбуждения производства по делу о банкротстве.

Банк возражал против требования конкурсного управляющего и заявил о пропуске срока исковой давности.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления, применив срок исковой давности.

Суд апелляционной инстанции установил, что заявление об оспаривании сделки подано в пределах года с даты открытия в отношении должника конкурсного производства, и посчитал, что срок исковой давности конкурсным управляющим не пропущен.

Оценив представленные конкурсным управляющим доказательства, в том числе переписку банка и должника, суд также пришел к выводу об информированности банка о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед другими кредиторами на момент совершения спорной сделки.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции о наличии оснований для признания платежей недействительными (*постановление АС СЗО от 11.03.20 по делу № А56-69682/2016*).

... В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением, в котором просил признать недействительными действия банка, совершенные после возбуждения производства по делу о банкротстве, по списанию со счета должника денежных средств в порядке частичного погашения основного долга по заключенным ранее кредитным договорам.

Суд первой инстанции посчитал, что требования банка не были удовлетворены предпочтительно относительно требований иных кредиторов должника, поскольку после совершения оспариваемых сделок банк на более выгодных условиях предоставил должнику новый кредит на значительную сумму.

Отметив, что при таком положении конкурсная масса общества фактически не уменьшилась, суд отказал в удовлетворении заявления конкурсного управляющего должника.

Апелляционный суд согласился с выводами суда первой инстанции, указав также, что требования банка к обществу обеспечены залогом имущества последнего, в связи с чем в любом случае не могут считаться удовлетворенными с предпочтением.

Суд кассационной инстанции не усмотрел оснований для квалификации спорных платежей как типичных для сложившихся между сторонами правоотношений, приняв во внимание, что сроки исполнения обязательств по кредитным договорам на момент совершения платежей еще не наступили.

По мнению суда округа, суды не проверили надлежащим образом довод конкурсного управляющего о том, что на момент совершения оспариваемых сделок в распоряжении банка имелись сведения о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед другими конкурсными кредиторами. При этом в подтверждение осведомленности банка об указанных

обстоятельствах конкурсный управляющий ссылался на размещенное в открытом доступе в сети Интернет определение о принятии к производству суда заявления о признании общества банкротом, а также электронную переписку сторон.

Суд признал обоснованным довод конкурсного управляющего о том, что совершенное после возбуждения производства по делу о банкротстве погашение задолженности по ранее заключенным кредитным договорам и последующее получение обществом кредита повлекло за собой трансформацию очередности погашения требований банка с реестровой в текущую.

Для оценки обоснованности заявления конкурсного управляющего суд кассационной инстанции направил дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение (*постановление от 06.08.20 по делу № А56-70649/2017*).

При новом рассмотрении дела суд первой инстанции посчитал, что должник к моменту исполнения обязательств по соответствующим кредитным договорам не имел известных банку денежных обязательств перед конкурсными кредиторами или обязанности по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил.

Суд отметил, что совершенные платежи соответствуют условиям соответствующих кредитных договоров, и в связи с этим отказал в удовлетворении заявления конкурсного управляющего.

Апелляционный суд не согласился с указанными выводами суда первой инстанции, приняв во внимание, что сроки исполнения обязательств по кредитным договорам на момент совершения платежей еще не наступили, и, с учетом прямо выраженного волеизъявления должника на досрочное прекращение соответствующих обязательств, заключил, что спорные платежи не отвечают признаку типичности.

Суд также указал, что из переписки сторон следует информированность банка о наличии у общества на даты совершения платежей задолженности перед другими кредиторами, вследствие чего отменил определение суда в части отказа в признании недействительными платежей и принял в этой части новый судебный акт об удовлетворении заявления конкурсного управляющего.

Суд округа оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменения (*постановление АС СЗО от 08.04.21 по делу № А56-70649/2017*).

... В рамках этого же дела конкурсный управляющий просил признать недействительными платежи в пользу банка, совершенные должником после возбуждения дела о банкротстве.

Суд первой инстанции установил, что на момент совершения оспариваемых платежей у должника имелись неисполненные обязательства перед другими кредиторами и банк получил предпочтительное удовлетворение своих требований к должнику перед удовлетворением требований других кредиторов. В этой связи суд пришел к выводу о наличии оснований для

удовлетворения заявления конкурсного управляющего на основании пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Апелляционный суд не согласился с выводами суда первой инстанции, посчитав, что оспариваемые платежи совершены в процессе обычной хозяйственной деятельности должника при отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности банка, который согласился принять исполнение без учета принципов очередности и пропорциональности, и его осведомленности о недостаточности имущества должника для проведения расчетов с другими кредиторами. На этом основании суд отменил определение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении заявления конкурсного управляющего.

Суд кассационной инстанции посчитал, что суд первой инстанции не дал оценку таким обстоятельствам, как осведомленность банка о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами и отличие совершенных платежей по срокам и размеру от определенного в кредитном договоре обязательства.

Суд округа также не согласился с выводом суда апелляционной инстанции об отсутствии в материалах дела допустимых доказательств, подтверждающих осведомленность банка о наличии неисполненных обязательств перед иными кредиторами.

В подтверждение осведомленности банка конкурсный управляющий ссылаясь на то, что о наличии у общества просроченной задолженности банку было известно, во-первых, из заявления о признании общества банкротом и определения о возбуждении производства по делу о банкротстве должника, во-вторых, из электронной переписки между сторонами, согласно которой общество предоставило банку последний отчет со сведениями о своей дебиторской и кредиторской задолженности перед совершением сделок.

Суд кассационной инстанции отметил, что электронная переписка является письменным доказательством по делу и подлежит оценке наряду с другими доказательствами.

Суд также указал на то, что обстоятельства и мотивы заключения сторонами дополнительных соглашений о продлении сроков возврата кредита судами не устанавливались и не исследовались, а доводы конкурсного управляющего о том, что погашение кредитных обязательств произведено досрочно в отсутствие разумных экономических причин, притом что о неплатежеспособности общества свидетельствуют неоднократные пролонгации срока уплаты кредита и многочисленные просрочки уплаты процентов, также не получили надлежащей оценки судов.

Для оценки обоснованности заявления конкурсного управляющего суд кассационной инстанции направил дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 10.09.19 по делу № А56-70649/2017*).

Согласно абзацам пятому — седьмому пункта 12 постановления № 63 получение кредитором платежа со значительной просрочкой, или от третьего лица за должника, или после подачи этим или другим кредитором заявления о признании должника банкротом само по себе еще не означает, что кредитор должен был знать о неплатежеспособности должника.

Если платеж был получен после того, как данный кредитор подал заявление о признании должника банкротом или узнал о подаче такого заявления другим кредитором, то при решении вопроса о добросовестности такого кредитора следует, в частности, учитывать, свидетельствовали ли обстоятельства подачи данного заявления о том, что имеет место действительно неплатежеспособность должника, либо инициатор банкротства рассматривает возбуждение такого дела как ординарный вариант принудительного исполнения судебного решения, а также были ли поданы в рамках возбужденного дела о банкротстве заявления других кредиторов.

Само по себе размещение на сайте Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в картотеке арбитражных дел информации о возбуждении дела о банкротстве должника не означает, что все кредиторы должны знать об этом. Однако это обстоятельство может быть принято во внимание, если с учетом характера сделки, личности кредитора и условий оборота проверка сведений о должнике должна была осуществляться в том числе путем проверки его по указанной картотеке.

При этом с момента официального опубликования сведений о введении наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства считается, что органы, осуществляющие взыскание обязательных платежей, обладают информацией о наличии у должника не исполненных в установленный срок требований по денежным обязательствам (пункт 16 Обзора).

Изложенные правовые позиции используются судами Северо-Западного округа применительно к индивидуальным особенностям каждого из споров.

... Суд первой инстанции удовлетворил заявление конкурсного управляющего должника о признании недействительными сделок по безакцептному списанию банком денежных средств со счета должника в течение одного месяца до даты принятия заявления о признании должника банкротом и после возбуждения производства по делу о банкротстве, установив, что платежи по кредиту совершены с просрочкой при наличии требований иных кредиторов должника и осведомленности об этом банка.

Апелляционный суд изменил определение суда первой инстанции в части, исключив из числа недействительных сделок платежи, совершенные за три недели до даты возбуждения дела о банкротстве. Суд отклонил ссылку

управляющего на публичные сведения о наличии у должника неисполненных обязательств, поскольку в средствах массовой информации размещались публикации как о наличии долгов общества, так и о мероприятиях, проводимых Правительством Российской Федерации по выводу должника из кризисной ситуации. Суд также указал на то, что предъявление инкассового поручения к счету должника, открытому в банке, на безакцептное списание лизинговых платежей безусловно не свидетельствует об осведомленности банка о неплатежеспособности общества.

Суд кассационной инстанции оставил постановление апелляционного суда без изменения (*постановление АС СЗО от 17.05.19 по делу № А56-75891/2015*).

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными сделок по безакцептному списанию банком денежных средств со счета должника, совершенных в течение одного месяца до даты принятия заявления о признании должника банкротом и после возбуждения производства по делу о банкротстве.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Основанием для отказа в удовлетворении заявления конкурсного управляющего послужил вывод суда о том, что до размещения в автоматизированной информационной системе «Картотека арбитражных дел» определения о введении в отношении должника процедуры наблюдения банк не располагал сведениями о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед иными кредиторами. Суд также квалифицировал оспариваемые сделки как совершенные в процессе обычной хозяйственной деятельности должника.

Суд апелляционной инстанции не согласился с указанным выводом и отменил определение суда первой инстанции, признав сделки недействительными.

Суд счел, что оспариваемые списания отличались по срокам и размеру от определенных в заключенных сторонами кредитных договорах, поскольку произведены банком в соответствии с направленным обществу требованием о досрочном расторжении кредитных договоров и возврате предоставленных кредитов.

Суд также принял во внимание, что банк обращался в арбитражный суд с заявлением о банкротстве общества, знал о заявлении о банкротстве должника, поданном другим кредитором, таким образом, был осведомлен о наличии задолженности общества перед иными кредиторами, подтвержденной вступившим в законную силу судебным актом.

Суд кассационной инстанции оставил постановление апелляционного суда без изменения (*постановление АС СЗО от 18.09.18 по делу № А56-61228/2016*).

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными платежей во исполнение кредитных обязательств перед банком, совершенных должником в пределах шестимесячного периода подозрительности, предусмотренного пунктом 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Суды пришли к выводу о том, что банк, проявив должную разумность и осмотрительность, не мог не знать об обстоятельствах, свидетельствующих о предпочтительном удовлетворении его требований по отношению к иным кредиторам, о гашении его требований при несоответствии сделки критериям, предусмотренным пунктами 2 и 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве, о наступившей неплатежеспособности должника.

Суды установили, что на момент совершения спорной сделки у должника имелась непогашенная задолженность и неисполненные обязательства перед многочисленными кредиторами; у должника имелась длительная картотека неоплаченных платежных документов по обязательным платежам, помещенные в картотеку к банковскому счету должника требования по уплате обязательных платежей не исполнялись на протяжении шести месяцев ввиду отсутствия на счете должника денежных средств.

Помимо задолженности по кредитному договору у должника имелась задолженность перед банком за абонентское обслуживание системы электронного документооборота. Задолженность по счетам, выставленным к оплате по названному договору за шесть месяцев, предшествующих дате оспариваемых платежей, поставлена банком в очередь на исполнение (в картотеку к банковскому счету должника), при этом погашение указанной задолженности произведено одновременно с оспариваемыми платежами — в день поступления на расчетный счет должника денежных средств.

В один день двумя платежами на открытый в банке счет должника поступили денежные средства от продажи его актива — товарного знака, в тот же день за счет указанных средств банк осуществил перечисления в погашение задолженности общества по обязательным платежам и спорные перечисления в свою пользу.

Суды также приняли во внимание, что условия возврата задолженности по кредитному договору нарушались должником неоднократно, о чем свидетельствует направление банком в адрес должника требований об исполнении обязательств по кредитному договору в добровольном порядке; требования не были исполнены должником вплоть до совершения оспариваемых платежей, то есть более трех месяцев.

Генеральный директор общества уведомил банк о тяжелом финансовом положении общества, просил предоставить рассрочку погашения обязательств по кредитному договору. Факт получения данного письма банк не отрицал.

Кредитным договором установлена обязанность должника предоставлять по требованию банка сведения и документы, необходимые для контроля за выполнением условий договора, в любой момент до полного выполнения обязательств перед банком по договору, в том числе документы, необходимые для оценки финансового положения заемщика.

Суды отметили, что банк, получив письмо генерального директора должника, до совершения сделок имел возможность по условиям кредитного договора по своей инициативе запросить бухгалтерскую отчетность должника и оценить его текущее финансовое состояние на момент совершения сделок.

По условиям кредитного договора до полного погашения банку задолженности по кредиту, начисленным процентам и иным платежам, определенным договором, заемщик обязался обеспечить зачисление выручки от реализации товаров, работ, услуг, доходов от внереализационных операций и иных поступлений, а также внесение наличных денежных средств на расчетные счета, открытые в банке.

Судами установлено, что на протяжении 14 месяцев, предшествовавших оспариваемым платежам, никакие операции по расчетному счету должника, открытому в банке, не проводились, хозяйственная деятельность должником не осуществлялась, что в совокупности с просрочкой по исполнению обязательств должно было стать основанием для банка к инициированию проверки платежеспособности клиента.

С учетом установленных обстоятельств суды сделали вывод, что на дату совершения оспариваемой сделки должник допустил неоднократную просрочку исполнения обязательств по кредитному договору, имел неисполненные денежные обязательства перед бюджетом, находился в тяжелом финансовом положении и банк был осведомлен об этом, в связи с чем удовлетворили требования конкурсного управляющего.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами судов (постановление АС СЗО от 09.12.19 по делу № А56-89172/2016).

Как показывает практика разрешения судами споров по рассматриваемой проблематике, в качестве преференциальных сделок могут быть оспорены дополнительные соглашения к кредитным договорам, изменяющие порядок и сроки исполнения кредитных обязательств, а также сделки, обеспечивающие исполнение кредитных обязательств.

••• Так, конкурсный управляющий оспорил дополнительные соглашения к кредитному договору, заключенные банком и обществом за четыре месяца до возбуждения дела о банкротстве последнего. Суды первой и апелляционной инстанций установили, что в результате заключения оспариваемых соглашений изменен порядок расчетов и существенно ускорено погашение кредитной

задолженности перед банком, при этом в этот же период общество не погашало подтвержденную судебными актами задолженность перед другими кредиторами.

В материалы дела представлена деловая переписка банка с должником, а также документы, свидетельствующие о получении банком бухгалтерского баланса общества за 2017 год, из которого явствует резкое значительное сокращение активов должника по сравнению с предыдущим годом (в два раза) за счет уменьшения запасов, дебиторской задолженности, финансовых вложений, денежных средств и образование по результатам финансового года значительного убытка.

В анкете заемщика-должника, направленной в банк, отражена просрочка дебиторской и кредиторской задолженности с указанием номеров судебных дел о взыскании. Письмом, составленным за несколько дней до заключения оспариваемых соглашений, должник уведомил банк о том, что у него имеется значительная просроченная кредиторская задолженность.

При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции согласился с выводами судов об осведомленности банка о неплатежеспособности общества и о наличии оснований для удовлетворения заявления конкурсного управляющего (*постановление АС СЗО от 02.07.21 по делу № А56-108461/2018*).

... При оспаривании платежей, совершенных должником после возбуждения дела о банкротстве в счет погашения срочных процентов, внешний управляющий сослался на то, что общество и банк неоднократно изменяли срок возврата основной задолженности, заключая дополнительные соглашения к кредитному договору, при этом банком были выданы новые кредиты с увеличенной ставкой по сравнению с ранее выданными кредитами.

Суды первой и апелляционной инстанций признали, что указанные обстоятельства свидетельствуют о действиях сторон в преддверии банкротства должника исключительно с целью удовлетворения требований банка преимущественно перед другими кредиторами, и пришли к выводу о том, что перечисление срочных процентов не может быть отнесено к сделкам, совершенным в процессе обычной хозяйственной деятельности должника. Суды также исходили из того, что в распоряжении банка имелись сведения о наличии у должника неисполненных обязательств перед другими кредиторами, содержащиеся в заключении о результатах предварительного мониторинга на 01.01.16.

Суд округа не согласился с выводами судов, указав, что само по себе заключение дополнительных соглашений об изменении сроков возврата кредитов, которые не были признаны недействительными, не может опровергать презумпцию совершения спорных платежей как совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности должника. Как указал суд, путем заключения дополнительных соглашений об изменении сроков возврата кредитов произошло

изменение условий кредитных договоров, что свидетельствует о том, что списание денежных средств произведено в сроки и в размерах, определенных в кредитных договорах. Суд округа отметил, что заключение о результатах предварительного мониторинга не содержит сведений об обязательствах перед кредиторами, срок исполнения которых наступил, более того, содержит информацию об отсутствии просроченной кредиторской задолженности.

Суд округа квалифицировал оспариваемые платежи в качестве сделок, совершенных в процессе обычной хозяйственной деятельности при неосведомленности банка о получении им предпочтения при удовлетворении требования, вытекающего из кредитного договора. Изложенное исключает признание оспариваемой сделки недействительной на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве, в связи с чем суд округа отменил определение первой инстанции и постановление апелляционного суда и отказал внешнему управляющему в удовлетворении заявления (*постановление АС СЗО от 05.04.19 по делу № А56-2138/2016*).

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением об оспаривании платежей, совершенных должником по акцессорным обязательствам после возбуждения дела о банкротстве.

Суд первой инстанции (с которым согласился апелляционный суд) пришел к выводу о наличии оснований для признания платежей недействительными по пункту 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве. При этом суды не усмотрели оснований для применения к спорным правоотношениям статьи 61.4 Закона о банкротстве в связи с отсутствием доказательств того, что между банком и должником ранее заключались договоры поручительства и производились выплаты по ним или что должник ранее осуществлял платежи по договору поручительства. Суды также указали, что спорные платежи не относятся к исполнению обязательств из кредитного договора, поскольку они совершены не по собственным долгам.

Суд кассационной инстанции не согласился с выводом судов о том, что оспариваемые платежи не связаны с исполнением денежных обязательств, вытекающих из кредитного договора. Как указал суд, спорные платежи приняты банком по кредитному договору от поручителя в соответствии с условиями как самих кредитных договоров, предусматривающих обеспечение в виде поручительства общества, так и договоров поручительства, заключенных с последним.

Суд округа признал преждевременным вывод судов об обоснованности заявления конкурсного управляющего до проверки доводов банка о совершении платежей в сроки и в размерах, установленных кредитным договором, а также об отсутствии осведомленности банка о наличии неисполненных обязательств

перед кредиторами должника на момент совершения оспариваемых сделок (*постановление АС СЗО от 10.12.19 по делу № А56-56477/2018*).

При новом рассмотрении дела суды, применив положения пунктов 2 и 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве, пришли к выводу, что оспариваемые сделки нельзя отнести к совершенным в процессе обычной хозяйственной деятельности должника, а банк, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, мог установить наличие обстоятельств, указывающих на признаки банкротства должника на момент осуществления им оспариваемых платежей.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами судов, отметив отсутствие признаков постоянства и аналогии платежей и то обстоятельство, что банк не обращался к должнику с требованием об исполнении обязательств по договору поручительства.

Суд указал, что для отнесения оспариваемых платежей к обычной хозяйственной деятельности должника имеет значение, насколько обычными для должника являлись их размер и срок осуществления в сравнении с теми платежами, которые ранее неоднократно совершались им или за его счет (*постановление АС СЗО от 14.04.21 по делу № А56-56477/2018*).

... В обеспечение исполнения обязательств по ранее заключенным кредитным договорам (в период с 2015 по 2017 год) общество в марте 2019 года заключило с банком новые договоры залога ценных бумаг и имущественных прав, а также предоставило в залог залоговый счет и денежные средства на этом счете. В 2018 году банк и общество заключали дополнительные соглашения к кредитным договорам, которыми увеличивали срок пользования заемщиком денежными средствами.

Конкурсный управляющий оспорил договоры залога по основаниям пунктов 1 и 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, указывая на то, что кредитная организация получила новое обеспечение по старым обязательствам, противопоставила себя другим равным себе кредиторам, получив преимущество при расчетах должника. По мнению конкурсного управляющего, банк знал из открытых источников о крупных финансовых проблемах общества (невозможность получения денежных средств со счета, открытого в кредитной организации, по причине отзыва лицензии; предъявленное контрагентом требование о возврате аванса по государственному контракту). Заявитель также указал, что после принятия спорных залогов банк в короткий (два-три месяца) период времени сам обратился в суд с заявлением о банкротстве общества.

Отказывая в признании оспариваемых залоговых сделок недействительными, суд первой инстанции пришел к выводу, что банк на момент принятия дополнительных залогов от общества не был осведомлен о признаках неплатежеспособности заемщика, поскольку данные бухгалтерской отчетности за

2017–2018 годы, на которые ссылалась кредитная организация, указывали на значительное превышение размера активов должника над совокупным размером его обязательств перед всеми кредиторами. В данном случае суд первой инстанции принял во внимание причины принятия банком дополнительных залогов, а именно урегулирование задолженности между кредитором и заемщиком в рамках согласованной реструктуризации.

Апелляционная инстанция пришла к противоположному выводу, посчитав, что предоставление обеспечения в 2019 году по обязательствам, которые возникли значительно ранее, свидетельствует о получении банком определенного предпочтения по отношению к иным кредиторам в виде изменения очередности расчетов (приоритетного удовлетворения требований за счет новых предметов залога) вне зависимости от наличия или отсутствия у общества на момент совершения спорных сделок признаков неплатежеспособности.

Судом установлено, что на основании оспариваемых дополнительных залогов объем и содержание предоставленного обеспечения были расширены, часть активов (денежные средства и имущественные права) общества, которая ранее не была предметом залога и служила бы для расчетов со всеми прочими кредиторами (в том числе при включении в конкурсную массу), по спорным залоговым сделкам получила статус имущества, предназначенного для предпочтительного удовлетворения требований отдельного кредитора.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Действия одного из кредиторов, сознательно направленные на получение преимущественного удовлетворения за счет имущества должника в ущерб иным кредиторам, подразумевают наличие у кредитора сведений о недостаточности финансовых ресурсов должника для расчета по всем обязательствам и, при условии подтверждения финансовой недостаточности в дальнейшем, должны расцениваться как совершенные при наличии признаков, предусмотренных пунктом 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Доводы банка о совокупном размере активов должника, принятые судом первой инстанции, не опровергают вывод апелляционного суда о наличии у должника на момент совершения платежей признаков неплатежеспособности, которая характеризуется именно недостатком оборотных денежных средств для осуществления расчетов с кредиторами, а не всего имущества должника.

Ссылаясь на то, что оспариваемые сделки совершены исключительно в рамках реструктуризации задолженности общества перед банком, последний не привел иных экономических мотивов проведения такой реструктуризации, помимо нехватки у должника упомянутых оборотных средств для расчетов именно с ним, а фактически и с иными кредиторами, с которыми такая реструктуризация должником не проводилась.

При этом банком не опровергнута достоверность сведений и выводов о недостаточности денежных средств у общества в спорный период времени для расчетов с кредиторами, содержащихся в составленном временным управляющим заключении о наличии и (или) отсутствии признаков преднамеренного банкротства.

Суд указал на то, что данные, отраженные в упомянутом заключении, могут наравне с другими доказательствами использоваться и в рамках обособленного спора в качестве доказательства, свидетельствующего о финансовом состоянии должника не только на момент возбуждения в отношении него дела о банкротстве и проведения соответствующего анализа, но и за предшествующие периоды.

Принятие банком дополнительного обеспечения и его характер, предоставляющий банку возможность осуществления контроля за денежными поступлениями в пользу общества, указывает на наличие у кредитора мотива на получение преимущественного удовлетворения его требований за счет денежной массы должника относительно иных кредиторов, что доказывает осведомленность кредитора о недостаточности денежных средств для исполнения обществом обязательств в полном объеме.

Заключение оспариваемых сделок свидетельствует о том, что должником по соглашению о реструктуризации с одним из кредиторов в условиях нехватки денежных средств для исполнения обществом принятых на себя обязательств были приняты меры по обеспечению погашения задолженности именно перед этим банком за счет активов, которые могли быть направлены на исполнение обязательств перед другими кредиторами, без учета интересов таких кредиторов.

Возможность нарушения при таких обстоятельствах интересов и имущественных прав других кредиторов являлась очевидной для банка, поэтому при совершении оспариваемых сделок последний действовал осознанно. Обстоятельства того, что требования других кредиторов общества, возникшие до возбуждения в отношении общества производства по делу о банкротстве, остались непогашенными, следуют из содержания реестра требований кредиторов, установленных в деле о банкротстве.

Оснований для применения исключений, установленных пунктом 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве для сделок, совершенных с кредитными организациями, при перечисленных обстоятельствах конкретного дела суды апелляционной и кассационной инстанций не установили (*постановление АС СЗО от 14.01.22 по делу № А56-81401/2019*).

... В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными сделками платежей, совершенных в пользу банка третьим лицом за должника на основании писем последнего.

Судами первой и апелляционной инстанций установлено, что по двум кредитным договорам банк предоставил денежные средства должнику. Обязательства должника перед банком были обеспечены поручительством третьего лица, а также залогом принадлежавшей обществу квартиры. Общество и третье лицо заключили договор купли-продажи указанной квартиры, после чего должник направил третьему лицу письма, в которых просил перечислять денежные средства, причитающиеся ему за проданную квартиру, на расчетный счет банка в качестве оплаты задолженности и процентов по кредитным договорам. Платежными поручениями третье лицо перечислило денежные средства банку, который направил должнику письмо о полном погашении задолженности по кредитному договору.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды посчитали, что в результате совершения оспариваемых платежей размер кредиторской задолженности должника формально не уменьшился с учетом перехода прав кредитора по денежному обязательству к поручителю, исполнившему обязательство. Также суды указали на отсутствие доказательств осведомленности банка о наличии у должника неисполненных обязательств перед другими кредиторами и усмотрели основания для применения к спорным отношениям положений пункта 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве.

Суд округа с выводами судов не согласился, отметив, что, поскольку оспариваемые платежи совершены после возбуждения производства по делу о банкротстве общества, доказывания осведомленности банка о неплатежеспособности должника не требуется. Таким образом, вывод судов об отсутствии оснований для признания сделок недействительными в связи с недоказанностью осведомленности банка о неплатежеспособности заемщика является необоснованным.

Суд кассационной инстанции посчитал, что суды не установили обстоятельств, которые бы объективно препятствовали банку в получении информации о наличии неисполненного обязательства должника перед кредитором — заявителем по делу о банкротстве после опубликования в картотеке арбитражных дел определения о возбуждении производства по делу о банкротстве общества. Также суды не дали оценку доводу конкурсного управляющего о несоответствии оспариваемых платежей положениям пункта 4 статьи 61.4 Закона о банкротстве, поскольку совершенные платежи отличались по срокам и размеру от определенных в кредитных договорах, а из их назначений следовало, что третье лицо уплачивало просроченную задолженность, а также досрочно гасило основной долг.

Суд отметил, что не основан на материалах дела вывод судов о том, что спорные платежи совершены третьим лицом во исполнение его обязательств перед банком как поручителя, поскольку из текста писем общества, назначений платежей в платежных поручениях, а также из письменного отзыва банка

следует, что должник возложил на третье лицо исполнение своих обязательств по кредитным договорам и что оспариваемые платежи совершались третьим лицом в счет погашения задолженности по договору купли-продажи квартиры.

С учетом изложенного суд кассационной инстанции отменил принятые по делу судебные акты и направил обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции (*постановление АС СЗО от 11.05.18 по делу № А56-77143/2015*).

В случае если залоговый кредитор получает удовлетворение не в соответствии с процедурой, предусмотренной статьями 134, 138 и 142 Закона о банкротстве, а в индивидуальном порядке (в том числе в период, указанный в пункте 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве), он в любом случае не может считаться получившим предпочтение в размере, равном части ценности заложенного имущества, на получение которой он имел приоритет перед другими кредиторами (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.18 № 305-ЭС17-3098(2)).

... В рамках дела о банкротстве общества конкурсный управляющий оспорил платеж должника в пользу банка, совершенный за пять месяцев до возбуждения дела о банкротстве.

Суд первой инстанции удовлетворил заявление.

Суд апелляционной инстанции установил, что должник в порядке обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору передал в залог банку свое имущество стоимостью, значительно превышающей оспариваемый платеж.

Суд выяснил, что в случае осуществления расчетов в порядке, установленном Законом о банкротстве, требования банка были бы удовлетворены в полном объеме за счет выручки от продажи соответствующего залогового имущества.

Суд также признал недоказанными доводы конкурсного управляющего об осведомленности банка об имеющейся у общества задолженности перед иными кредиторами, в связи с чем отменил определение суда первой инстанции.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для признания спорного платежа совершенным с предпочтением (*постановление АС СЗО от 13.10.21 по делу № А66-14585/2018*).

Анализ приведенных судебных дел, рассмотренных арбитражными судами Северо-Западного округа, позволяет сделать вывод о том, что главный

проблемный вопрос, возникающий при оспаривании преференциальных сделок должника с кредитной организацией, связан с установлением осведомленности последней о наличии у должника просроченных обязательств на момент совершения сделки.

Также суд должен разрешить вопрос о квалификации оспариваемых сделок как совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности должника.

Эти вопросы, учитывая требования статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, обязывающие каждую сторону доказать наличие тех обстоятельств, на которые она ссылается, могут быть разрешены в результате оценки судом достаточности доказательств, представленных как заявителем, так и возражающими ему лицами.

Представляется, что сложившаяся судебная практика сформировала правовые подходы, которые отвечают принципу соблюдения баланса интересов участвующих в деле о банкротстве лиц и соответствуют упоминавшимся в настоящей статье разъяснениям и рекомендациям Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

Вместе с тем из приведенных примеров видно, что ряд вопросов, связанных с оспариванием платежей по кредитным договорам, остается открытым. К таким вопросам, в частности, относится возможность признания добросовестными действий сторон кредитного договора, неоднократно изменявших сроки возврата кредита (график платежей) путем заключения дополнительных соглашений. Так, может ли быть признан типичным платеж, совершенный со значительной просрочкой относительно условий первоначального кредитного договора, если такой платеж совершен в соответствии с условиями дополнительного соглашения к кредитному договору, заключенного непосредственно перед его совершением? И требуется ли для признания такого платежа недействительным предварительное оспаривание дополнительного соглашения к кредитному договору? Может ли быть признан типичной сделкой совершенный должником досрочно платеж, если условиями кредитного договора в соответствии с положениями статьи 315 ГК РФ предусмотрена возможность досрочного погашения кредита? Представляется, что указанные вопросы не имеют универсальных ответов и подлежат разрешению исходя из совокупности всех обстоятельств, установленных в ходе рассмотрения конкретного дела.

При этом ряд особенностей необходимо учитывать также в случае оспаривания платежей, совершенных за должника третьим лицом в порядке статьи 313 ГК РФ, платежей, совершенных поручителем, а также платежей по обязательствам, обеспеченным залогом.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Защита делового решения: проблемы и стандарты применения

Борисенко Дмитрий Романович

Руководитель проектов адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург»

Терещенко Татьяна Алексеевна

Кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), руководитель аналитического отдела адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург», адвокат, FCI Arb, арбитр Международного арбитража IUS, Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража, Ассоциации участников по содействию в развитии третейского разбирательства

В настоящей статье авторы анализируют применяемые стандарты оценки действий менеджмента и принимаемых им решений через призму существующего в доктрине и на практике подхода к оценочным понятиям в целом и правилу защиты делового решения в частности. Отдельное внимание уделено изучению сложностей, которые препятствуют непротиворечивому применению данного правила на практике, а также выработке общих рекомендаций по эффективному использованию сложившегося подхода для минимизации правовых рисков ненадлежащей квалификации.

Ключевые слова: оценочные понятия, защита делового решения, субсидиарная ответственность, убытки, добросовестность, разумность.

Введение

В последние годы наблюдается тенденция увеличения количества споров, связанных с привлечением менеджмента к субсидиарной ответственности для взыскания убытков. При этом если не каждое, то подавляющее число исковых заявлений по подобного рода делам по умолчанию содержат ссылку на такие оценочные категории, как недобросовестность, неразумность, неосмотрительность, при оценке действий привлекаемых к ответственности лиц.

Использование указанных оценочных понятий, хоть и близких в общеупотребительном (бытовом) смысле, но в то же время разных по своему правовому значению и содержанию, на практике становится настолько частым, что в конечном счете приводит к их неоправданному смешению и отождествлению.

Такая ситуация чревата системными ошибками при оценке существа бизнес-решений менеджмента в процессе судебного спора.

В связи с этим теоретический и практический интерес представляет обобщение и анализ существующих подходов к использованию правила защиты делового решения. Важным представляется не только указание на существующие недостатки правоприменительной практики в настоящее время, но и ее использование в эффективном ключе для потенциального формирования различных правовых стратегий, направленных на снижение соответствующих правовых рисков ненадлежащей правовой квалификации.

Оценочные понятия в гражданском праве: суть подхода

В свое время Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что использование в норме оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности ее содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций¹.

Подобная позиция созвучна современному доктринальному подходу, рассматривающему оценочные понятия как «законодательные конструкции с открытым содержанием, интерпретация которых осуществляется правоприменителем путем оценки обоснованности ситуационных отклонений от стандартов оценки, закрепленных в законе и/или разъяснениях высших судебных инстанций посредством установления определенных эталонов или перечисления критериев для их определения»².

Очевидным следствием наличия любых оценочных категорий является риск чрезмерного субъективизма при их применении и противоречия в процессе правовой квалификации в зависимости от правоприменителя и его внутренних представлений о стандартах поведения. Однако такой риск сбалансирован тем, что факт существования оценочных понятий возлагает на того же правоприменителя задачу поиска «наиболее общих признаков, свойств, качеств,

¹ Абзац второй пункта 2.2 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21.02.08 № 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Мазур О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. С. 7.

связей и отношений разнообразных предметов, явлений, действий, процессов»³ для целей осуществления правовой квалификации конкретного поведения в конкретной ситуации и обоснования выбранной позиции. При этом что выработка стандартов толкования представляет собой динамичный процесс, который время от времени предполагает уточнение или пересмотр сформированных подходов.

Правило защиты делового решения: существующий подход

Правило защиты делового решения, к особенностям применения которого в полной мере применимо сказанное выше об оценочных понятиях в целом, можно определить как специфичный способ защиты менеджмента или собственников капитала от необоснованных требований, связанных с привлечением к субсидиарной ответственности и взысканием убытков. В сущности, его использование на практике необходимо тогда, когда требуется обосновать допустимость того или иного действия органов управления юридического лица или собственников бизнеса, каким бы противоречивым и нелогичным в конкретной ситуации оно ни казалось третьим лицам.

Основная сложность применения этого способа защиты состоит в том, что на легальном уровне невозможно сформулировать универсальные для всех случаев жизни подходы к оценке содержания конкретного делового решения. Поэтому выработка тех или иных непротиворечивых критериев его квалификации является задачей правоприменителей.

В свое время, опираясь на накопленный опыт разрешения корпоративных споров между управляющим менеджментом и собственниками капитала, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее — ВАС РФ) в относительно систематизированном виде сформулировал стандарты оценки деловых решений в постановлении Пленума от 30.07.13 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — постановление № 62), которые до сих пор активно применяются судами.

Если вкратце суммировать содержание пунктов 2–4 постановления № 62, можно обратить внимание, что ВАС РФ пошел по пути «иллюстрации» примеров недобросовестности и неразумности, а также указания на то, что может их опровергать.

В частности, по мнению ВАС РФ, недобросовестность при принятии или непринятии делового решения считается доказанной, если решение было принято или, напротив, не принято при наличии или вследствие:

- 1) конфликта личных и корпоративных интересов;

³ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

2) сокрытия или непредоставления информации участникам юридического лица либо предоставления ложной информации;

3) неполучения необходимых в силу закона или устава корпоративных одобрений;

4) уклонения от передачи документов после истечения полномочий единоличного исполнительного органа;

5) знания (прямого или подразумеваемого) о несоответствии существа решения интересам юридического лица.

В свою очередь, доказательством неразумности делового решения, согласно позиции ВАС РФ, являются:

1) игнорирование всей известной информации, имеющей значение в конкретной ситуации;

2) непринятие действий в части получения необходимой и достаточной информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах;

3) несоблюдение обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок.

Отдельно ВАС РФ подчеркнул, что в целом «добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключаются в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством» (абзац первый пункта 4 постановления № 62).

При всей востребованности практикой приведенных разъяснений следует признать, что примеры ВАС РФ достаточно абстрактны и в этом смысле вряд ли удачны. Сложно игнорировать и некоторые внутренние логические противоречия. Например, ВАС РФ формально противопоставил недобросовестность и неразумность, разделив их на два пункта в постановлении № 62. Однако содержательно приведенные примеры похожи (например, в части недостаточной или ненадлежащей информации). Равным образом вызывает сомнение раскрытие подобных категорий через нарушение обязанностей (например, в виде несоблюдения тех или иных требований).

Недобросовестность и неразумность являются самостоятельными «качественными» характеристиками поведения, которое может быть как законным, так и незаконным, но при этом недобросовестным и неразумным, либо добросовестным, но неразумным, и наоборот.

В доктрине относительно давно обсуждается проблема того, в каких смыслах используется в законодательстве категория «разумность» в контексте соотношения ее с добросовестностью, учитывая, что законодатель иногда говорит просто о добросовестности, а иногда о добросовестности и разумности. Например, в пункте 3 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)

в качестве принципа сформулировано требование о том, что как при осуществлении прав, так и при исполнении обязанностей необходимо действовать добросовестно (при этом отдельно разумность не упоминается). Напротив, в пункте 5 статьи 10, пункте 3 статьи 53 ГК РФ, на которые ссылается ВАС РФ, требования добросовестности и разумности используются вместе через союз «и», который, как следует из контекста, является соединительным. Не вдаваясь в дискуссию, вполне логичным можно считать объяснение, предложенное О. В. Мазур, по мнению которой, существует «два аспекта (уровня) требования разумности в российском обязательственном праве: (1) разумность действий субъекта как условие соответствия общему требованию объективной добросовестности (*обоснованность и последовательность действий*) и (2) разумность действий субъекта в случае, когда соответствующее требование к поведению субъекта специально предусмотрено законом (*эффективность действий*)»⁴.

Иными словами, формального разделения требований, еще и в негативном ключе, как это сделал ВАС РФ, недостаточно для раскрытия их существа, поскольку остается неясным, какой смысл законодатель придал совместному использованию двух терминов, обязательно ли обоснование признаков и добросовестности, и разумности, а равно какие конкретно критерии необходимы для оценки фактических обстоятельств дела, если они не подпадают полностью или в части под приведенные в постановлении № 62 примеры.

Отдельно можно посетовать, что ВАС РФ в каком-то смысле предложил логически замкнутый круг, отказавшись от противопоставления добросовестности и разумности при указании на то, что добросовестным и разумным решение является тогда, когда приняты все необходимые и достаточные меры. Из этого следует, что вроде бы непринятие хотя бы одной из мер должно свидетельствовать о наличии оснований привлечения к ответственности. Однако открытым остается вопрос о том, как именно определять подобную достаточность необходимых мер в конкретной ситуации. Тем более что категории достаточности и необходимости также являются оценочными.

Банкротная практика

Стандарт оценки делового решения через призму именно (не)добросовестности и (не)разумности получил определенное развитие в банкротной практике, в том числе по причине расширения круга лиц, привлекаемых к ответственности в связи с принятием ими определенных бизнес-решений.

⁴ Мазур О. В. Указ. соч. С. 8.

Так, в 2017 году вступили в силу изменения в Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (пункт 3.1 статьи 3), в соответствии с которыми по заявлению кредиторов менеджмент может быть привлечен к субсидиарной ответственности в случае исключения компании из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Равным образом Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) в пункте 18 постановления от 21.12.17 № 53 «О некоторых положениях, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — постановление № 53) прямо указал, что правило о защите делового решения применяется при рассмотрении споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. В частности, ВС РФ подчеркнул: «Контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в случае, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов (пункт 3 статьи 1 ГК РФ, абзац второй пункта 10 статьи 61.11 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“). При рассмотрении споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности данным правилом о защите делового решения следует руководствоваться с учетом сложившейся практики его применения в корпоративных отношениях, если иное не вытекает из существа законодательного регулирования в сфере несостоятельности».

Такое разъяснение можно считать своего рода следующим этапом развития стандартов толкования. Однако большей ясности относительно критериев квалификации не появилось, в том числе и по поводу того, как взаимосвязаны требования «пределы обычного делового риска», «ненарушение прав третьих лиц» и «добросовестность и разумность». Хотя очевидно, что в рамках банкротного процесса правило о защите делового решения должно применяться с учетом определенной специфики и презумпций, поскольку споры в данном случае возникают, как правило, не между собственниками капитала и менеджментом, а между кредиторами и бывшим руководством и акционерами компании.

В итоге практика, на наш взгляд, пошла по пути наименьшего сопротивления и выработала подход, согласно которому оценка бизнес-решений менеджмента также производится через призму категорий «добросовестность» и «разумность».

Показательным можно считать *определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.01.20 № 306-ЭС19-18285*, в котором указано, что «само по себе исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), равно как и неисполнение обязательств, не является достаточным основанием для привлечения к

субсидиарной ответственности в соответствии с названной нормой. Требуется, чтобы неразумные и/или недобросовестные действия (бездействие) лиц, указанных в подпунктах 1–3 статьи 53.1 ГК РФ, привели к тому, что общество стало неспособным исполнять обязательства перед кредиторами, то есть фактически за доведение до банкротства. <...> Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, и при его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (пункт 1 статьи 48 ГК РФ), его самостоятельную ответственность (статья 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений (пункт 1 постановления № 53)».

Практические рекомендации

Отмеченные недостатки при использовании правила защиты делового решения существенны, но, как представляется, могут быть скорректированы только по мере накопления и дифференциации правоприменительной практики по корпоративным и банкротным спорам о взыскании убытков или привлечении к субсидиарной ответственности.

Тем не менее они не мешают выстраивать стратегию защиты через правило защиты делового решения, опираясь на базовую идею о том, что сама по себе «убыточность» делового решения не является автоматически признаком его неправомерности.

Соответственно, чтобы раскрыть смысловое значение и дать оценку действиям менеджмента, необходимо в каждой конкретной ситуации пропустить через свое сознание целый набор ассоциаций, фактов и знаний, связанных как с процессом принятия деловых решений, так и с существующими подходами и к содержанию добросовестности и разумности, и к правилам их использования.

В частности, условия работы бизнеса в текущих реалиях требуют, чтобы менеджмент при принятии решений о заключении или одобрении сделок или иных деловых решений задавал себе ряд вопросов, например: будет ли то или иное деловое решение защищено в случае спора; может ли оно пройти как минимум тест на добросовестность и разумность?

Обобщенно опыт применения категорий добросовестности и разумности на практике позволяет исходить из того, что добросовестность раскрывается через следующие критерии:

— соответствие делового решения общепринятым (типичным) правилам поведения участников гражданских правоотношений в конкретной ситуации (объективный критерий);

— осознание и понимание необходимого поведения и последствий своих действий, а также соизмерение своих интересов с интересами другого лица (субъективный критерий).

В свою очередь, разумность характеризуется следующим:

— целесообразность принимаемого решения (объективный критерий);
— познавательная (интеллектуальная) способность лица (субъективный критерий).

Можно смоделировать ситуацию, когда действия менеджмента при принятии делового решения характеризуются как добросовестные, но не разумные. Например, директор заключил сделку по закупке продукции по привлекательной цене для ее последующей перепродажи. Впоследствии товары испортились и их пришлось утилизировать, поскольку на момент закупки на складах компании еще имелось достаточное количество продукции.

Действовал ли директор добросовестно? Вероятно, ответ должен быть утвердительным, поскольку директор преследовал цель извлечения прибыли (*объективный критерий*) для компании и не знал, что приобретает товар с избытком (*субъективный критерий*).

Действовал ли директор разумно? Очевидно, что нет, поскольку директор не принял меры для получения необходимой информации об остатках товара на складе (*субъективный критерий*), вследствие чего совершил нецелесообразную для компании сделку, приведшую к убыткам (*объективный критерий*).

Таким образом, должен применяться именно комплексный подход к оценке бизнес-решений, а соответственно, не любое решение, которое принято из добрых (лучших) намерений, подлежит защите, поскольку не является одновременно и добросовестным, и разумным.

Однако подобных общих рассуждений вряд ли достаточно для выстраивания эффективной стратегии на случай спора.

Не менее важное значение имеет ряд соображений, которые можно условно назвать принципами применения правила защиты делового решения.

В частности, суд не должен подменять собой финансово-экономическую экспертизу.

Если оценка бизнес-решения дается судом, вероятнее всего, такое решение уже повлекло возникновение каких-либо негативных последствий, например в виде убытков. Как правило, на данном этапе уже можно без существенного труда достоверно обнаружить, где именно была допущена ошибка при принятии того или иного решения.

В постановлении № 62, а позднее и в постановлении № 53 отдельно обращается внимание на то, что суд не должен проверять экономическую целесообразность бизнес-решений и что менеджмент не несет ответственности в случае, если его действия не выходили за пределы обычного предпринимательского риска.

В судебной практике встречаются ситуации, когда суды назначают экспертизу для оценки убыточности деятельности компании и определения размера убытков. При этом далеко не всегда из судебных актов следует, в чем же выразились недобросовестность и неразумность действий менеджмента, кроме, собственно, самого факта убыточности отдельных операций (*постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.07.22 по делу № А32-49071/2019 и Арбитражного суда Центрального округа от 18.10.17 по делу № А68-9227/2014*).

Поэтому при рассмотрении данной категории дел крайне важно найти баланс между обычным предпринимательским риском и недобросовестными и неразумными действиями, чтобы производить оценку бизнес-решений ретроспективно. То есть во внимание должна приниматься та обстановка и те вводные данные, которые имелись у лица, принимавшего деловое решение, без учета уже наступивших негативных последствий.

Для этого крайне важен взгляд на ситуацию с позиции другого субъекта. При квалификации бизнес-решений необходимо оценивать, как в схожей ситуации действовал бы другой абстрактный «хороший» директор, член совета директоров, акционер (в зависимости от ситуации).

При этом все участники гражданских правоотношений обладают разным уровнем правосознания. Соответственно, и стандарты при оценке деловых решений также должны отличаться. Например, нельзя требовать от руководителя небольшого кафе такого же уровня стандарта поведения при принятии бизнес-решений, как от члена совета директоров банка.

Такая идея поддерживается судебной практикой. В одном из недавних дел ВС РФ указал, что топ-менеджер банка, положившийся на заключение профильных комитетов при совершении (одобрении) убыточной сделки, вправе ссылаться на правило о защите делового решения. Следовательно, для привлечения такого лица к субсидиарной ответственности необходимо представить доказательства очевидной невыгодности сделки либо осведомленности ответчика о нарушениях, допущенных профильным комитетом при одобрении сделки (*определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.10.21 № 305-ЭС18-13210(2)*).

У подобного вывода есть и обратная сторона: например, если в компании существует такой инструмент, как юридическая служба, и директор при согласовании контракта данным инструментом не воспользовался, то при возникновении убытков у компании (в частности, вследствие признания сделки недействительной) существует вероятность последующего взыскания указанных убытков с директора.

Поэтому при оценке бизнес-решений крайне важно учитывать среду, в которой находилось лицо, принимавшее то или иное решение, и количество инструментов, которые имелись в его распоряжении для оценки обоснованности этого решения.

Нельзя сбрасывать со счетов и проблему так называемых двойных стандартов.

Принятие бизнес-решений связано с принятием на себя не только экономических, но и правовых рисков в виде возложения личной ответственности по обязательствам компании. Чтобы адекватно и объективно оценить правовые риски, требуется существование условий, которые позволяют обеспечить правовую определенность.

Однако стандарты оценки бизнес-решений в разных видах ответственности имеют определенную специфику. В зависимости от этой специфики стандарты оценки действий менеджмента могут изменяться.

Так, в случае банкротства компании нейтральное отношение к некоторым видам действий, совершаемых в обычной хозяйственной деятельности, резко меняется на негативное. Например, следующие операции являются стандартной деловой практикой при осуществлении текущей хозяйственной деятельности бизнеса: перераспределение активов внутри группы компаний; перевод денежных средств по внутренним счетам на основании договоров займа под низкий процент; неистребование дебиторской задолженности от компании, входящей в группу, ввиду чего сроки исковой давности оказываются пропущенными; списание с баланса компании имущества, не являющегося, по мнению акционеров и управляющего менеджмента, ликвидным.

Однако в ситуации банкротства компании меняется вектор оценки таких действий: они уже не воспринимаются как стандартные решения, вследствие чего менеджмент может быть привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам компании.

В то же время в случае исключения компании из ЕГРЮЛ в административном порядке презумпции, используемые в делах о банкротстве при рассмотрении споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, не применяются (*определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.01.20 № 306-ЭС19-18285 и от 25.08.20 № 307-ЭС20-180*).

Ситуация, при которой одно и то же бизнес-решение может быть квалифицировано как правомерное и неправомерное одновременно, в зависимости от вида ответственности, с одной стороны, направлена на защиту более широкого круга лиц от неправомерных действий менеджмента, а с другой — дестабилизирует деловой оборот.

Конечно, этому есть разумные объяснения, ведь свобода при принятии бизнес-решений ограничивается тогда, когда она может привести к нарушению интересов контрагентов и кредиторов компании. Но далеко не всегда эта грань является очевидной, и порой распознать ее удастся только по прошествии нескольких лет, когда в рамках дела о банкротстве арбитражный управляющий проводит анализ финансового состояния должника.

С другой стороны, данное несовершенство повышает требования к менеджменту, который должен одновременно учитывать интересы акционеров, компании и кредиторов не только в моменте, но и прогнозировать, как такие действия могут быть квалифицированы в будущем, спустя несколько лет, исходя из разных сценариев развития событий.

Проблемы применения арбитражного процессуального законодательства, связанные с частичной мобилизацией¹

Ячменёв Георгий Григорьевич

Председатель Арбитражного суда Забайкальского края, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Забайкальского края

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы применения процессуального законодательства, возникшие в практике арбитражных судов после 21 сентября 2022 года при рассмотрении дел, в том числе в порядке приказного и упрощенного производства, с участием мобилизованных сторон и иных участников судебного процесса (арбитражных управляющих, экспертов, представителей).

Ключевые слова: частичная мобилизация, приостановление производства по делу, реализация процессуальных прав, принцип справедливости.

На основании Указа Президента РФ от 21.09.22 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (далее — Указ № 647) в период с 21 сентября по 28 октября 2022 года² осуществлялся призыв российских граждан на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации (далее — Вооруженные Силы).

Практически сразу после принятия названного указа стали выявляться многочисленные пробелы, нестыковки и противоречия правового регулирования отношений, связанных с мобилизацией граждан, на отдельные из которых обращалось внимание и ранее³. Во многом это объясняется тем, что до 21 сентября 2022 года военная мобилизация в последний раз объявлялась более 80

¹ Автор выражает признательность председателю Вологодского областного суда Игорю Эдуардовичу Трофимову за предоставленную возможность выступить с докладом по теме настоящей статьи на пленарном заседании научно-практической конференции «Юридические знания и технологии в XXI веке: единство теории и практики», состоявшейся 20–21 октября 2022 года в Вологде, а также благодарит судей Арбитражного суда Забайкальского края Т. В. Архипенко, О. В. Новиченко, Е. А. Перевалову, И. П. Попову и М. В. Сталичнову за обозначенные ими проблемные вопросы, связанные с применением отдельных норм процессуального права в условиях частичной мобилизации.

² О завершении частичной мобилизации 28 октября 2022 года сообщил министр обороны РФ С. К. Шойгу.

³ См.: Орловская А. И., Шурьгина Ю. А. Правовое регулирование статуса граждан, пребывающих в мобилизационном людском резерве: пробелы, противоречия и пути совершенствования // Современное право. 2016. № 11.

лет назад⁴, в связи с чем мобилизационное законодательство, включая базовый Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее — Закон о мобилизации), являлось «спящим», а его положения не учитывались в нормах иного законодательства.

Данное обстоятельство потребовало оперативного принятия соответствующих нормативных правовых актов, в том числе регулирующих экономические отношения⁵.

Не в полной мере оказалось адаптированным к мобилизации и арбитражное процессуальное законодательство, что наглядно будет продемонстрировано в настоящей статье. Вместе с тем, как доложил 28 октября 2022 года Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации В. В. Путину министр обороны РФ С. К. Шойгу, в ходе частичной мобилизации было мобилизовано свыше 27 тысяч предпринимателей⁶. Данное обстоятельство, вне всякого сомнения, скажется и на осуществлении судопроизводства в арбитражных судах.

Некоторые из рассмотренных в статье вопросов правоприменения уже возникли в практике судов, другие, как представляется, могут возникнуть в ближайшем будущем. В этой связи основной целью настоящей статьи является постановка таких вопросов. Учитывая новизну проблемы, автор ни в коей мере не претендует на то, что предложенные им варианты решения некоторых из обозначенных вопросов правильные.

Приостановление производства по делу в случае мобилизации

Проблемы с толкованием норм процессуального закона

В силу пункта 2 части 1 статьи 143 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) арбитражный суд обязан приостановить производство по делу в случае пребывания гражданина-ответчика в действующей части Вооруженных Сил или ходатайства гражданина-истца, находящегося в действующей части Вооруженных Сил.

⁴ В первый день Великой Отечественной войны была объявлена мобилизация 14 возрастов (от 19 до 55 лет). Во время войны (в феврале и апреле 1942 года) объявлялась также трудовая мобилизация — для работы в производстве и строительстве, на сельскохозяйственные работы. Подробнее см.: *Исаев И. А.* Право в условиях Великой войны: «правовая мобилизация» // История государства и права. 2015. № 9.

⁵ В качестве примеров приведем Федеральные законы от 07.10.22 № 377-ФЗ, от 20.10.22 № 404-ФЗ и 406-ФЗ, постановления Правительства РФ от 15.10.22 № 1838 и 1839, от 20.10.22 № 1874, распоряжение Правительства РФ от 15.10.22 № 3046-р.

⁶ *Колесников А.* Они призвались за Родину // Коммерсантъ. 28.10.2022.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 21.10.08 № 593-О-О указано, что данная норма направлена на защиту процессуальных прав лиц, участвующих в деле, и на обеспечение принципов состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе.

Несмотря на столь важное значение, формулировка рассматриваемой нормы является весьма неудачной, в том числе потому, что отсутствуют единые критерии определения понятия «действующая часть Вооруженных Сил». Иными словами, что следует понимать под нахождением или пребыванием одной из сторон по делу в «действующей части Вооруженных Сил»?

Отсутствие в законе легальной формулировки понятия «действующая воинская часть» порождает конфликты и в правоприменительной практике судов. Так, в своей жалобе в КС РФ гражданин оспаривал конституционность пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ именно по мотиву неопределенности в отношении того, что считать «действующей воинской частью» (определение КС РФ от 21.10.08 № 593-О-О).

Неопределенность правовых норм, а значит, затруднительность их единообразного понимания и применения иногда приводит к невозможности защитить или в полной мере реализовать права, что в итоге препятствует осуществлению справедливого правосудия⁷.

Некоторые авторы, «расшифровывая» понятие «действующая воинская часть», с определенным сомнением ссылаются на Директиву Генерального штаба Вооруженных Сил «О порядке отнесения воинских частей к действующим во время Великой Отечественной войны и других боевых действий» 1992 года ДГШ-1. Сомнения состоят в том, что в различных нормативных актах Минобороны России и Генерального штаба критерии «действующей воинской части» можно было определять по-разному, в частности по исчислению срока службы для военнослужащих, по выплате надбавок к денежному довольствию и т. п.⁸

В одном из своих постановлений *Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа* указал, что действующей воинской частью является часть, непосредственно участвующая в боевых операциях. При этом имеет существенное значение, куда призван гражданин — в действующую часть Вооруженных Сил или в состав Вооруженных Сил на действительную срочную военную службу (*постановление от 17.01.01 по делу № А19-5119/2000*).

По сути, аналогичные выводы содержатся и в постановлении *Федерального арбитражного суда Уральского округа от 07.11.07 по делу №*

⁷ О ситуациях невозможности защиты прав при неопределенности правовых норм см.: Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. М.: Норма, 2022. С. 144–152.

⁸ Воронов А. Ф. О развитии гражданского процессуального законодательства в новом Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 4.

А07-16947/2006: часть, в которой пребывает лицо, должна быть признана действующей в соответствии с законодательством, то есть участвующей в боевых или приравненных к ним действиях, что может быть подтверждено представленными сторонами материалами либо быть общеизвестным фактом.

Такая позиция находит поддержку и в юридической литературе⁹.

По мнению А. Ф. Скутина, при решении вопроса о том, является ли воинское подразделение действующей частью Вооруженных Сил, следует руководствоваться положениями статьи 11.1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»¹⁰.

В соответствии с названной статьей управление объединения, управление соединения и воинская часть Вооруженных Сил могут являться юридическим лицом в форме федерального казенного учреждения (пункт 1). Управления объединений, управления соединений и воинские части Вооруженных Сил в качестве юридических лиц действуют на основании единого типового устава, утверждаемого министром обороны РФ (пункт 4).

Приказом министра обороны РФ от 13.09.16 № 560 утвержден Единый типовый устав управлений объединений, управлений соединений, воинских частей Вооруженных Сил, созданных в качестве юридических лиц. Согласно пункту 5 этого устава права юридического лица воинская часть приобретает с момента внесения сведений в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). В свою очередь, на основании пункта 32 названного устава ликвидация воинской части считается завершенной, а воинская часть — прекратившей свое существование в качестве юридического лица с момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ.

Если следовать точке зрения А. Ф. Скутина, то воинская часть является действующей с момента приобретения прав юридического лица и до ее ликвидации.

Однако применительно к частичной мобилизации такой подход вряд ли применим.

Считаем, что с учетом отмеченных выше недостатков анализируемой нормы следует по аналогии применять положения пункта 3 части 1 статьи 190 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ), согласно которому суд обязан приостановить производство по административному делу в случае участия административного ответчика в проведении контртеррористической операции или выполнения им задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта либо

⁹ Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013 (автор комментария к статье 143 АПК РФ — М. А. Куликова).

¹⁰ Скутин А. Ф. Временная остановка арбитражного процесса (вопросы теории и практики). М.: Проспект, 2014.

в случае просьбы административного истца, участвующего в проведении контртеррористической операции или выполняющего задачи в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта (до прекращения участия в этих мероприятиях).

Еще более удачной, на наш взгляд, является формулировка статьи 215 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), в соответствии с которой суд обязан приостановить производство по делу в случае участия ответчика в боевых действиях, выполнения задач в условиях чрезвычайного или военного положения, а также в условиях военных конфликтов или просьбы истца, участвующего в боевых действиях либо в выполнении задач в условиях чрезвычайного или военного положения, а также в условиях военных конфликтов.

Как справедливо отмечает профессор Л. В. Туманова, обстоятельства, названные в этих процессуальных кодексах, конкретизируют возможные ситуации, когда вооруженные силы могут вести военные действия; следовательно, надо учитывать соответствующие законы при применении пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ¹¹.

В частности, приведенные формулировки КАС РФ и ГПК РФ позволяют при отнесении военной службы стороны к службе в действующих частях Вооруженных Сил руководствоваться Федеральным конституционным законом от 30.01.02 № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — Закон о военном положении), Федеральным конституционным законом от 30.05.01 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Федеральным законом от 06.03.06 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Учитывая, что согласно подпункту 9 пункта 1 статьи 3 Федерального закона от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (в редакции Федерального закона от 14.07.22 № 281-ФЗ) к ветеранам *боевых действий* относятся лица, направлявшиеся для обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, отработавшие установленный при направлении срок либо откомандированные досрочно по уважительным причинам, следует признать, что применительно к рассматриваемой ситуации под пребыванием в действующей части Вооруженных Сил понимается в том числе участие лиц в боевых действиях, включая их направление для обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции.

¹¹ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный): памяти Вениамина Федоровича Яковлева посвящается / Под ред. Т. К. Андреевой, М. К. Юкова, В. В. Зайцева, Г. Д. Улетовой, О. В. Зайцева. М.: Статут, 2021. С. 643.

Более того, на основании пункта 1 Указа Президента РФ от 19.10.22 № 756¹² (далее — Указ № 756) с нуля часов 20 октября 2022 года на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей введено военное положение.

Следовательно, выполнение лицом (стороной судебного процесса) задач в условиях военного положения является основанием для приостановления производства по делу согласно пункту 2 части 1 статьи 143 АПК РФ.

Пунктом 2 Указа № 647 определено, что граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах по контракту.

Таким образом, по нашему мнению, на мобилизованных лиц в полной мере распространяется действие положений пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ.

При этом для целей применения данной нормы правовое значение имеет собственно факт мобилизации гражданина, а не направление его после распределения, подготовки, обучения и боевого слаживания в зону проведения специальной военной операции (в новые субъекты Российской Федерации, на территории которых введено военное положение).

В то же время имеется и другая точка зрения. Так, по мнению некоторых авторов, поскольку определение воинской службы не содержит указания на обязательное участие граждан в выполнении задач в рамках вооруженных конфликтов или их обязательное участие в боевых действиях, то сам по себе факт призыва гражданина на военную службу в рамках частичной мобилизации не является основанием для приостановления производства по делу. Дело может быть приостановлено только в случае поступления в суд документов, однозначно свидетельствующих о нахождении гражданина-ответчика в зоне боевых действий или выполнения задач в условиях военного конфликта¹³.

Имея в виду цели и обстоятельства проводимой мобилизации, подобный подход представляется нам излишне формальным и несправедливым.

Следует отметить, что 28 октября 2022 года в Государственную Думу Федерального Собрания РФ рядом сенаторов и депутатов внесен законопроект № 223501-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым пункт 2 части 1 статьи 143 АПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «2) участия гражданина-ответчика в боевых действиях в составе Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, в проведении контртеррористической

¹² Утвержден постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 19.10.22 № 462-СФ.

¹³ Веркошанцева А. Мобилизация стороны судебного процесса. URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/24/mobilizaciya_storony_sudebnogo_processa.

операции, призыва гражданина-ответчика на военную службу по мобилизации, заключения гражданином-ответчиком контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы, выполнения гражданином-ответчиком задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта или ходатайства гражданина-истца, находящегося в таких же условиях».

Аналогичные изменения предлагается внести в пункт 3 части 1 статьи 190 КАС РФ и статью 215 ГПК РФ.

Целью законопроекта является актуализация и приведение к единообразию перечня оснований для приостановления судами производства по делам в рамках гражданского, арбитражного, административного судопроизводства в случаях, когда стороны принимают участие в боевых действиях, решают иные подобные задачи, направленные на защиту государства и обеспечение правопорядка.

В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что явных оснований для различных подходов, содержащихся в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, к приостановлению указанных видов процесса не усматривается. Кроме того, отдельные действующие формулировки порождают правовую неопределенность (например, «пребывание ответчика в действующей части Вооруженных Сил» по АПК РФ). Поскольку названные нормы АПК РФ, КАС РФ и ГПК РФ до настоящего времени массово не применялись, они не повлекли серьезных затруднений в правоприменительной практике. Сформировалась лишь незначительная судебная практика военных судов. Однако в связи с проведением специальной военной операции правовое регулирование данных положений потребовало актуализации для действующих сотрудников силовых и правоохранительных структур.

Кроме того, в пояснительной записке особое внимание обращено на то, что действующие нормы не защищают процессуальные права мобилизованных до момента начала боевых действий, например во время распределения, подготовки, обучения и боевого слаживания. Это представляется несправедливым. Производство по делам с участием данных категорий граждан также должны приостанавливаться.

В случае принятия законопроекта № 223501-8 многие из отмеченных выше вопросов, вызванных неудачной редакцией пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ, будут решены. Вместе с тем, учитывая положения части 4 статьи 3 АПК РФ (о действии процессуального закона во времени), предложенное в настоящей статье толкование пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ может быть использовано арбитражными судами при рассмотрении дел до вступления в силу новой редакции данной нормы.

Процессуальные действия суда в случае подтверждения факта мобилизации

Как отмечалось выше, на основании пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ арбитражный суд обязан приостановить производство по делу в случае пребывания гражданина-ответчика в действующей части Вооруженных Сил или ходатайства гражданина-истца, находящегося в действующей части Вооруженных Сил.

Таким образом, арбитражный суд обязан приостановить производство по делу, во-первых, когда мобилизован гражданин-ответчик и, во-вторых, когда имеется ходатайство мобилизованного гражданина-истца.

В первом случае достаточно любых достоверных сведений, подтверждающих тот факт, что гражданин-ответчик мобилизован. При наличии такого факта арбитражный суд может по своей инициативе приостановить производство по делу, не дожидаясь, когда об этом поступит ходатайство от лиц, участвующих в деле.

Из определения Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 15.12.16 № 307-ЭС15-16588 и постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.09.22 по делу № А56-165299/2018 следует, что предусмотренные пунктом 2 части 1 статьи 143 АПК РФ обстоятельства должны быть подтверждены соответствующими доказательствами.

К таким доказательствам относится, например, справка войсковой части о прохождении военной службы (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.05.22 по делу № А66-9664/2017*).

Применительно к мобилизации соответствующими доказательствами могут являться повестка военкомата о призыве по мобилизации (ее копия), мобилизационное предписание¹⁴, справка военкомата, приказ о зачислении в состав воинской части, справка воинской части о прохождении службы, ответ военкомата на судебный запрос и т. д.

В целях оперативного выяснения статуса гражданина-ответчика, по формальным признакам (например, по возрасту) подпадающего под действие Указа № 647, Арбитражный суд Забайкальского края при принятии исков (заявлений) к производству предлагает такому гражданину, его родственникам или уполномоченным представителям представить в суд соответствующую информацию и доказательства, одновременно на основании статьи 66 АПК РФ

¹⁴ Мобилизационное предписание с контрольными талонами к нему вклеивается на внутреннюю сторону задней обложки военного билета (пункты 9 и 10 Инструкции об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учета, утвержденной приказом министра обороны РФ от 22.11.21 № 700). В силу пункта 1 статьи 57.7 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и пункта 40 Положения о порядке пребывания граждан Российской Федерации в мобилизационном людском резерве, утвержденного постановлением Правительства РФ от 03.09.15 № 933, резервист обязан явиться в воинскую часть в срок, указанный в мобилизационном предписании.

направляя в Военный комиссариат Забайкальского края или районные военные комиссариаты¹⁵ судебные запросы о предоставлении сведений о мобилизации в отношении такого гражданина (*определения от 04.10.22 по делу № А78-11725/2022, от 06.10.22 по делам № А78-11758/2022 и А78-11759/2022*).

Следует иметь в виду, что 23 ноября 2022 года вступают в силу части 21 и 22 статьи 1 Федерального закона от 07.10.22 № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 20.10.22 № 406-ФЗ) (далее — Закон № 377-ФЗ), на основании которых кредитор вправе запросить у ФНС России информацию, подтверждающую факт мобилизации заемщика (с приложением документа, подтверждающего наличие обязательства заемщика по кредитному договору). При этом ФНС России подтверждает в пятидневный срок со дня получения запроса кредитора факт мобилизации заемщика на основании данных, полученных от Минобороны России с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия¹⁶.

С учетом приведенных норм полагаем, что в целях получения информации о мобилизации граждан, являющихся сторонами судебного процесса, арбитражные суды с 23 ноября 2022 года могут направлять судебные запросы не в военные комиссариаты, а в налоговые органы.

Во втором случае (мобилизация гражданина-истца) необходимо ходатайство о приостановлении производства по делу от мобилизованного гражданина. При отсутствии такого ходатайства арбитражный суд приостановить производство по делу по своей инициативе не вправе.

Вместе с тем, учитывая обстоятельства, связанные с мобилизацией (весьма сокращенные сроки между вручением повестки и прибытием в военкоматы и т. д.), у мобилизованного гражданина-истца может отсутствовать

¹⁵ Согласно пункту 7 Положения о воинском учете, утвержденного постановлением Правительства РФ от 27.11.06 № 719, персональный воинский учет граждан по месту их жительства или месту пребывания (на срок более трех месяцев) осуществляется военными комиссариатами муниципальных образований, поэтому для более оперативного получения информации целесообразнее направлять судебные запросы именно в такие военкоматы.

¹⁶ Отметим, что в период с 7 по 20 октября 2022 года кредитор вправе был направить в Минобороны России или в органы управления Росгвардии запрос об участии заемщика в специальной военной операции, при этом названные органы обязаны были предоставить соответствующую информацию в течение семи дней, если предоставление таких сведений не ограничено законодательством Российской Федерации (части 5 и 6 статьи 1 Закона № 377-ФЗ).

реальная возможность для подачи подобного ходатайства. Иными словами, реализация гражданином своих процессуальных прав становится крайне затруднительной, а подчас и невозможной.

В этой связи полагаем, что при наличии у суда достоверных доказательств мобилизации гражданина-истца и отсутствии его ходатайства о приостановлении производства по делу наиболее оптимальным решением видится отложение судебного разбирательства, в том числе в целях выяснения (по возможности) позиции истца или его представителя (при наличии).

Необходимо отметить, что 20 октября 2022 года вступила в силу статья 21.1 Закона о мобилизации (в редакции Федерального закона от 20.10.22 № 406-ФЗ), в соответствии с пунктом 1 которой гражданам, являющимся индивидуальными предпринимателями, призываемым на военную службу по мобилизации, призывной комиссией по мобилизации граждан предоставляется пять рабочих дней для решения организационных вопросов, связанных с дальнейшим осуществлением предпринимательской деятельности, в том числе через доверенных лиц. Правительство РФ вправе установить особенности, касающиеся решения указанных вопросов.

Остается надеяться, что на основании указанной нормы мобилизованный индивидуальный предприниматель — истец будет иметь возможность уведомить арбитражный суд о своей процессуальной позиции по находящемуся в производстве суда делу (в частности, подать ходатайство о приостановлении производства по делу или, напротив, сообщить суду о возможности дальнейшего рассмотрения дела).

Возможно, отмеченные выше проблемы будут решены в случае принятия одобренного 15 ноября 2022 года Пленумом ВС РФ проекта Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», которым среди прочего предлагается изменить пункт 2 части 1 статьи 143 АПК РФ, предусмотрев обязанность арбитражного суда приостановить производство по делу в случае участия гражданина в проведении контртеррористической операции, боевых действиях или выполнения задач в условиях чрезвычайного или военного положения, а также в условиях военных конфликтов, если гражданин-истец не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

Таким образом, в отличие от действующей редакции пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ и упомянутого выше законопроекта № 223501-8, Пленум ВС РФ в качестве общего правила возлагает на арбитражный суд обязанность приостановить производство по делу в случае мобилизации гражданина-истца, не дожидаясь от последнего соответствующего ходатайства. Исключением из такого правила будет служить ходатайство гражданина-истца о рассмотрении дела в его отсутствие.

Имея в виду названные выше обстоятельства, связанные с мобилизацией, которые затрудняют гражданину-истцу реализовать свои процессуальные права, подобная инициатива ВС РФ заслуживает всяческой поддержки.

Применение положений пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ к третьим лицам

С пребыванием в действующей части Вооруженных Сил не сторон, а других лиц, участвующих в деле, пункт 2 части 1 статьи 143 АПК РФ не связывает необходимость приостановления производства по делу.

Однако мобилизация гражданина, являющегося третьим лицом с самостоятельными требованиями относительно предмета спора, при наличии его ходатайства, как правильно отмечается в литературе¹⁷, должна являться основанием для приостановления производства по делу, поскольку в силу части 2 статьи 50 АПК РФ данный участник процесса наделяется процессуальными правами истца, в том числе и правом требовать приостановления производства по делу в случае невозможности своего участия в судебном разбирательстве.

Особенности применения положений пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) граждан

Согласно пункту 1 статьи 58 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) производство по делу о банкротстве *может быть* приостановлено *по ходатайству лица*, участвующего в деле о банкротстве, в предусмотренных АПК РФ случаях.

Из буквального толкования приведенной нормы следует, что приостановление производства по делу о банкротстве, во-первых, является правом суда, которое (и это во-вторых) может быть реализовано только при наличии ходатайства лица, участвующего в деле о банкротстве.

Иными словами, в силу данной нормы¹⁸ арбитражный суд не наделен полномочиями по своей инициативе приостанавливать производство по делу о банкротстве в случаях, предусмотренных статьей 143 АПК РФ.

Между тем, как уже отмечалось выше, пункт 2 части 1 статьи 143 АПК РФ устанавливает *обязанность* арбитражного суда приостановить производство по

¹⁷ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2020 (автор комментария к статье 143 АПК РФ — Ю. А. Тимофеев).

¹⁸ Критику абзаца четвертого пункта 1 статьи 58 Закона о банкротстве см.: *Скутин А. Ф.* Указ. соч. С. 102.

делу в случаях пребывания гражданина-ответчика в действующей части Вооруженных Сил или ходатайства гражданина-истца, находящегося в действующей части Вооруженных Сил.

При этом в деле о банкротстве гражданина процессуальное положение гражданина-заявителя соответствует положению истца. Следовательно, суд обязан приостановить производство по делу в случае подачи им соответствующего ходатайства.

В обособленных же спорах процессуальное положение гражданина-заявителя соответствует положению ответчика, и в таком случае обязанность суда приостановить производство не зависит от волеизъявления лиц, являющихся участниками дела о банкротстве.

С учетом приведенных норм возникают следующие вопросы.

Обязан ли суд приостановить дело о банкротстве мобилизованного гражданина в случае отсутствия ходатайства ввиду фактической невозможности его подачи? Следует ли суду при этом исходить из того, что приостановление процедуры банкротства не отвечает интересам должника, кредиторов и иных участников дела о банкротстве, а также цели банкротства — в возможно короткие сроки и с наименьшими затратами завершить процедуру банкротства в соответствии с требованиями действующего законодательства?

В случае отсутствия ходатайства должника о приостановлении производства по делу о банкротстве при рассмотрении обособленного спора, в котором мобилизованный гражданин-должник выступает в качестве ответчика, суд обязан приостановить производство по делу, что, по сути, приведет к невозможности рассмотрения дела о банкротстве, поскольку пункт 2 статьи 58 Закона о банкротстве запрещает арбитражному суду в случае приостановления производства по делу принимать судебные акты, предусмотренные статьей 52 этого же закона (в частности, решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, об отказе в признании должника банкротом, определения о введении финансового оздоровления и внешнего управления, об утверждении мирового соглашения).

В этой ситуации возникает вопрос о допустимости применения пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ к обособленному спору независимо от воли участников такого спора.

Наконец, мобилизован может быть и арбитражный управляющий, чему уже имеются конкретные примеры¹⁹, который в обособленных спорах может выступать как в качестве истца, так и в качестве ответчика.

Соответственно, может возникнуть вопрос об обязанности суда приостановить обособленный спор, в котором арбитражный управляющий

¹⁹ См.: определения Арбитражного суда Курганской области от 02.11.22 по делу № А34-12632/2022 и Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.09.22 по делу № А07-14640/2019.

является стороной (по его ходатайству как истца в рамках такого спора или в связи с поступившей информацией о мобилизации, если арбитражный управляющий является ответчиком).

В таком случае, как уже отмечалось выше, непонятна судьба основного дела о банкротстве.

Иные процессуальные ситуации и вопросы

Замена состава суда

На основании подпункта 1 пункта 1 статьи 18 Закона о мобилизации и соответствующих подзаконных нормативных правовых актов²⁰ судьи арбитражных судов независимо от военно-учетной специальности, занимаемой должности, звания и возраста подлежат бронированию, им предоставляется отсрочка от призыва на военную службу по мобилизации²¹.

Данное обстоятельство исключает²² замену судьи по причине его мобилизации.

Вместе с тем в соответствии со статьей 19 АПК РФ к рассмотрению дела могут быть привлечены арбитражные заседатели.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 17.03.10 № 156 «Об утверждении Правил бронирования граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас, и работающих в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях», приказ Судебного департамента при ВС РФ от 13.05.19 № 95 «Об утверждении Инструкции по организации и ведению воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе и работающих в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах и управлениях Судебного департамента в субъектах Российской Федерации» и др.

²¹ В случае введения военного положения подлежат мобилизации и направлению в зону боевых действий только военные судьи, имеющие офицерские воинские звания, соответствующий возраст и признанные годными по состоянию здоровья к прохождению военной службы. Подробнее об этом и пробелах в соответствующем законодательстве см.: *Калашников В. В.* Привлечение военных судов к обороне как одно из условий их эффективной деятельности в период мобилизации и военное время // *Законодательство военного времени: уроки прошлого и современные вызовы*: Сб. науч. ст. М.: РГУП, 2022. С. 163–168; *Кунцевич Ю. М.* Уроки прошлого в современных реалиях проблем мобилизации судебных органов и применения законодательства военного времени // Там же. С. 187–189.

²² Имевшие место факты получения судьями повесток военкоматов (например, освещаемый в СМИ случай получения такой повестки судьей Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области С. В. Нетосовым), вероятнее всего, связаны с выполнением мероприятий по уточнению документов по воинскому учету, а не с призывом на военную службу по мобилизации.

При рассмотрении дела арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи, на них распространяются основные гарантии неприкосновенности судей, установленные действующим законодательством, однако они вполне могут быть мобилизованы.

В силу подпункта 5 пункта 2 статьи 2 Федерального закона от 30.05.01 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» (далее — Закон об арбитражных заседателях) арбитражными заседателями не могут быть военнослужащие.

Следовательно, в случае мобилизации арбитражного заседателя его полномочия прекращаются досрочно по основанию, предусмотренному подпунктом 7 пункта 2 статьи 5 Закона об арбитражных заседателях.

При этом пунктом 4 статьи 5 Закона об арбитражных заседателях предусмотрена особая процедура досрочного прекращения полномочий арбитражного заседателя — Пленумом ВС РФ по представлению председателя соответствующего арбитражного суда субъекта Российской Федерации.

То есть оформление досрочного прекращения полномочий арбитражного заседателя может занять определенное время.

Согласно части 4 статьи 19 АПК РФ наличие случая, предусмотренного частью 4 статьи 18 данного Кодекса (то есть прекращение полномочий арбитражного заседателя), является основанием для замены арбитражного заседателя. Другая кандидатура арбитражного заседателя определяется в порядке, установленном частью 3 той же статьи.

В силу части 5 статьи 18 АПК РФ в случае замены арбитражного заседателя в процессе рассмотрения дела судебное разбирательство должно быть произведено с самого начала, что, особенно с учетом отмеченной выше процедуры досрочного прекращения полномочий арбитражного заседателя, несомненно, нарушает права лиц, участвующих в деле, на судопроизводство в разумный срок.

При этом положения пункта 3 статьи 4 Закона об арбитражных заседателях и разъяснения, содержащиеся в абзаце третьем пункта 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 10.11.11 № 70 «О некоторых вопросах, связанных с участием арбитражных заседателей в осуществлении правосудия», о возможности продолжения осуществления арбитражным заседателем своих полномочий до окончания рассмотрения дела по существу к рассматриваемой ситуации по понятным причинам неприменимы.

Тем не менее из приведенных норм процессуального права следует, что мобилизация арбитражного заседателя предполагает единственный вариант действий, влияющих на дальнейшее движение дела, а именно замену в установленном порядке мобилизованного арбитражного заседателя на другого (с учетом специализации, путем случайной выборки с использованием

автоматизированной информационной системы или иным способом, применяемым в арбитражном суде для формирования состава суда).

С учетом изложенного председательствующему по делу судье арбитражного суда необходимо в случае неявки в судебное заседание одного или двух арбитражных заседателей выяснить, не обусловлена ли такая неявка мобилизацией, для чего целесообразно объявить перерыв в судебном заседании или отложить судебное разбирательство.

Если будет установлено, что арбитражный заседатель мобилизован, то не могут быть применены положения абзаца третьего части 4 статьи 19 АПК РФ, в соответствии с которым в случае неявки арбитражного заседателя дело может быть рассмотрено судьей единолично (при условии, что стороны или их представители присутствуют в данном судебном заседании и не возражают против рассмотрения дела судьей единолично), а также абзац четвертый части 4 этой же статьи (о том, что в случае повторной неявки арбитражного заседателя суд по ходатайству одной из сторон вправе вынести определение о рассмотрении дела судьей единолично и открыть судебное заседание в первой инстанции).

Исходя из разъяснений, содержащихся в пункте 2 вышеуказанного постановления Пленума ВАС РФ от 10.11.11 № 70, дело может быть рассмотрено судьей единолично, если вследствие мобилизации арбитражного заседателя невозможно сформировать состав суда для рассмотрения дела с участием арбитражных заседателей.

Необходимо отметить, что не исключены случаи мобилизации работников аппарата арбитражного суда (помощников судей, секретарей судебного заседания, специалистов отдела информатизации и т. д.), поскольку в соответствии с действующими нормативными правовыми актами не все такие работники могут быть забронированы и иметь отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации. На рассмотрение (движение) конкретных дел мобилизация работников аппарата напрямую не повлияет, однако, вне всякого сомнения, может негативно сказаться на деятельности арбитражного суда (в частности, увеличится служебная нагрузка на «замещающие» офисы судей, вряд ли получится оперативно найти квалифицированных сотрудников в отдел информатизации, особенно с учетом положений статьи 53.1 Федерального закона от 27.07.04 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» о сохранении за мобилизованным гражданским служащим должности гражданской службы на период прохождения военной службы по мобилизации).

Судебные извещения

Как представляется, применительно к мобилизованным гражданам с осторожностью следует применять положения части 6 статьи 121 и части 4

статьи 123 АПК РФ (об обязанностях участника судебного процесса после получения первого судебного акта и презумпции надлежащего извещения).

В частности, при применении пункта 2 части 4 статьи 123 АПК РФ у суда может возникнуть вопрос о причинах возвращения неполученной судебной корреспонденции в связи с истечением срока хранения: адресат призван на военную службу по мобилизации или же по собственной халатности не посещает почту?

Аналогичная ситуация складывается и при применении пункта 3 части 4 той же статьи 123 АПК РФ, поскольку гражданин может отсутствовать по адресу места жительства именно по причине его мобилизации. В этой связи представляет интерес практика отделений почтовой связи Забайкальского края: в возвращенных уведомлениях содержится информация о причинах неполучения корреспонденции — «выбыл, мобилизован». Понятно, что подобная информация подлежит проверке (например, путем направления судебных запросов в районный военкомат или налоговый орган), однако ее полезность для суда не вызывает сомнений.

В случае мобилизации не в полной мере работает и часть 6 статьи 121 АПК РФ, поскольку мобилизованный гражданин фактически лишен возможности самостоятельно получать информацию о движении дела.

Считаем необходимым обратить внимание и на позицию, выраженную в постановлении ВС РФ от 25.10.22 № 226-АД22-1-К10, о том, что извещение судом командира воинского подразделения (взвода) не может быть признано надлежащим извещением самого военнослужащего. Несмотря на то что в данном судебном акте речь идет об извещениях по делу об административном правонарушении, такой подход должен учитываться арбитражными судами и при применении положений главы 12 АПК РФ.

Оставление искового заявления (заявления) без движения

В соответствии со статьей 128 АПК РФ арбитражный суд, установив при рассмотрении вопроса о принятии искового заявления к производству, что оно подано с нарушением требований, установленных статьями 125 и 126 данного Кодекса, выносит определение об оставлении заявления без движения, в котором указывает основания для оставления искового заявления без движения и срок, в течение которого истец должен устранить обстоятельства, послужившие основанием для оставления искового заявления без движения. Копия такого определения направляется истцу. Если указанные в определении обстоятельства не будут устранены в установленный в нем срок, арбитражный суд возвращает исковое заявление и прилагаемые к нему документы в порядке, предусмотренном статьей 129 АПК РФ.

При применении названной нормы возникает вопрос о том, как следует поступить суду в случае мобилизации истца в период после подачи им искового

заявления, оставленного без движения, до установленного арбитражным судом срока для устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления такого заявления без движения.

В пункте 14 постановления Пленума ВС РФ от 23.12.21 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 46) разъяснено, что арбитражный суд вправе продлить срок оставления искового заявления без движения в порядке, предусмотренном статьей 118 АПК РФ.

Как представляется, в описанной ситуации при наличии у арбитражного суда достоверных данных о мобилизации гражданина-истца, исковое заявление которого было оставлено без движения, правильным будет продлить срок оставления искового заявления без движения в порядке, предусмотренном статьей 118 АПК РФ.

Необходимо иметь в виду, что дата первоначального обращения в суд с исковым заявлением (заявлением) может повлиять на права и обязанности мобилизованного гражданина.

Например, в силу пункта 1 статьи 204 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права.

Не менее важное значение для мобилизованного гражданина имеет дата подачи в суд заявления об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий, постановлений публичных (административных) органов. Во-первых, частью 4 статьи 198 и частью 2 статьи 208 АПК РФ установлены сокращенные процессуальные сроки на обращение в суд с такими заявлениями (три месяца и десять дней соответственно). Во-вторых, и это, пожалуй, даже важнее первой причины (поскольку пропущенный процессуальный срок, скорее всего, будет восстановлен судом²³), на основании пункта 2 статьи 31.1 и части 2 статьи 31.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) обжалование в судебном порядке постановления по делу об административном правонарушении влияет на момент вступления его в законную силу и принудительное исполнение. Иными словами, пока постановление по делу об административном правонарушении будет считаться обжалованным в судебном порядке (а таковым оно признается с

²³ Пункт 16 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.22 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

момента подачи в суд соответствующего заявления, пусть и оставленного без движения), данное постановление не подлежит исполнению²⁴.

С учетом изложенного не исключено, что в рассматриваемой ситуации продлевать срок оставления искового заявления (заявления) без движения придется неоднократно. Имея в виду, что согласно части 2 статьи 113 АПК РФ сроки совершения процессуальных действий определяются точной календарной датой, указанием на событие, которое обязательно должно наступить, или периодом, в течение которого действие может быть совершено, можно в качестве варианта предложить указывать в определении о продлении срока оставления искового заявления без движения не точную календарную дату, а, например, такую формулировку: «до увольнения мобилизованного лица с военной службы по основаниям, установленным Указом № 647».

Это в первую очередь касается исковых заявлений тех индивидуальных предпринимателей, которые были мобилизованы до 20 октября 2022 года, то есть до вступления в силу упомянутой ранее статьи 21.1 Закона о мобилизации (в редакции Федерального закона от 20.10.22 № 406-ФЗ), и не имели возможности после получения повестки о призыве по мобилизации решить организационные вопросы, связанные с дальнейшим осуществлением предпринимательской деятельности (в том числе исполнить определение суда об оставлении искового заявления без движения).

По нашему мнению, как минимум один раз продлить срок оставления искового заявления без движения необходимо и в том случае, когда суд не располагает сведениями о мобилизации гражданина-истца, но последний по формальным признакам (например, по возрасту) подпадает под действие Указа № 647, одновременно приняв отмеченные выше меры к выяснению статуса такого истца.

В обоснование приведенных выводов (равно как и схожих суждений относительно действий суда в иных процессуальных ситуациях, рассмотренных ниже) резонно сослаться на правовую позицию, выраженную в пункте 2 постановления Пленума ВС РФ № 46, в соответствии с которой арбитражным судам следует иметь в виду, что в целях своевременного обеспечения права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство процедура рассмотрения дела должна отвечать требованиям процессуальной эффективности и экономии. При этом в силу статей 7 и 8 АПК РФ какое-либо снижение уровня процессуальных гарантий в целях процессуальной экономии не допускается.

²⁴ В этой связи в случае, если заявление оставлено без движения по основаниям, предусмотренным пунктом 1 части 1 статьи 126 и частью 2 статьи 209 АПК РФ, а именно по мотиву отсутствия доказательств направления (вручения) копии заявления административному органу, рекомендуется уведомить такой орган о факте обжалования постановления по делу об административном правонарушении, дабы избежать ситуации обращения его к исполнению.

Ограничение применения положений об оставлении искового заявления без рассмотрения

На основании пункта 9 части 1 статьи 148 АПК РФ арбитражный суд оставляет исковое заявление без рассмотрения, если после его принятия к производству установит, что истец повторно не явился в судебное заседание, в том числе по вызову суда, и не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие или об отложении судебного разбирательства, а ответчик не требует рассмотрения дела по существу.

В пункте 44 постановления Пленума ВС РФ № 46 разъяснено, что при применении данной нормы арбитражному суду необходимо установить наличие совокупности следующих обстоятельств: повторной неявки истца в судебное заседание; отсутствия ходатайства истца о рассмотрении дела в его отсутствие или об отложении судебного разбирательства; мнения ответчика о рассмотрении дела по существу. При наличии приведенных выше обстоятельств дополнительного установления арбитражным судом факта утраты истцом интереса к рассмотрению соответствующего спора по существу не требуется.

Вместе с тем, по нашему мнению, в случае подобного пассивного поведения гражданина-истца, по формальным признакам (например, по возрасту) подпадающего под действие Указа № 647, арбитражному суду надлежит выяснить, не мобилизован ли он.

Об отложении судебного разбирательства в период проведения мобилизации

По смыслу части 1 статьи 158 АПК РФ арбитражный суд откладывает судебное разбирательство только в случаях, предусмотренных данным Кодексом.

Однако в период мобилизации вполне могут возникнуть ситуации, когда судебное разбирательство целесообразно отложить на более поздний срок и по обстоятельствам, не предусмотренным процессуальным законом, а именно в случае призыва на военную службу по мобилизации супруга, отца, сына, брата или внука судьи, поскольку в таком случае психофизиологическое состояние судьи²⁵, его переживания за родственника могут не позволить надлежащим образом (полно и всесторонне) рассмотреть дело. В одной из своих работ судья КС РФ в отставке М. И. Клеандров применительно к схожей ситуации (плохое

²⁵ О психофизиологическом компоненте статуса судьи подробнее см.: Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежный компоненты. М.: Норма, 2008. С. 227–269.

самочувствие или настроение судьи) не без оснований предлагал приветствовать и эталонизировать подобное процессуальное поведение судьи²⁶.

Необходимость в отложении судебного разбирательства или изменении даты судебного заседания может возникнуть и в случае получения самим судьей повестки о явке в военкомат для уточнения документов по воинскому учету. Например, в упомянутом выше случае с судьей Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области С. В. Нетосовым все судебные заседания, назначенные на 6 октября 2022 года с 9.00 до 13.00, были перенесены на 11 октября 2022 года. В подобных ситуациях правовым основанием для отложения судебного разбирательства на срок, не превышающий 10 дней, является абзац второй части 5 статьи 158 АПК РФ.

Смеем предположить, что на практике наиболее часто встречающимся в ходатайствах сторон основанием для отложения судебного разбирательства будет невозможность обеспечения явки самого участника спора или его представителя, обусловленная проведением мобилизации.

На основании частей 3 и 4 статьи 158 АПК РФ арбитражный суд может отложить судебное разбирательство по ходатайству лица, участвующего в деле, в связи с невозможностью обеспечения явки в судебное заседание данного лица или его представителя по уважительной причине.

При анализе судебной практики автором обнаружено несколько случаев, когда лица, участвующие в деле, просили отложить судебное разбирательство в связи с принятием Указа № 647 и невозможностью выезда такого лица или его представителя в другой регион без разрешения военного комиссариата.

Однако арбитражные суды, как правило, не находят оснований для отложения судебного разбирательства, ссылаясь на то, что отложение судебного заседания является правом, а не обязанностью суда и должно быть обосновано наличием объективных обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в судебном заседании, в то время как из Указа № 647 не следует запрет выезда граждан в иной регион, поэтому его принятие не является основанием для отложения судебного разбирательства (*постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 29.09.22 по делу № А45-13828/2018, Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.09.22 по делу № А68-7381/2020 и Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.10.22 по делу № А07-28800/2021*).

Между тем согласно пункту 2 статьи 21 Закона о мобилизации гражданам, состоящим на воинском учете, с момента объявления мобилизации воспрещается выезд с места жительства без разрешения военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас.

²⁶ Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 568–569.

Пунктом 52 Положения о воинском учете, утвержденного постановлением Правительства РФ от 27.11.06 № 719, также предусмотрено, что в период мобилизации выезд граждан, состоящих на воинском учете, с места жительства производится с разрешения военного комиссара муниципального образования по письменным заявлениям граждан с указанием причины убытия.

Таким образом, из названных норм права недвусмысленно следует, что после объявления мобилизации гражданам, состоящим на воинском учете, воспрещается выезд с места жительства без разрешения военных комиссариатов.

С учетом изложенного, по нашему мнению, мотивы для отклонения ходатайств об отложении судебного разбирательства, приведенные в упомянутых выше постановлениях арбитражных судов апелляционной инстанции, являются недостаточно обоснованными.

Из постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.09.22 по делу № А53-37070/2021 следует, что индивидуальный предприниматель просил отложить судебное разбирательство, ссылаясь именно на положения пункта 2 статьи 21 Закона о мобилизации и отсутствие разрешения военкомата на выезд, однако суд кассационной инстанции тем не менее не нашел оснований для удовлетворения ходатайства (соответствующие выводы в постановлении суда не приведены, имеются только ссылки на статьи 156 и 284 АПК РФ).

На наш взгляд, в подобных ситуациях суд не должен излишне формально подходить к рассмотрению ходатайств об отложении судебного разбирательства, мотивированных ссылками на статью 21 Закона о мобилизации и Указ № 647, поскольку заявители таких ходатайств руководствуются нормами действующего законодательства и вполне резонно полагают, что в период мобилизации они или их представители не вправе покидать свое место жительства²⁷.

Представляется, что при отсутствии доказательств явного злоупотребления заявителем ходатайства своими процессуальными правами в целях затягивания судебного процесса у суда имеются достаточные основания для признания причины неявки в судебное заседание лица, участвующего в деле, или его представителя уважительной и удовлетворения такого ходатайства.

²⁷ На сайте «Объясняем.рф» разъяснение о том, что при отсутствии повестки получать разрешение военкомата на выезд с места жительства не требуется, появилось только 29 сентября 2022 года. Примечательно, что в этот же день Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ В. В. Володин в своем телеграм-канале вначале со ссылкой на статью 21 Закона о мобилизации указывал на необходимость получения всеми военнообязанными разрешения военкомата на выезд в другой регион, но затем скорректировал свою позицию, приведя разъяснение Минобороны России о том, что поскольку мобилизация является частичной, то получать разрешение военкомата не нужно.

При этом в определении об отложении судебного разбирательства заявителю ходатайства можно предложить обратиться в военкомат по месту его жительства с письменным заявлением о разрешении на выезд в другой регион для участия в судебном заседании, а также дополнительно разъяснить его право на участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи или системы веб-конференции.

В случае подтвержденного факта мобилизации представителя²⁸ лица, участвующего в деле, и заявлении последним ходатайства об отложении судебного разбирательства, по нашему мнению, имеются основания, предусмотренные частью 4 статьи 158 АПК РФ, для удовлетворения такого ходатайства, поскольку поиск иного представителя может занять определенное время. В таких ситуациях лицу, участвующему в деле, в целях соблюдения его права на профессиональную юридическую помощь необходимо дать достаточное время для оформления отношений с иным представителем.

Нужно помнить, что согласно пункту 3 статьи 2 АПК РФ одной из задач судопроизводства в арбитражных судах является справедливое публичное судебное разбирательство. При этом право на справедливое судебное разбирательство в значительной мере обусловливается возможностью заинтересованных лиц лично участвовать в суде и быть услышанными²⁹.

Мобилизация эксперта

Из абзаца второй части 4 статьи 82 АПК РФ следует, что проведение экспертизы может быть назначено конкретному эксперту (в этом случае в соответствующем определении суда указываются фамилия, имя и отчество эксперта).

В соответствии с частью 1 статьи 86 АПК РФ и статьей 25 Федерального закона от 31.05.01 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» на основании проведенных исследований и с учетом их результатов эксперт дает заключение в письменной форме от своего имени и подписывает его.

Поскольку последствия невозможности проведения назначенной судом экспертизы ввиду мобилизации эксперта процессуальным законом не разрешены, возникает вопрос о том, как следует поступить суду в случае

²⁸ Как известно, на соответствующее обращение Федеральной палаты адвокатов Минюст России разъяснил, что действующим законодательством адвокатам отсрочка от призыва на военную службу по мобилизации не предоставляется и в случае мобилизации статус адвоката приостанавливается. Подробнее см.: *Сергеев С.* Адвокатуры призывной // Коммерсантъ. 13.10.2022.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Рабцевич О. И.* Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005.

мобилизации эксперта, которому назначена экспертиза, до изготовления им заключения и представления его в суд.

В пункте 2 постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.14 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» указано, что в случае возникновения оснований для замены эксперта, привлечения к производству экспертизы другого судебного эксперта информация о возможных кандидатурах экспертов доводится руководителем экспертного учреждения (организации) до сведения суда, вынесшего определение о назначении экспертизы; суд решает вопрос о замене эксперта, привлечении к производству экспертизы другого эксперта с учетом мнения лиц, участвующих в деле.

Представляется верным вынесение на обсуждение сторон вопроса о возможности назначения экспертизы другому эксперту той же экспертной организации или назначении экспертизы в другое экспертное учреждение в случае отсутствия в выбранной экспертной организации иных экспертов, которым может быть поручена экспертиза.

Однако, поскольку экспертные исследования выполняются на возмездной основе, возникает сложность в определении подлежащего выплате мобилизованному эксперту вознаграждения при условии, что часть исследования к моменту мобилизации выполнена экспертом, а непредставление заключения в суд вызвано исключительно призывом на военную службу по мобилизации, то есть не может быть поставлено в вину эксперту.

В пункте 26 вышеуказанного постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.14 № 23 разъяснено, что по общему правилу денежные суммы, причитающиеся эксперту, согласно части 1 статьи 109 АПК РФ выплачиваются после выполнения им своих обязанностей в связи с производством экспертизы.

При этом, как указано в пункте 25 того же постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.14 № 23, если эксперт ответил не на все поставленные перед ним вопросы или провел исследование не в полном объеме в связи с тем, что выявилась невозможность дальнейшего производства экспертизы и подготовки заключения, то эксперту оплачивается стоимость фактически проведенных им исследований с учетом представленного экспертом финансово-экономического обоснования расчета затрат.

Полагаем, что приведенное разъяснение вполне применимо и к анализируемой ситуации, поскольку невозможность подготовки заключения обусловлена мобилизацией эксперта.

Однако на практике могут возникнуть вопросы о том, вправе ли представить такое финансово-экономическое обоснование затрат не сам мобилизованный эксперт, а, например, экспертное учреждение, где он работает? Могут ли полученные от эксперта материалы быть использованы при проведении новой экспертизы? Подлежит ли экспертиза прекращению в случае, если стороны не согласны нести расходы на проведение экспертизы сверх установленных в

определении суда при назначении экспертизы мобилизованному эксперту, либо недостающая сумма может быть взыскана при вынесении судебного акта в порядке, предусмотренном частью 6 статьи 110 АПК РФ?

Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в условиях мобилизации

В случае наличия у суда достоверных сведений о мобилизации гражданина — ответчика по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, производство по такому делу подлежит приостановлению на основании пункта 2 части 1 статьи 143 и части 1 статьи 226 АПК РФ.

Аналогичным образом следует поступить суду и в случае мобилизации гражданина-истца, от которого поступило ходатайство о приостановлении производства по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства.

С момента приостановления производства по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, процессуальный срок приостанавливается до момента возобновления производства по делу, а в случае его возобновления течение процессуальных сроков продолжается со дня возобновления производства по делу (пункт 15 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа от 19 сентября 2019 года (г. Чита)).

Если же от мобилизованного гражданина-истца ходатайство о приостановлении производства по делу не поступило и при этом он явным образом не выразил свое согласие на рассмотрение дела по имеющимся доказательствам, в том числе после представления ответчиком возражений и доказательств, то в целях соблюдения его процессуальных прав представляется правильным перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (часть 5 статьи 227 АПК РФ).

В обоснование такого подхода можно сослаться на пункт 24 постановления Пленума ВС РФ от 18.04.17 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», в котором разъяснено, что если ко дню принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, соответствующая информация в суд не поступила, либо поступила, но с очевидностью свидетельствует о том, что лицо не имело возможности ознакомиться с материалами дела и представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном

частью 3 статьи 228 АПК РФ³⁰, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Приведенным разъяснением Пленума ВС РФ необходимо руководствоваться и в тех случаях, когда суд не располагает достоверными сведениями о мобилизации истца или ответчика, однако по формальным признакам (например, по возрасту) они подпадают под действие Указа № 647, и при этом у суда отсутствует информация о фактическом получении ими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства либо такая информация имеется, но истец и (или) ответчик не представляют возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 228 АПК РФ.

Предвидя возможные возражения коллег о том, что при подобном подходе значительно возрастет число дел, рассматриваемых по общим правилам искового (административного) судопроизводства, что увеличит судебную нагрузку и сроки рассмотрения дел, хотелось бы отметить следующее.

Безусловно, как справедливо отмечает С. В. Лазарев, период защиты права напрямую влияет на ценность защиты такого права. Соответственно, судопроизводство должно быть своевременным. Поэтому непосредственной целью судебного управления движением дела является обеспечение своевременного его разрешения³¹.

Вместе с тем в силу пункта 1 статьи 2 АПК РФ одна из задач судопроизводства в арбитражных судах — защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Российская гражданско-процессуальная наука традиционно исходит из того, что выполнение подобной задачи предполагает не только своевременное разрешение спора, но и реальное восстановление нарушенного права³².

По мнению С. А. Курочкина, «основной целью гражданского судопроизводства следует считать не просто защиту, а эффективную защиту прав и законных интересов участников правоотношений»³³.

³⁰ На основании частей 1 и 4 статьи 228 АПК РФ поступившие в арбитражный суд исковое заявление (заявление), отзыв на исковое заявление (заявление), доказательства и иные документы размещаются в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в режиме ограниченного доступа. По понятным причинам в случае мобилизации у гражданина может отсутствовать возможность пользоваться сетью Интернет.

³¹ Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. М.: Статут, 2022. С. 20–21.

³² Малешин Д. Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011. С. 142.

³³ Курочкин С. А. Эффективность гражданского судопроизводства. М.: Статут, 2020. С. 67–68.

Заслуживает поддержки и позиция С. Л. Дегтярева, который полагает, что основными задачами судебной власти на современном этапе являются обеспечение непосредственно действующих прав и свобод человека и гражданина, а также устранение конфликтных отношений в обществе, под которыми названный автор понимает не только разрешение спора о праве, но и те случаи, когда заинтересованное лицо не может воспользоваться своими правами без вмешательства органов судебной власти³⁴.

Таким образом, «у правосудия особая цель, особая миссия — обеспечение существующего правового порядка, в том числе гарантированных Конституцией РФ, федеральными законами, другими нормативными актами, договорами прав, свобод и законных интересов участников правоотношений. В этой проявляется основное предназначение судебной власти в обществе — сохранение правопорядка путем ликвидации конфликтных ситуаций между различными субъектами права»³⁵.

Формальный подход суда к рассмотрению дела, в том числе обусловленный интересами снижения судебной нагрузки, не будет способствовать выполнению отмеченных задач и, более того, может привести не к восстановлению, а к нарушению прав сторон, в то время как в силу статей 7 и 8 АПК РФ какое-либо снижение уровня процессуальных гарантий в целях процессуальной экономии не допускается (пункт 2 постановления Пленума ВС РФ № 46).

Приказное производство в условиях мобилизации

Согласно части 2 статьи 229.5 АПК РФ судебный приказ по делам приказного производства выносится арбитражным судом в течение десяти дней со дня поступления заявления о выдаче судебного приказа в арбитражный суд.

Учитывая такой короткий процессуальный срок, арбитражный суд вряд ли сможет установить статус гражданина-должника (мобилизован он или нет)³⁶, даже направив судебный запрос в военкомат или (после 23 ноября 2022 года) в территориальные органы ФНС России.

³⁴ Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 52–53.

³⁵ Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 42.

³⁶ Строго говоря, даже установив в пределах десятидневного срока, что гражданин-должник мобилизован, суд не будет иметь возможности возвратить заявление о выдаче судебного приказа или отказать в его принятии, поскольку в статье 229.4 АПК РФ не предусмотрено подобного основания для совершения данных процессуальных действий. Единственным возможным вариантом является уведомление взыскателя о факте мобилизации должника в целях рассмотрения им вопроса о подаче ходатайства о возвращении заявления о выдаче судебного приказа.

В этой связи возникает вопрос о том, как поступить суду в случае, если после вынесения определения о выдаче судебного приказа ему поступят сведения о мобилизации гражданина-должника?

В подобной ситуации возможны два варианта развития событий: 1) от должника (его представителя или родственников) поступили возражения относительно исполнения судебного приказа, мотивированные фактом мобилизации должника; 2) такие возражения от должника не поступили.

С первым из указанных вариантов все достаточно просто: поскольку возражения могут содержать только указание на несогласие должника с вынесенным судебным приказом, судебный приказ подлежит отмене судом (часть 4 статьи 229.5 АПК РФ и пункт 31 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.16 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»; далее — постановление Пленума ВС РФ № 62).

По нашему мнению, если возражения относительно исполнения приказа подписаны близким родственником мобилизованного должника (например, супругой или детьми), то этого достаточно для вынесения определения об отмене судебного приказа (особенно в отношении должников — индивидуальных предпринимателей, мобилизованных в период с 21 сентября по 20 октября 2022 года, то есть до принятия Федерального закона от 20.10.22 № 404-ФЗ).

Кроме того, полагаем правильным рассматривать и те возражения относительно исполнения судебного приказа, которые были представлены по истечении установленного процессуальным законом десятидневного срока.

В пункте 33 постановления Пленума ВС РФ № 62 разъяснено, что в случае пропуска десятидневного срока для представления возражений относительно исполнения судебного приказа должник вправе представить возражения относительно исполнения судебного приказа и за пределами указанного срока, обосновав невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от него (часть 5 статьи 229.5 АПК РФ). При этом следует иметь в виду, что обстоятельства, указываемые заявителем в качестве причин, препятствующих своевременному представлению возражений, могут быть приняты во внимание, если они существовали в период срока, установленного для представления возражений.

К возражениям должника, направленным за пределами установленного срока, должны быть приложены документы, подтверждающие невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от должника. К таким доказательствам могут относиться документы, подтверждающие неполучение гражданином-должником копии судебного приказа в связи с его отсутствием по месту жительства, в том числе из-за болезни, нахождения в командировке, отпуске, в связи с переездом в другое место жительства и др. (пункт 34 постановления Пленума ВС РФ № 62).

Применительно к описываемой ситуации, на наш взгляд, достаточным будет представление доказательств, подтверждающих факт мобилизации должника.

Что касается второго из указанных вариантов (возражения относительно исполнения судебного приказа не поступили, но суду стало достоверно известно, что должник мобилизован и, вполне возможно, именно по этой причине не представил возражения), то предлагается не выдавать взыскателю второй экземпляр судебного приказа, вступившего в законную силу (не направлять его для исполнения), до увольнения мобилизованного гражданина с военной службы по основаниям, предусмотренным пунктом 5 Указа № 647, или в связи с завершением специальной военной операции.

Подобное процессуальное поведение арбитражного суда хотя и будет противоречить положениям части 6 статьи 229.5 АПК РФ³⁷ и разъяснениям, содержащимся в пункте 28 постановления Пленума ВС РФ № 62, но будет направлено на защиту процессуальных и имущественных прав мобилизованного гражданина-должника и в конечном счете на соблюдение принципов справедливости³⁸ и равноправия сторон, поскольку не следует забывать, что «роль суда во всех типах общества заключается в восстановлении гармонии и сбалансированности общественных отношений, а целью гражданского процесса является восстановление справедливости»³⁹.

Учитывая, что сведениями о мобилизованных гражданах, включая сведения о дате получения мобилизованным лицом статуса военнослужащего в период действия частичной мобилизации, в ближайшее время будет располагать ФНС России, которая на основании пункта 7 постановления Правительства РФ от 20.10.22 № 1874 «О мерах поддержки мобилизованных лиц» обязана предоставлять такие сведения Федеральной таможенной службе, Пенсионному фонду Российской Федерации и Фонду социального страхования Российской Федерации, можно было бы ожидать, что по делам, предусмотренным пунктом 3 статьи 229.2 АПК РФ, заявления о выдаче судебных приказов в отношении таких

³⁷ В свое время А. Ф. Воронов не без оснований указывал, что нормы приказного производства в гражданском процессе не соответствуют большинству судопроизводственных принципов гражданского процесса, что может свидетельствовать о его неполном соответствии конституционным понятиям «правосудие» и «судопроизводство». См.: *Воронов А. Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец, 2009. С. 486.

³⁸ В этой связи следует согласиться с М. А. Фокиной в том, что «справедливость в области гражданского судопроизводства является составной частью социальной справедливости». См.: *Фокина М. А.* Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Общие положения // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 4. С. 26.

³⁹ *Курочкин С. А.* Частные и публичные начала в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 96.

граждан от налоговых органов и государственных внебюджетных фондов поступать в арбитражные суды не будут.

Вместе с тем в целях соблюдения сроков, установленных пунктом 3 статьи 46 Налогового кодекса Российской Федерации (в отношении ранее выставленных⁴⁰ требований об уплате налогов и сборов, задолженность по которым по тем или иным причинам не была взыскана в бесспорном порядке), налоговые органы будут вынуждены обращаться в арбитражные суды с заявлениями о взыскании налоговой задолженности.

В случае подачи заявлений о взыскании с мобилизованного гражданина налоговой задолженности, размер которой не превышает 100 000 рублей, такие заявления должны быть возвращены, поскольку подобное требование подлежит рассмотрению только в порядке приказного производства (пункт 2.1 части 1 статьи 129 АПК РФ, пункт 1 постановления Пленума ВС РФ № 62 и пункт 20 постановления Пленума ВС РФ от 18.04.17 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»).

Таким образом, создается парадоксальная ситуация: налоговый орган заведомо знает, что имеющий недоимку индивидуальный предприниматель мобилизован, но тем не менее должен обратиться за взысканием такой задолженности исключительно в порядке приказного производства, что изначально ведет к нарушению прав предпринимателей, особенно тех из них, кто был мобилизован до 20 октября 2022 года, то есть до вступления в силу упомянутой ранее статьи 21.1 Закона о мобилизации (в редакции Федерального закона от 20.10.22 № 406-ФЗ), и не имел возможности после получения повестки о призыве по мобилизации решить организационные вопросы, связанные с дальнейшим осуществлением предпринимательской деятельности.

Из такой ситуации видится три возможных выхода:

1. Налоговые органы будут обращаться в арбитражные суды с заявлениями о взыскании налоговой задолженности после увольнения мобилизованного предпринимателя с военной службы по основаниям, установленным Указом № 647, заявляя ходатайства о восстановлении срока для обращения в суд по мотиву мобилизации налогоплательщика, а суды, в свою очередь, будут признавать причины пропуска срока уважительными (пункт 60 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.13 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации»).

⁴⁰ Согласно пункту 8 постановления Правительства РФ от 20.10.22 № 1874 предельные сроки направления требования об уплате налогов, сборов, страховых взносов, пеней, штрафов увеличиваются на шесть месяцев.

2. Налоговый орган будет обращаться в арбитражный суд с заявлением о выдаче судебного приказа, указывая в нем на факт мобилизации налогоплательщика — индивидуального предпринимателя, и суд на основании пункта 3 части 3 статьи 229.4 АПК РФ будет отказывать в принятии такого заявления по мотиву наличия спора о праве⁴¹, после чего налоговый орган сможет обратиться в арбитражный суд с заявлением о взыскании налоговой задолженности, приложив к нему названное определение арбитражного суда (пункт 20 вышеуказанного постановления Пленума ВС РФ от 18.04.17 № 10).

3. Налоговый орган будет обращаться в арбитражный суд с заявлением о взыскании налоговой задолженности, размер которой не превышает 100 000 рублей, указывая в нем на факт мобилизации налогоплательщика — индивидуального предпринимателя, и арбитражный суд, расценив подобное обстоятельство как исключающее возможность рассмотрения требования в порядке приказного производства (по мотиву наличия спора о праве), будет принимать такое заявление к производству по правилам главы 29 АПК РФ с последующим приостановлением производства по делу.

Последний из предложенных вариантов является, на наш взгляд, наиболее оптимальным и отвечающим требованиям процессуальной экономии.

Рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) в условиях мобилизации

Как отмечалось ранее, арбитражный управляющий может быть мобилизован.

Арбитражный управляющий является лицом, участвующим в деле о банкротстве (пункт 1 статьи 34 Закона о банкротстве).

С даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника, иных органов управления должника. Руководитель должника, а также временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий в течение трех дней с даты утверждения конкурсного управляющего обязаны обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей, штампов, материальных и иных ценностей конкурсному управляющему (пункт 2 статьи 126 Закона о банкротстве).

В процедурах наблюдения, внешнего управления, финансового оздоровления, конкурсного производства на арбитражного управляющего

⁴¹ Учитывая, что мобилизованные выполняют задачи в условиях военного положения на территории четырех новых субъектов Российской Федерации, то основание для отказа в принятии заявления о выдаче судебного приказа, предусмотренное пунктом 2 части 3 статьи 229.4 АПК РФ («место нахождения должника находится вне пределов Российской Федерации»), использовано быть не может.

возлагается ряд обязанностей, которые (согласно сформированной судебной практике) он не имеет права поручить иным лицам и должен исполнить лично.

В силу пункта 1 статьи 213.9 Закона о банкротстве участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным.

Помимо этого, в рамках основного дела о банкротстве юридического лица рассматривается множество обособленных споров (как правило, повышенной сложности), в которых арбитражный управляющий является как заявителем (признание сделок недействительными и проч.), так и ответчиком (жалобы на действия управляющего, взыскание с него убытков, рассмотрение разногласий и проч.).

Таким образом, арбитражный управляющий является ключевой фигурой в деле о банкротстве, его мобилизация приведет к блокированию процедуры банкротства и невозможности проведения основных мероприятий (анализ финансового состояния, определение признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, формирование и реализация конкурсной массы, ведение реестра требований кредиторов и проч.)⁴².

Вместе с тем Законом о банкротстве не определен порядок продолжения процедуры банкротства в случае мобилизации арбитражного управляющего.

При этом оснований для отстранения арбитражного управляющего или его замены в подобной ситуации Законом о банкротстве также не предусмотрено.

В пункте 19 письма ФНС России от 28.09.22 № АБ-4-19/12835@ разъяснено, что в случае мобилизации арбитражный управляющий на основании пункта 1 статьи 20.3 Закона о банкротстве вправе самостоятельно подать в арбитражный суд заявление об освобождении его от исполнения возложенных обязанностей в деле о банкротстве. Если арбитражный управляющий не смог направить такое заявление самостоятельно, то его подает саморегулируемая организация арбитражных управляющих в соответствии с пунктом 2 статьи 20.5 Закона о банкротстве.

Пунктом 2 статьи 20.5 Закона о банкротстве предусмотрено, что в случае выявления саморегулируемой организацией арбитражных управляющих фактов несоответствия арбитражного управляющего условиям членства, установленным саморегулируемой организацией, членом которой он является, в том числе выявления обстоятельств, препятствующих утверждению арбитражного управляющего в деле о банкротстве, возникших после такого утверждения,

⁴² Как показывает судебная практика, иногда конкурсные кредиторы в случае мобилизации арбитражного управляющего предпринимают отчаянные действия, чтобы процедура банкротства продолжалась. Например, в рамках дела № А07-14640/2019 конкурсным кредитором было подано заявление о принятии обеспечительных мер в виде приостановки повестки военного комиссариата о мобилизации конкурсного управляющего. Определением Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.09.22 в удовлетворении такого заявления ожидаемо отказано.

постоянно действующий коллегиальный орган управления саморегулируемой организации арбитражных управляющих принимает решение об обращении в арбитражный суд с ходатайством об освобождении арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Саморегулируемая организация арбитражных управляющих направляет в арбитражный суд ходатайство об освобождении арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве в течение четырнадцати рабочих дней с даты принятия такого решения.

Полагаем, что мобилизацию арбитражного управляющего вполне можно признать обстоятельством, препятствующим утверждению арбитражного управляющего в деле о банкротстве, в том числе возникшим после дачи им согласия на ведение процедур банкротства должника и (или) после его утверждения, в смысле, придаваемом таким обстоятельствам приведенной нормой.

Анализ немногочисленной пока судебной практики показал, что, скорее всего, именно такой вариант замены арбитражного управляющего будет наиболее частым.

Например, в связи с мобилизацией 26 сентября 2022 года финансового управляющего Г. ассоциация арбитражных управляющих «Солидарность» в рамках дела № А34-12632/2022 обратилась в Арбитражный суд Курганской области с ходатайством об освобождении названного арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве гражданина. При этом к ходатайству была приложена повестка о призыве на военную службу по мобилизации и сообщено, что Г. в устной форме выразил свое желание об освобождении от исполнения обязанностей арбитражного управляющего во всех процедурах банкротства. *Определением Арбитражного суда Курганской области от 06.10.22* названное ходатайство принято к рассмотрению и *определением от 02.11.22* удовлетворено, Г. освобожден от исполнения обязанностей финансового управляющего.

Однако встречаются и предложения о том, чтобы в рассматриваемой ситуации по аналогии применять пункт 3 статьи 20.4 Закона о банкротстве (о замене арбитражного управляющего при его дисквалификации), поскольку в этом случае процедура замены занимает гораздо меньше времени (производится в течение одного дня без вызова сторон по заявлению саморегулируемой организации с предоставлением новой кандидатуры)⁴³.

В любом случае замена арбитражного управляющего затянет сроки рассмотрения дела о банкротстве, особенно о банкротстве крупных должников с большим количеством конкурсных кредиторов, поскольку новому арбитражному

⁴³ Вараксин М. Мобилизация арбитражного управляющего: что будет с банкротством. URL: <https://pravo.ru/story/243262/>.

управляющему потребуется время для ознакомления с обстоятельствами банкротного дела.

Отметим, что пунктом 1 статьи 8 Закона о военном положении предусмотрено, что в период действия военного положения федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации могут быть временно изменены порядок и условия процедур банкротства. В этой связи, а также принимая во внимание пункт 3 Указа № 756, можно допустить принятие нормативных правовых актов по вопросу оперативной замены мобилизованных арбитражных управляющих.

В самое ближайшее время актуальными станут вопросы о том, подлежат ли исключению из конкурсной массы, формируемой в деле о банкротстве гражданина, выплаты, производимые мобилизованному гражданину-должнику⁴⁴, и о распространении исполнительского иммунитета на такие выплаты.

По понятным причинам судебной практики, касающейся выплат мобилизованным гражданам-должникам, на данный момент еще нет.

Относительно же выплат, производимых гражданам-должникам, участвующим в проведении специальной военной операции, судебная практика является различной.

Некоторые суды полагают, что в конкурсную массу признанного банкротом гражданина, проходящего военную службу по контракту или направленного в служебную командировку для участия в специальной военной операции, подлежит включению денежное довольствие по месту службы — основной доход военнослужащего. Исключением являются только разовые компенсационные, целевые выплаты, надбавки к денежному довольствованию за выполнение специальной военной операции.

Такой подход основан на нормах Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Закон о статусе военнослужащих), Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и Федерального закона от 07.11.11 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», в соответствии с которыми денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы⁴⁵ (например, *постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.04.22 по делу № А47-16141/2019*).

⁴⁴ В частности, единовременная выплата, предусмотренная Указом Президента РФ от 02.11.22 № 787.

⁴⁵ Согласно пункту 3 Указа № 647 уровень денежного содержания граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы, соответствует уровню денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах по контракту.

По мнению других судов, компенсационные выплаты, перечисляемые гражданину-должнику в связи с его участием в специальной военной операции, не подлежат включению в конкурсную массу должника, поскольку такие выплаты представляют собой неотъемлемую составляющую социальной поддержки отдельных категорий граждан, по своей правовой природе направлены на обеспечение гарантирования стабильности их социального статуса и не могут составлять конкурсную массу и расходоваться на удовлетворение требований кредиторов в деле о банкротстве (*определения Арбитражного суда Забайкальского края от 20.09.22 по делу № А78-6938/2021, от 26.10.22 по делу № А78-641/2021 и от 11.11.22 по делу № А78-10072/2021*⁴⁶).

В поддержку второго из приведенных подходов можно сослаться на пункт 21 части 1 статьи 101 Федерального закона от 02.10.07 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в редакции Федерального закона от 14.07.22 № 315-ФЗ), в соответствии с которым взыскание не может быть обращено на денежные выплаты, осуществляемые военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в связи с участием в боевых действиях, операциях, боевых заданиях, выполнении задач за пределами территории Российской Федерации⁴⁷, не указанные в других пунктах части 1 статьи 101 названного закона.

Кроме того, необходимо иметь в виду статью 3.1 Закона № 377-ФЗ, в соответствии с которой положения пунктов 7 и 8 статьи 213.25 Закона о банкротстве в части запрета должнику лично открывать банковские счета в кредитных организациях и получать по ним денежные средства, а также в части привлечения кредитных организаций к ответственности за совершение операций по распоряжению гражданина, в отношении которого введена процедура реализации имущества, либо по выданной им лично доверенности по договору банковского счета не применяются к случаям открытия военнослужащим банковских счетов для зачисления денежных выплат, осуществляемых военнослужащим в связи с участием в боевых действиях, операциях, боевых заданиях, выполнением задач за пределами территории Российской Федерации, и совершения операций по таким счетам.

⁴⁶ При изготовлении подобных определений, равно как и иных судебных актов по делам с участием мобилизованных граждан и иных военнослужащих, рекомендуем по возможности сократить указание их персональных данных (место жительства и т. д.).

⁴⁷ При применении данной нормы необходимо использовать исторический способ толкования, имея в виду, что Федеральный закон от 14.07.22 № 315-ФЗ был принят до образования в составе Российской Федерации четырех новых субъектов. Следовательно, пункт 21 части 1 статьи 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве» распространяется и на военнослужащих, участвующих в боевых действиях и выполняющих иные задачи на территории четырех новых субъектов Российской Федерации.

Приостановление течения срока исковой давности в связи с мобилизацией

Согласно подпункту 2 пункта 1 статьи 202 ГК РФ течение срока исковой давности приостанавливается, если истец или ответчик находится в составе Вооруженных Сил, переведенных на военное положение.

Однако военное законодательство Российской Федерации не содержит определения «Вооруженные Силы, переведенные на военное положение».

Данное обстоятельство может негативно сказаться при определении факторов, которые послужили основанием для приостановления течения сроков исковой давности.

Из части 2 статьи 87 Конституции РФ, пункта 1 статьи 1 Закона о военном положении и подпункта 4 пункта 2 статьи 4 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» следует, что военное положение вводится указом Президента РФ на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

То есть военное положение вводится на всей территории России или в отдельных местностях, а не Вооруженные Силы переводятся на военное положение.

Таким образом, можно отметить неточность формулировки «Вооруженные Силы, переведенные на военное положение» в подпункте 2 пункта 1 статьи 202 ГК РФ, на что уже обращалось внимание в юридической литературе⁴⁸.

После Великой Отечественной войны на территории Советского Союза и Российской Федерации военное положение не вводилось вплоть до 20 октября 2022 года⁴⁹, в связи с чем некоторые авторы называли рассматриваемое основание для приостановления течения срока исковой давности экзотичным⁵⁰.

После принятия и вступления в силу Указа № 756 (о введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей) оснований для нераспространения положений подпункта 2 пункта 1 статьи 202 ГК РФ о приостановлении течения срока исковой давности не имеется.

⁴⁸ Додоматов С. И. К вопросу о несоответствии некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации Федеральному конституционному закону «О военном положении» // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10.

⁴⁹ Подробнее об истории применения военного положения в нашей стране см.: Старостин С. А. Чрезвычайные административно-правовые режимы. М.: Проспект, 2022. С. 41–47.

⁵⁰ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут: М-Логос, 2018. С. 906 (автор комментария к статье 202 ГК РФ — А. А. Павлов).

Однако и до 20 октября 2022 года военнослужащие Российской Федерации, в том числе мобилизованные, участвовали в боевых действиях в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

По мнению некоторых авторов, в том случае, если лицо (без введения военного положения) было призвано на службу в армию либо на военные сборы, пусть даже оно при этом участвовало в боевых действиях, давностный срок не приостанавливается⁵¹.

На наш взгляд, у военнослужащих, принимавших до 20 октября 2022 года участие в боевых действиях в ходе проведения специальной военной операции, должно быть не меньше оснований на применение данной нормы закона о приостановлении течения срока исковой давности, чем у военнослужащих, приступивших к выполнению задач в условиях военного положения.

Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных мобилизованными индивидуальными предпринимателями

При рассмотрении дел в порядке, предусмотренном § 1 главы 25 АПК РФ, мобилизованный гражданин выступает в качестве ответчика, в связи с чем наиболее напрашивающимся вариантом действий суда является приостановление производства по делу на основании пункта 2 части 1 статьи 143 АПК РФ⁵².

По сути, единственной проблемой при таком процессуальном решении является возможное истечение срока давности привлечения к административной ответственности после возобновления производства по делу, поскольку КоАП РФ предусматривает всего два случая приостановления течения такого срока — часть 5 и часть 8 статьи 4.5 КоАП РФ (последний случай актуален только для административных правонарушений, предусмотренных статьями 15.21 и 15.30 этого же Кодекса). При этом КоАП РФ не допускает возможности перерыва, восстановления или продления данного срока, на что неоднократно обращалось внимание КС РФ и ВС РФ⁵³.

⁵¹ Зуева М. В., Махина С. Н., Никулинская Н. Ф., Помогалова Ю. В., Томтосов А. А. Комментарий к подразделу 5 «Сроки. Исковая давность» раздела I Гражданского кодекса Российской Федерации. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2016.

⁵² Отметим, что у судов общей юрисдикции подобной возможности нет, поскольку КоАП РФ не содержит норм о приостановлении производства по делу об административном правонарушении.

⁵³ См., например, определение КС РФ от 04.07.19 № 1837-О и пункт 14 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.05 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

С нашей точки зрения, данное обстоятельство (возможное истечение срока давности привлечения к административной ответственности) не должно являться препятствием для приостановления производства по делу, поскольку, во-первых, процессуальный закон прямо обязывает арбитражный суд в подобной ситуации приостановить производство по делу и, во-вторых (и это, пожалуй, главное), необходимо учитывать, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, выполняет поставленные государством задачи в ходе проведения специальной военной операции и в условиях военного положения, то есть рискует своей жизнью и здоровьем, защищая интересы и безопасность Российской Федерации⁵⁴. В этой связи освобождение такого лица от административной ответственности по мотиву истечения срока давности, пусть и при наличии подтвержденного факта совершения им административного правонарушения (вне зависимости об объекта посягательства), является меньшим злом, чем продолжение административного преследования участвующего в боевых действиях гражданина⁵⁵. Иными словами, в данной ситуации общеправовой принцип неотвратимости ответственности за нарушение закона должен уступить место не менее универсальным правовым принципам справедливости и гуманности⁵⁶.

⁵⁴ Интересно отметить, что в Древнем Риме легионерам в виде исключения дозволялось воспользоваться ссылкой на незнание закона как на обстоятельство, освобождающее от ответственности.

⁵⁵ В этой ситуации вполне уместно вспомнить не только распространенное выражение «война всё спишет», но и слова из замечательной песни В. С. Высоцкого «Все ушли на фронт» (1964 г.):

*Нынче все срока закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».
**За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:**
Если Родина в опасности,
Значит, всем идти на фронт.
<...>*

*Ну а мы — все оправдали мы,
Наградили нас потом:
Кто живые, тех — медалями,
А кто мертвые — крестом.*

⁵⁶ Подробнее о данных принципах см.: Принципы публичного права: Монография / Под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Подшивалова. М.: Проспект, 2019. С. 118–124, 128–136; Плотников Д. А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование. М.: Проспект, 2022. С. 114–120; Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2007. С. 309–321.

Однако, как представляется, при рассмотрении дел по правилам главы 25 АПК РФ арбитражные суды могут столкнуться с более сложными проблемами, нежели описанная.

В соответствии со статьей 21.1 Закона о мобилизации (в редакции Федерального закона от 20.10.22 № 404-ФЗ) на граждан, являющихся индивидуальными предпринимателями, учредителями (участниками) организаций, а также осуществляющих полномочия единоличного исполнительного органа, призванных на военную службу по мобилизации, не распространяются ограничения и запреты, установленные Законом о статусе военнослужащих, касающиеся занятия предпринимательской деятельностью (пункт 2). Граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями, учредителями (участниками) организаций, а также осуществляющие полномочия единоличного исполнительного органа, призванные на военную службу по мобилизации, могут принять решение об осуществлении предпринимательской деятельности через доверенных лиц в порядке, определенном законодательством Российской Федерации (пункт 3).

Действие приведенных норм распространяется на граждан, являющихся индивидуальными предпринимателями, учредителями (участниками) организаций, а также осуществляющих полномочия единоличного исполнительного органа, призванных на военную службу по мобилизации с 21 сентября 2022 года (пункт 2 статьи 2 Федерального закона от 20.10.22 № 404-ФЗ).

Таким образом, граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах по контракту, но одновременно сохраняют статус индивидуальных предпринимателей и вправе заниматься предпринимательской деятельностью, в том числе (но не обязательно) через доверенных лиц, что не исключает нарушения в процессе осуществления такой деятельности требований действующего законодательства.

Частью 1 статьи 2.5 КоАП РФ предусмотрено, что по общему правилу за административные правонарушения военнослужащие несут не административную, а дисциплинарную ответственность. Однако за прямо предусмотренные в части 2 той же статьи административные правонарушения⁵⁷ военнослужащие несут административную ответственность на общих основаниях.

⁵⁷ Из этого перечня для арбитражных судов интерес в первую очередь представляют административные правонарушения, предусмотренные статьями 8.8, 14.9, частью 7 статьи 14.32, главами 15 и 16, частями 2.1 и 2.6 статьи 19.5, статьей 19.7.2 и частью 5 статьи 19.8 КоАП РФ.

Согласно части 2 статьи 24.5 КоАП РФ в случае, когда административное правонарушение совершено военнослужащим, за исключением случаев, когда за такое административное правонарушение это лицо несет административную ответственность на общих основаниях, производство по делу об административном правонарушении после выяснения всех обстоятельств совершения административного правонарушения подлежит прекращению для привлечения указанного лица к дисциплинарной ответственности.

Не вызывает сомнений, что при применении названных норм у арбитражных судов неизбежно возникнут многочисленные вопросы.

В частности, спроецируем вполне реальную ситуацию: административное правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 14.16 КоАП РФ, совершено индивидуальным предпринимателем и протокол об административном правонарушении составлен до призыва этого индивидуального предпринимателя на военную службу по мобилизации, однако заявление о привлечении предпринимателя к административной ответственности поступило в арбитражный суд после указанного события.

Как следует поступить арбитражному суду в таком случае?

Представляется, что имеется два вполне законных варианта: приостановление производства по делу, на что указывалось выше, либо рассмотрение дела по существу (при условии извещения мобилизованного о начавшемся судебном процессе) с принятием решения об отказе в привлечении к административной ответственности⁵⁸.

Несмотря на очевидность выбора в пользу первого из названных вариантов, при определенных обстоятельствах принятие судом решения об отказе в привлечении к административной ответственности может иметь позитивное значение как для предпринимателя (например, в целях применения в будущем положений статьи 4.1.1 КоАП РФ, в то время как приостановление производства по делу может послужить препятствием для применения предусмотренной этой нормой преференции⁵⁹), так и для административного органа (например, если в ходе производства по делу об административном правонарушении были изъяты товары, находящиеся в незаконном обороте, то решением суда будет определена их дальнейшая юридическая судьба и государство перестанет нести расходы, связанные с хранением таких товаров,

⁵⁸ Именно так поступил Арбитражный суд Забайкальского края при принятии решения от 03.11.22 по делу № А78-11759/2022.

⁵⁹ Согласно правовой позиции, выраженной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.09.18 № 302-АД18-6072, условий, в соответствии с которыми оценка возможности применения предупреждения по последующему правонарушению зависит от наличия (вступления в силу) постановления о привлечении к административной ответственности по предшествующему правонарушению на момент совершения последующего правонарушения, статьи 3.4 и 4.1.1 КоАП РФ не предусматривают.

тогда как при приостановлении производства по делу их необходимо будет продолжать хранить).

В обоснование же принятия решения об отказе в привлечении предпринимателя к административной ответственности можно привести следующие аргументы.

В силу части 2 статьи 1.7 КоАП РФ закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено.

Признание утратившим силу закона, устанавливавшего административную ответственность, является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении (пункт 5 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ).

В соответствии с сохраняющей силу правовой позицией, выраженной в пункте 1 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.12 № 37 «О некоторых вопросах, возникающих при устранении ответственности за совершение публично-правового правонарушения», в целях реализации положений части 2 статьи 54 Конституции РФ, согласно которым, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон, привлекающий к ответственности орган обязан принять меры к тому, чтобы исключить возможность несения лицом ответственности за совершение такого публично-правового правонарушения полностью либо в части.

В постановлении КС РФ от 14.07.15 № 20-П указано, что принятие законов, устраняющих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса этих лиц. Исходя из гуманистических соображений на такое лицо распространяются изменения закона, обусловленные снижением общественной опасности наказуемого деяния и ослаблением вследствие этого меры ответственности, в том числе заменяющие вид ответственности на менее строгий, то есть изменения, которые — в контексте общеправового регулирования и с учетом всех правовых последствий нововведений в сложившейся структуре права — могут расцениваться как улучшающие правовое положение лица, совершившего противоправное деяние.

Пунктом 47 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 10.11.07 № 1495 (далее — Дисциплинарный устав), предусмотрено, что за административные правонарушения военнослужащие несут дисциплинарную ответственность в соответствии с данным уставом, за исключением административных правонарушений, за которые они несут ответственность на общих основаниях.

При этом ни КоАП РФ, ни Дисциплинарным уставом, ни каким-либо иным нормативным правовым актом не предусмотрена возможность кумуляции административной и дисциплинарной ответственности, более того — такая кумуляция исключена⁶⁰.

Административное правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 14.16 КоАП РФ, не поименовано в части 2 статьи 2.5 того же Кодекса; следовательно, гражданин, призванный на военную службу по мобилизации, несмотря на сохранение статуса индивидуального предпринимателя, за совершение подобного правонарушения должен нести дисциплинарную ответственность.

В пункте 37 постановления Пленума ВС РФ от 29.05.14 № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» разъяснено, что в случае привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности она должна применяться не за допущенное административное правонарушение, а по основаниям, установленным статьей 28.2 Закона о статусе военнослужащих, и в порядке, предусмотренном этим федеральным законом и Дисциплинарным уставом.

Согласно пункту 1 статьи 28.2 Закона о статусе военнослужащих и пункту 47 Дисциплинарного устава военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности.

В рассматриваемой ситуации допущенное индивидуальным предпринимателем, впоследствии призванным на военную службу по мобилизации, деяние, подпадающее под действие части 2 статьи 14.16 КоАП РФ, является административным правонарушением, однако за его совершение после мобилизации правонарушителя должна наступать дисциплинарная ответственность. При этом такое противоправное деяние не является дисциплинарным проступком.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Туганов Ю. Н.* Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России // *Российский судья*. 2005. № 9; *Туганов Ю. Н., Юрасова М. И.* Правовые проблемы разграничения видов ответственности военнослужащих // *Право в Вооруженных Силах*. 2010. № 12; *Забрамная Е. Ю.* Дисциплинарная ответственность: межотраслевой аспект и актуальные проблемы правового института // *Трудовое право в России и за рубежом*. 2019. № 3.

Поскольку Дисциплинарным уставом не предусмотрена ответственность за оборот алкогольной продукции без товарно-транспортной накладной, то есть подобное деяние не является дисциплинарным проступком и при этом военнослужащий за его совершение не подлежит административной ответственности, следует признать, что в рассматриваемом случае, как бы это ни звучало странным, административно-деликтное положение индивидуального предпринимателя после принятия Указа № 647 и его призыва на военную службу по мобилизации улучшилось.

С учетом изложенного арбитражный суд должен принять решение об отказе в привлечении к административной ответственности. Подчеркнем, что, как правильно отмечает М. В. Куцкель⁶¹, приобретение лицом после совершения им административного правонарушения статуса военнослужащего не может служить основанием для отказа в привлечении к ответственности на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ (по тому мотиву, что военнослужащий не является субъектом административного правонарушения). В рассматриваемой ситуации отказ в привлечении к административной ответственности может быть обоснован исключительно положениями части 2 статьи 1.7, части 1 статьи 2.5 и части 2 статьи 24.5 КоАП РФ.

При этом последняя из названных норм во взаимосвязи с пунктом 1 части 2 статьи 29.9 КоАП РФ предполагает вынесение определения о передаче дела командиру воинской части с последующим применением иных мер воздействия.

Вместе с тем в пункте 14 постановления Пленума ВАС РФ от 27.01.03 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что в силу части 1 статьи 202 АПК РФ дела о привлечении к административной ответственности рассматриваются по общим правилам искового производства, предусмотренным названным Кодексом, с особенностями, установленными в его главе 25 и федеральном законе об административных правонарушениях. Судам при рассмотрении дел, отнесенных АПК РФ к их подведомственности, необходимо учитывать, что в тех случаях, когда положения главы 25 и иные нормы АПК РФ прямо устанавливают конкретные правила осуществления судопроизводства, именно они должны применяться судами.

Согласно же части 2 статьи 206 АПК РФ по результатам рассмотрения заявления о привлечении к административной ответственности арбитражный суд принимает решение об отказе в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности, а не предусмотренные статьями 24.5 и 29.9 КоАП РФ постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении и определение о

⁶¹ Куцкель М. В. Проблемные вопросы привлечения военнослужащих к административной ответственности за деяния, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 35.

передаче дела должностному лицу, уполномоченному применить иные меры воздействия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

С учетом изложенного, а также имея в виду характер допущенного противоправного деяния (в области предпринимательской деятельности), которое не является дисциплинарным проступком, у арбитражного суда отсутствуют правовые основания для вынесения подобного определения.

В описанной выше ситуации может возникнуть вопрос о том, подсудно ли вообще такое дело арбитражному суду, поскольку на основании части 3 статьи 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, указанных в частях 1–2 данной статьи и совершенных военнослужащими, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов.

Стоит отметить, что часть 3 статьи 23.1 КоАП РФ устанавливает подсудность дела исходя из правового статуса лица на момент совершения противоправного деяния, в то время как статья 2.5 КоАП РФ говорит о виде применяемой ответственности с учетом статуса лица на момент рассмотрения дела об административном правонарушении.

Из сказанного следует, что дело об административном правонарушении, совершенном индивидуальным предпринимателем до призыва на военную службу по мобилизации, должно рассматриваться именно арбитражным судом, однако без привлечения такого лица к административной ответственности.

Положения части 2 статьи 1.7, части 1 статьи 2.5 и части 2 статьи 24.5 КоАП РФ подлежат применению и при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании индивидуальными предпринимателями, призванными на военную службу по мобилизации, постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности.

Такие постановления, вынесенные до мобилизации индивидуального предпринимателя, если они соответствуют закону по существу и по процедуре принятия, должны признаваться арбитражными судами не подлежащими исполнению (пункт 2 статьи 31.7 КоАП РФ и пункт 2 вышеуказанного постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.22 № 37).

Если же административный орган привлек индивидуального предпринимателя к ответственности уже после его мобилизации, то соответствующее постановление необходимо признать незаконным. При этом в дополнение к названным нормам суд, в зависимости от фактических обстоятельств дела, может мотивировать свои выводы и несоблюдением процедуры рассмотрения дела об административном правонарушении, поскольку мобилизованный гражданин, несмотря на формальное извещение о времени и месте рассмотрения такого дела, мог быть лишен возможности реализовать свои права, предусмотренные статьей 25.1 КоАП РФ.

При рассмотрении дел в порядке главы 25 АПК РФ у арбитражных судов могут возникнуть и другие вопросы. Например, с учетом правовой позиции,

выраженной в постановлениях КС РФ от 14.04.20 № 17-П и от 21.07.21 № 39-П⁶², и положений статьи 21.1 Закона о мобилизации весьма актуальным представляется вопрос о вине юридического лица, единственный учредитель и единоличный исполнительный орган которого призван на военную службу по мобилизации. Имея в виду, что мобилизованного предпринимателя, от чьего имени осуществляется предпринимательская деятельность, нельзя привлечь к административной ответственности, наверняка судам предстоит определяться и со статусом доверенных лиц, о которых говорит пункт 3 статьи 21.1 Закона о мобилизации (можно ли их рассматривать в качестве своего рода «замещающего» субъекта административного правонарушения или они являются самостоятельными субъектами). Например, при совершении административных правонарушений, предусмотренных статьей 14.43 КоАП РФ, в качестве кого их можно привлекать к ответственности — как должностных лиц или как индивидуальных предпринимателей? Можно ли будет привлекать доверенных лиц к административной ответственности за совершение правонарушений, субъектом которых являются исключительно индивидуальные предприниматели (часть 2 статьи 14.17.1 КоАП РФ)?

Рискнем предположить, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях, поименованных в части 2 статьи 2.5 КоАП РФ и совершенных мобилизованными индивидуальными предпринимателями, принявшими решение об осуществлении предпринимательской деятельности через доверенных лиц, вопросы неизбежно появятся и у военных судов. В частности, исходя из примечания к статье 16.1 КоАП РФ, какую меру административной ответственности следует применить к такому военнослужащему при совершении правонарушений в области таможенного дела (нарушении таможенных правил)? Возможно ли в принципе привлечение мобилизованного индивидуального предпринимателя, выполняющего задачи в условиях военного положения, но осуществляющего предпринимательскую деятельность через доверенных лиц, к административной ответственности за совершение связанных с осуществлением такой деятельности правонарушений, предусмотренных, например, статьями 8.2, 8.2.3 и 15.25 КоАП РФ, или субъектом этих и подобных им правонарушений должен признаваться не предприниматель, а его доверенное лицо?

Ответы на подобные и иные вопросы даст только правоприменительная практика.

⁶² О том, что виновность юридического лица так или иначе является следствием виновности его должностных лиц. Подробнее об этом см.: *Ячменёв Г. Г.* Некоторые вопросы применения общих положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (2019–2021 годы) // *Арбитражные споры*. 2022. № 2.

Защита прав кредитора от возможных злоупотреблений правом со стороны должника и финансового управляющего в деле о банкротстве физического лица

Кудинова Мария Сергеевна

Главный юрист ООО «РАУД» (Санкт-Петербург)

Статья посвящена правовым механизмам, которые могут быть использованы кредиторами для защиты своих прав и законных интересов в деле о банкротстве гражданина. Автором рассматриваются возможные направления действий кредиторов и перечисляются правовые инструменты, которые могут быть применены для реализации таких направлений в целях защиты от возможных злоупотреблений со стороны должника. В статье приводятся примеры актуальной судебной практики по каждому механизму защиты прав кредиторов.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) гражданина, конкурсные кредиторы, судебная практика по вопросам защиты прав кредиторов, оспаривание судебных актов кредиторов, возражения на требования кредиторов, оспаривание сделок, субсидиарная ответственность, взыскание дебиторской задолженности, жалобы на действия арбитражного управляющего, раздел имущества супругов, солидарные долги супругов.

Глава X Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), посвященная регулированию банкротства физических лиц, вступила в силу в октябре 2015 года. В дальнейшем были приняты постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 13.10.15 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 45) и от 25.12.18 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 48), в которых давались разъяснения о применении положений указанного закона. Однако практика его применения продолжает выявлять пробелы и проблемы правового регулирования. Согласно статистическим данным количество граждан (включая индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами в первом квартале 2022 года, составило 54 190, что на 33,6% больше, чем в таком же периоде 2021

года*. А значит, существует необходимость в совершенствовании нормативного регулирования института.

Кроме того, наличие проблем и пробелов в законодательстве о банкротстве граждан создает широкое поле для различного рода злоупотреблений как со стороны должника, так и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве.

В данной статье мы рассмотрим наиболее часто встречающиеся нарушения и способы защиты прав и законных интересов кредиторов.

Направление 1. Сбор информации об имуществе гражданина, совершенных им сделках

Что сказано в законе?

Обязанность по формированию конкурсной массы гражданина-должника положениями Закона о банкротстве возложена на финансового управляющего.

Предусмотренному пунктом 7 статьи 213.9 Закона о банкротстве праву финансового управляющего получать информацию об имуществе гражданина корреспондирует обязанность должника сообщать управляющему по его требованию любые сведения о составе своих активов, их месте нахождения, о своих обязательствах, кредиторах и иные имеющие отношение к делу о банкротстве гражданина сведения в течение пятнадцати дней с даты получения требования об этом (пункт 9 статьи 213.9). А согласно нормам статьи 213.4 Закона о банкротстве физическое лицо должно представить в материалы дела данные о совершенных им в течение трех лет до даты подачи заявления о признании его банкротом сделках на сумму, превышающую триста тысяч рублей.

Необходимость истребования запрашиваемых сведений обусловлена исполнением финансовым управляющим возложенных на него статьей 213.9 Закона о банкротстве обязанностей (принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечению сохранности этого имущества; подавать в арбитражный суд от имени гражданина заявления о признании недействительными подозрительных сделок).

Согласно разъяснениям, приведенным в пунктах 17, 42, 43 постановления Пленума ВС РФ № 45, целью положений пункта 3 статьи 213.4, пункта 6 статьи 213.5, пункта 9 статьи 213.9, пункта 2 статьи 213.13, пункта 4 статьи 213.28, статьи 213.29 Закона о банкротстве в их системном толковании является обеспечение добросовестного сотрудничества должника с судом, финансовым управляющим и кредиторами. Указанные нормы направлены на недопущение сокрытия должником каких-либо обстоятельств, которые могут отрицательно повлиять на возможность максимально полного удовлетворения требований

* URL: <https://fedresurs.ru/news/c2288ba3-3dec-429a-8a33-e1116b05ebc9>.

кредиторов, затруднить решение судом вопросов, возникающих при рассмотрении дела о банкротстве, или иным образом воспрепятствовать рассмотрению дела.

Что происходит на практике?

Во-первых, зачастую арбитражные управляющие крайне формально подходят к исполнению своих обязанностей. Например, запросы на предоставление сведений об имущественных правах и обязательствах должника составляются ровно так, как указано в Законе о банкротстве, то есть за период в три года до даты подачи заявления о банкротстве и на сумму, превышающую триста тысяч рублей. Такой подход негативно сказывается на объеме полученной управляющим (а значит, конкурсными кредиторами) информации.

Во-вторых, определенная проблематика в сборе данных об активах и обязательствах должника обусловлена несовершенством системы автоматизированного получения сведений об имеющихся судебных процессах (и вынесенных судебных актах) в судах общей юрисдикции. В Российской Федерации не существует, к сожалению, единой базы поиска (и подписки) дел, рассматриваемых в судах. Следует отметить, что, поскольку в соответствии со специальными правилами подсудности, установленными частью 1 статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), иски о правах на недвижимость предъявляются в суд по месту нахождения объектов, самостоятельная проверка сайта районного суда на наличие процессов с участием должника может не выявить дела, связанные с недвижимостью, так как они могут рассматриваться в совершенно ином суде и даже регионе.

Как уже было отмечено, в силу норм статьи 213.4 Закона о банкротстве гражданин в материалы дела представляет данные о совершенных им сделках на сумму, превышающую триста тысяч рублей, за трехлетний период, предшествующий дате подачи заявления о признании его банкротом. Таким образом, де-юре под названные критерии не подпадают, например, безвозмездные сделки с имуществом (дарение), сделки, совершенные более чем за три года до возбуждения дела (хотя на тот момент у должника могли быть долги перед кредиторами), сделки по отчуждению долей в коммерческих обществах по их номинальной стоимости и другие.

В-третьих, к сожалению, в настоящее время на сайте налоговой службы отсутствует доступный сервис, который позволил бы осуществить поиск имеющихся данных об участии конкретного гражданина в капитале юридических лиц.

Например, согласно материалам одного из дел о банкротстве гражданину принадлежали доли и акции в ряде коммерческих юридических лиц. Данные активы были отчуждены по номинальной стоимости задолго до возбуждения процедуры банкротства, то есть сведения о таких сделках вообще не подпадали

под вышеназванные критерии информации, которую должник обязан сообщать суду и финансовому управляющему.

В-четвертых, имеются сложности с получением сведений об иностранных активах гражданина-должника, поскольку в России отсутствует доступный сервис получения подобной информации. Финансовым управляющим приходится искать информацию через налоговые органы и обращаться с запросами о содействии в Министерство иностранных дел Российской Федерации, однако такие меры в настоящий момент показали низкую эффективность. Зарубежные регистрирующие органы либо предоставляют информацию неохотно, либо не предоставляют ее вовсе, и сбор необходимых для проведения процедуры сведений занимает много времени.

К тому же зачастую гражданин просто отказывается предоставлять управляющему информацию.

Положениями абзаца третьего пункта 9 статьи 213.9 Закона о банкротстве установлено, что сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений о размере, месте нахождения или иных сведений о нем, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение другим лицам, отчуждение или уничтожение, а также незаконное воспрепятствование деятельности финансового управляющего, в том числе уклонение или отказ от предоставления управляющему сведений в случаях, предусмотренных указанным законом, передачи финансовому управляющему документов, необходимых для исполнения возложенных на него обязанностей, влечет за собой ответственность для гражданина в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Законом о банкротстве определены последствия неисполнения должником обязанности по представлению документов, а также сообщения суду недостоверных либо неполных сведений в виде неприменения в отношении должника правила об освобождении от исполнения обязательств (абзац третий пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве).

То есть гражданину грозит неспписание долгов.

Что делать?

Заявить ходатайство об истребовании документов, информации, имущества

Если гражданин не исполнил обязанность, предусмотренную пунктом 9 статьи 213.9 Закона о банкротстве (не предоставил сведения финансовому управляющему), управляющий вправе обратиться в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, с ходатайством об истребовании доказательств у третьих лиц (абзац второй пункта 9 статьи 213.9 Закона о банкротстве), которое рассматривается судом по правилам статьи 66

Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ). Такое ходатайство вправе предъявить и кредитор.

Финансовый управляющий обладает возможностью истребования любых документов, в том числе составляющих адвокатскую тайну (*постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.11.21 по делу № А40-187983/2019*).

Также арбитражные управляющие в порядке статьи 66 АПК РФ заявляют ходатайства об истребовании у гражданина сведений о составе и месте нахождения имущества, обязательств, кредиторах должника. Например, такое ходатайство финансового управляющего удовлетворено *определением Арбитражного суда города Москвы от 12.03.18 по делу № А40-80929/2017*. А *определением Арбитражного суда города Москвы от 09.08.22 по делу № А40-339293/2019* удовлетворено ходатайство об истребовании у гражданина документов, подтверждающих возникновение у него права собственности на земельный участок, а также об обязанности должника обеспечить финансовому управляющему доступ на этот участок.

В случае удовлетворения ходатайства выдается исполнительный лист, на основании которого возбуждается производство в службе судебных приставов.

Направить максимальное количество запросов в государственные регистрирующие органы, в налоговый орган, в банки

Такие запросы составляет и направляет финансовый управляющий. Кредитор вправе знакомиться с проделанной им работой и при необходимости адресовать управляющему письменное требование о направлении дополнительных писем.

Обычно запросы направляются:

- в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр);
- Федеральную налоговую службу;
- Федеральную службу судебных приставов;
- Государственную инспекцию безопасности дорожного движения;
- органы Государственного надзора за состоянием самоходных машин и других видов техники;
- Федеральную службу по экологии, технологическому и атомному надзору;
- банки;
- Пенсионный фонд Российской Федерации;
- органы записи актов гражданского состояния;
- Центр лицензионно-разрешительных работ;
- Федеральную службу по интеллектуальной собственности;
- Федеральное агентство морского и речного транспорта;
- авторскую и патентную палату;

— иные организации в зависимости от видов деятельности должника или имеющих сведения о возможном имуществе.

Ознакомиться (через финансового управляющего) с материалами исполнительного производства, уголовного дела, возбужденного в отношении должника

Как правило, возбуждению дела о банкротстве должника предшествует исполнительное производство, в связи чем необходимо установить, какие меры предпринимались судебным приставом-исполнителем в ходе исполнительного производства для установления имущественного положения должника (статья 50 Федерального закона от 02.10.07 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Также представляется необходимым получить сведения и доказательства, собранные в ходе уголовного преследования должника и ставшие доступными в силу снятия процессуальных ограничений.

Запросить информацию об имуществе супругов, близких родственников должника

По общему правилу имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью (если договором между ними не установлен иной режим этого имущества) (пункт 1 статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), пункт 1 статьи 33, пункт 1 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ)).

К общему имуществу супругов относятся приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства (пункт 2 статьи 34 СК РФ, пункт 15 постановления Пленума ВС РФ от 05.11.98 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»).

Таким образом, в случае приобретения имущества лицом, состоящим в браке, указанное имущество в силу статьи 34 СК РФ поступает в общую совместную собственность супругов. А значит, активы подлежат включению в конкурсную массу для последующей реализации.

Сведения о семейном положении должника с учетом его влияния на режим и правовой статус имущества составляют сведения о должнике, принадлежащем ему имуществе, в том числе имущественных правах и обязательствах должника, и могут быть получены финансовым управляющим в силу полномочий, предоставленных ему пунктом 1 статьи 20.3, пунктом 7 статьи 213.9 Закона о банкротстве.

Информация о наличии заключенных, расторгнутых браках, об изменении имен, фамилий, отчеств в отношении должников — физических лиц и их супругов

(бывших супругов), содержащаяся в реестре записей актов гражданского состояния, необходима управляющему для анализа финансового состояния должника, поиска его имущества и формирования конкурсной массы. Кроме того, данная информация требуется управляющему для проверки достоверности и полноты уже представленных гражданином сведений в соответствии с пунктом 9 статьи 213.9 Закона о банкротстве с целью предотвращения злоупотреблений.

По смыслу пункта 7, абзаца первого пункта 10 постановления Пленума ВС РФ № 48 в целях реализации общего имущества супругов в конкурсной массе должника финансовый управляющий должен располагать сведениями в отношении имущества, собственником которого является супруг (супруга) должника. Финансовый управляющий обладает правом запрашивать в государственных органах и учреждениях сведения в отношении супругов (бывших супругов) должника, необходимые ему для надлежащего исполнения им обязанностей в деле о банкротстве, в частности для пополнения конкурсной массы.

В Обзоре судебной практики ВС РФ № 1 (2021), утвержденном 7 апреля 2021 года, в ответе на вопрос о том, в каком порядке сведения из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния могут быть предоставлены финансовому (арбитражному управляющему), разъяснено, что сведения о государственной регистрации актов гражданского состояния в отношении должника и его супруга (бывшего супруга) выдаются финансовому управляющему, если в резолютивной части определения арбитражного суда, которым в деле о банкротстве гражданина утвержден финансовый управляющий, указано на истребование судом соответствующих сведений из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния и выдачу этих сведений финансовому управляющему на руки (вопрос 5 раздела «Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике»).

Поиск активов должника становится затруднительным, когда имущество для вида оформляется гражданином на иное лицо, с которым у должника имеются доверительные отношения. В такой ситуации лицо, которому формально принадлежит имущество, является его мнимым собственником (пункт 1 статьи 170 ГК РФ), в то время как действительный собственник — должник — получает возможность владения, пользования и распоряжения имуществом без угрозы обращения на него взыскания по долгам со стороны кредиторов. Чем выше степень доверия между должником и третьим лицом, тем больше вероятность осуществления последним функций мнимого собственника. Также на выбор мнимого собственника в существенной степени влияет имущественная зависимость третьего лица от должника.

По общему правилу у несовершеннолетних детей отсутствуют собственные источники дохода и возможность в связи с этим самостоятельно приобретать какое-либо имущество (статья 28 ГК РФ). В соответствии со статьей 26 ГК РФ у несовершеннолетних детей имеется право на совершение сделок

только с письменного согласия своих законных представителей (в частности, родителей).

Дети старше 18 лет, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет также могут находиться в имущественной зависимости от своих родителей (абзац десятый статьи 2 Федерального закона от 15.12.01 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»).

Таким образом, дети являются той категорией лиц, которая может быть использована должником для вывода имущества посредством создания фигуры мнимого держателя активов. Учитывая вероятность подобного развития событий, требования арбитражных управляющих о предоставлении сведений об имуществе, принадлежащем детям должника, подлежат удовлетворению при наличии даже минимальных сомнений в фиктивном оформлении на них имущества несостоятельного родителя (*определение Судебной коллегии по экономическим спорам* (далее — СКЭС) *ВС РФ от 15.11.21 № 307-ЭС19-23103(2)*).

Заявить о взыскании с гражданина неустойки за неисполнение судебного акта

К сожалению, вынесение судебного акта об истребовании информации у должника не означает, что гражданин будет его исполнять, в том числе и принудительно в рамках возбужденного исполнительного производства. В таком случае для достижения требуемого результата возможно взыскание в конкурсную массу с гражданина судебной неустойки за неисполнение судебного акта об обязанности передать сведения финансовому управляющему.

Возможность использования данного правового механизма подтверждена судебной практикой, например в делах о несостоятельности юридических лиц в обособленных спорах об обязанности руководителя должника передать конкурсному управляющему финансовую и бухгалтерскую документацию (*определение СКЭС ВС РФ от 11.07.17 № 307-ЭС16-21419, постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.04.18 по делу № А05-3604/2014, Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.07.18 по делу № А40-122605/17*).

По аналогии указанные нормы применяются и в делах о банкротстве граждан. Однако в случае, когда на должника возложена обязанность представить те или иные документы в суд или финансовому управляющему, судам при рассмотрении вопроса о добросовестности должника необходимо учитывать наличие документов в его распоряжении и возможность их получения (восстановления).

Например, *Девятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 06.07.18 по делу № А40-185980/17* подтвердил необходимость представления

арбитражным управляющим доказательств фактического нахождения спорных документов у должника.

Направление 2. Защита реестра от включения требований недобросовестных кредиторов

Что сказано в законе?

Согласно разъяснениям, приведенным в пункте 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 22.06.12 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее — постановление Пленума ВАС РФ № 35), в силу пунктов 3–5 статьи 71 и пунктов 3–5 статьи 100 Закона о банкротстве проверка обоснованности и размера требований кредиторов осуществляется судом независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором — с другой стороны. При установлении требований кредиторов в деле о банкротстве судам следует исходить из того, что установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности.

Во избежание предъявления необоснованных требований к должнику и нарушений тем самым прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности банкрота, предъявляются повышенные требования (пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ № 35, пункт 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом ВС РФ 20 декабря 2016 года).

В определении СКЭС ВС РФ от 25.09.17 № 309-ЭС17-344(2) указано: «Конкурирующий кредитор, как правило, не является стороной сделки или участником иных правоотношений, положенных в основу требований к должнику, в силу чего объективно ограничен в возможности доказывания необоснованности требования другого кредитора. Следовательно, предъявление к нему высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству кредиторов. В случае наличия возражений конкурирующего кредитора на требования о включении в реестр и представления в суд прямых или косвенных доказательств, подтверждающих существенность сомнений в наличии долга, на заявившее требование лицо возлагается бремя опровержения этих сомнений. При этом заявителю требований не должно составлять затруднений опровергнуть указанные сомнения, поскольку именно он должен обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником». Схожие выводы изложены в

постановлении Президиума ВАС РФ от 13.05.14 № 1446/14 и в определении СКЭС ВС РФ от 05.02.17 № 305-ЭС17-14948.

Что происходит на практике?

Нередко «дружественный» с должником кредитор инициирует судебный спор по мнимой задолженности, чтобы получить внешне безупречный судебный акт для включения его требования в реестр требований кредиторов. Отличием таких споров, как правило, является представление минимально необходимого набора доказательств, пассивность сторон при опровержении позиций друг друга, признание сторонами обстоятельств дела или признание иска и т. п. Поскольку интересы «дружественного» кредитора и должника совпадают, их процессуальная деятельность направлена не на установление истины, а на иные цели. Подобными судебными актами могут нарушаться права кредиторов, конкурирующих с «дружественным» должнику и имеющих противоположные с ним интересы и процессуальную позицию.

Что делать?

(Изложенные ниже механизмы не зависят от числа голосов кредитора или размера его требования. — *Прим. авт.*)

Возражать против требований иных кредиторов

Как разъяснено в абзаце четвертом пункта 30 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.09 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.08 № 296-ФЗ „О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“», статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права (в частности, на ознакомление с материалами дела в части предъявленных всеми кредиторами требований и возражений, на участие в судебных заседаниях по рассмотрению требований всех кредиторов, на обжалование судебных актов, принятых по результатам рассмотрения указанных требований), необходимые для реализации права на заявление возражений, возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

Ссылаясь на данные разъяснения, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ в определении от 21.08.18 № 5-КГ18-122 отметила, что с момента принятия требования кредитора к рассмотрению судом у этого кредитора возникают права на заявление возражений в отношении требований других кредиторов, заявленных должнику, а значит, и право обжалования судебных актов по другим делам. Схожая позиция выражена в определении СКЭС ВС РФ от 27.02.19 № 305-ЭС18-19058, определениях ВС РФ от 25.12.17 № 302-ЭС15-5452(5) и от 16.01.19 № 305-ЭС18-19058, постановлениях Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.06.17 по делу № А70-6738/2016,

Арбитражного суда Московского округа от 28.04.17 по делу № А40-144914/2015.

При предъявлении возражений на требования иных кредиторов возможно заявление ходатайства об истребовании у таких кредиторов дополнительных доказательств в обоснование их требований.

Согласно *определению СКЭС ВС РФ от 23.07.18 № 305-ЭС18-3009* при рассмотрении дел о банкротстве судебное исследование обстоятельств возникновения долга должно отличаться большей глубиной и широтой по сравнению с обычным спором, тем более если на такие обстоятельства указывают лица, участвующие в деле. (Аналогичные выводы можно увидеть также в *постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 06.06.22 по делу № А60-60018/2016.*)

Оценивая доводы о пороках сделки, суд не должен ограничиваться проверкой соответствия документов установленным законом формальным требованиям. Необходимо исследовать и иные доказательства, в том числе об экономических, физических, организационных возможностях кредитора или должника осуществить спорную сделку. Формальное составление документов об исполнении сделки не исключает ее мнимость (пункт 86 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Бремя опровержения доводов о фиктивности сделки лежит на лицах, ее заключивших, поскольку в рамках спорного правоотношения они объективно обладают большим объемом информации и доказательств, чем другие кредиторы. Предоставление дополнительного обоснования не составляет для них какой-либо сложности.

В *определении СКЭС ВС РФ от 25.07.16 № 305-ЭС16-2411* сформулирован аналогичный правовой подход в отношении мнимой сделки применительно к отношениям, регулируемым Законом о банкротстве.

Проверяя действительность сделки, послужившей основанием для включения требований ответчика в реестр требований кредиторов, исходя из доводов о наличии признаков мнимости сделки и ее направленности на создание искусственной задолженности кредитора, суд должен осуществлять проверку, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений. Целью такой проверки является установление обоснованности долга, возникшего из договора, и недопущение включения в реестр необоснованных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования, а также должника и его учредителей (участников) (*постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.06.21 по делу № А40-91646/2020*).

Дополнительно у кредитора можно затребовать:

— по заемным правоотношениям — бухгалтерский баланс с расшифровкой, отчет о прибылях и убытках, доказательства одобрения сделки (если таковое требуется), доказательства наличия финансовой возможности выдачи займа (банковские выписки о движении денежных средств). Если займ выдавало физическое лицо — выяснить родственные связи с должником, запросить справки об имуществе, НДФЛ, банковские выписки, информацию по вкладам и накоплениям. Исследовать также и движение средств по счету должника, чтобы установить, не было ли предоставление займа «прогоном» денежных средств в группе лиц, а также проанализировать фактическое расходование предоставленного займа;

— по договорам поставки товара — доказательства вывоза товара со склада кредитора и ввоза на склад продавца (помимо товарных и товарно-транспортных накладных запросить наряд-заказы, маршрутные листы), доказательства наличия у должника и (или) кредитора возможности хранить принятый товар. Например, если по накладным строительный товар в больших объемах поставлен в однокомнатную квартиру, представляется сомнительным реальное исполнение обязательства.

Обжаловать судебные акты иных кредиторов

О праве кредитора оспаривать судебные акты иных лиц, на которых основаны их требования, указано в *определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.07.21 № 32-КГ21-12-К1*. Зачастую кредиторы либо не знают о данном правовом механизме, либо не умеют им эффективно пользоваться.

В Обзоре судебной практики ВС РФ № 3 (2015), утвержденном Президиумом ВС РФ 25 ноября 2015 года, разъяснено, что Закон о банкротстве в пункте 2 статьи 71, пункте 3 статьи 100 наделяет конкурсных кредиторов, уполномоченный орган и арбитражного управляющего правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве.

Вместе с тем в соответствии с пунктом 10 статьи 16 Закона о банкротстве разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом в деле о банкротстве, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

На основании этого если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать указанный судебный акт в соответствии с нормами ГПК РФ.

Право оспорить судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, является особым средством защиты, предоставляемым по специальному основанию строго определенному кругу лиц, в том числе конкурсным кредиторам, и подразумевает проверку их доводов, изложенных в апелляционных или кассационных жалобах, по существу, в пределах полномочий соответственно суда апелляционной или кассационной инстанции. То обстоятельство, что процедура банкротства введена в отношении должника после принятия оспариваемого судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, само по себе не лишает другого кредитора права на обжалование этого акта.

В условиях конкуренции за распределение конкурсной массы кредитор должен иметь возможность воспрепятствовать ее неправомерному разделу в целях защиты своих имущественных прав и интересов. При этом независимому кредитору следует указать на обстоятельства, опровергающие выводы суда о наличии у должника задолженности по спорному обязательству.

Согласно пункту 6 постановления Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 26.05.11 № 10-П по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 18, 46, 55 (часть 3) и 118 Конституции Российской Федерации, обязывающих Российскую Федерацию как правовое государство к созданию эффективной системы защиты конституционных прав и свобод посредством правосудия, неотъемлемым элементом нормативного содержания права на судебную защиту, имеющего универсальный характер, является право заинтересованных лиц, в том числе не привлеченных к участию в деле, на обращение в суд за защитой своих прав, нарушенных неправосным судебным решением.

Президиумом и Пленумом ВАС РФ разъяснены конкретные правовые механизмы обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

Право конкурсных кредиторов и арбитражного управляющего обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, предусмотрено нормами пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35. Указанный механизм обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство и подразумевает наличие у лица, обращающегося с соответствующей жалобой по делу, в котором оно до этого не принимало участия, права представить новые доказательства и заявить новые доводы в обоснование своей позиции по спору.

Для использования названного средства защиты прав необходимо наличие следующих условий:

- а) требование независимого кредитора принято к рассмотрению в рамках дела о банкротстве;
- б) кредитор, чье решение обжалуется, либо предъявил свое требование, либо его требование уже включено в реестр;

с) на момент принятия обжалуемого решения у должника была задолженность перед независимым кредитором, но последнего не привлекли к участию в деле.

Анализ правовых норм и судебной практики подтверждает необходимость соблюдения данных условий.

В частности, о моменте возникновения права на оспаривание судебных актов иных кредиторов указано в *определениях Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.08.18 № 5-КГ18-122 и СКЭС ВС РФ от 27.02.19 № 305-ЭС18-19058, определениях ВС РФ от 25.12.17 № 302-ЭС15-5452(5) и от 16.01.19 № 305-ЭС18-19058, постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.06.17 по делу № А70-6738/2016.*

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15.12.21 по делу № А40-277709/2019 указано, что по смыслу разъяснения, изложенного в пункте 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35, необходимым условием реализации конкурсными кредиторами права на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, является не только заявление ими о нарушении их прав и законных интересов таким судебным актом, но и представление ими доказательств того, что оспариваемый судебный акт необоснован по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки.

... При рассмотрении одного из дел суд отказал в удовлетворении жалобы, поданной конкурсным кредитором ответчика, на вступившее в законную силу решение суда, которым с ответчика взыскана задолженность по договору, так как права и законные интересы заявителя обжалуемым судебным актом не нарушены, доводов, подтверждающих недостоверность доказательств либо ничтожность договора, не представлено, а договор, заключенный между истцом и ответчиком, не обладает признаками мнимости и направленности на создание искусственной задолженности (*постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.05.18 по делу № А40-155751/2016, определением ВС РФ от 10.09.18 № 305-ЭС18-13062 в передаче дела в СКЭС ВС РФ отказано*).

... В рамках иного дела суд констатировал, что безвозмездными договоры признаны быть не могут, так как их условия предусматривают встречное предоставление; также они не могут быть признаны мнимыми, поскольку сторонами совершены действия, направленные на исполнение сделок, сама по себе аффилированность сторон договоров цессии при доказанности реальности долга на права кредиторов в деле о банкротстве покупателя не влияет (*постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.09.19 по делу № А76-19838/2018*).

... В другом случае судом оставлена без удовлетворения жалоба на судебный акт по делу о взыскании долга и неустойки, поскольку установлено, что права и законные интересы общества (конкурсного кредитора в рамках иного дела о банкротстве) данным судебным актом не нарушены, кроме того, доводы общества о том, что стороны спора действовали исключительно с целью наращивания кредиторской задолженности, основаны на предположениях без наличия каких-либо доказательств (*постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.06.18 по делу № А40-80769/2015*).

Итак, кредитору необходимо доказать, что оспариваемый судебный акт необоснован по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки, а значит, в жалобе нужно обратить внимание суда на следующие обстоятельства (нижеизложенные позиции по банкротству юридических лиц можно применить по аналогии. — *Прим. авт.*):

— необходимость установления наличия/отсутствия у кредитора соответствующих ресурсов для исполнения обязательства (*определение СКЭС ВС РФ от 30.05.22 № 305-ЭС22-1204*);

— необходимость исследования дополнительных доказательств. Например, дело передано на новое рассмотрение, поскольку необходимо установить наличие/отсутствие возможности у ответчика поставить товар в том количестве и ассортименте, которые заявлены в договоре, определить экономические цели ответчика, связанные с заключением договора, выяснить, каким образом должником израсходованы полученные денежные средства, проверить наличие/отсутствие отражения кредиторской/дебиторской задолженности в бухгалтерской документации истца и ответчика (*постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.11.19 по делу № А15-1498/2018*);

— наличие у организации-кредитора признаков фирмы-однодневки (юридического лица, не обладающего фактической самостоятельностью, созданного без цели ведения предпринимательской деятельности), указанных в приказе Федеральной налоговой службы от 30.05.07 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок», письмах Федеральной налоговой службы от 24.07.15 № ЕД-4-2/13005@ и от 23.03.17 № ЕД-5-9/547@ (*определение СКЭС ВС РФ от 30.05.22 № 305-ЭС22-1204*), либо создание компании-кредитора в преддверии заключения сделки с должником (*постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.04.21 по делу № А40-29492/20*);

— подачу иска по обязательству с истекшим сроком давности (*постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.03.15 по делу № А57-8468/2013, определением ВС РФ от 29.05.15 № 306-ЭС15-4808 в передаче дела в СКЭС ВС РФ отказано*);

— согласованность позиций истца и ответчика, их фактическую аффилированность (*постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.02.20 по делу № А50-40718/2018*);

— пассивную процессуальную позицию ответчика-должника, которая заставляет усомниться в реальности существования задолженности с учетом возбуждения в отношении него производства по делу о банкротстве (*определение СКЭС ВС РФ от 30.05.22 № 305-ЭС22-1204, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.04.18 по делу № А27-25322/2015*);

— подачу иска связанным с должником кредитором в преддверии банкротства с признанием при этом исковых требований должником или заключением мирового соглашения (*постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.04.15 по делу № А14-11128/13*);

— признание должником иска при минимуме доказательств со стороны истца-кредитора. В частности, одно из дел направлено на новое рассмотрение, поскольку экономический спор, возникший из правоотношений, связанных с оборотом векселей, был разрешен судом в пользу истца на основании признания ответчиком иска, тогда как материалы дела не содержат доказательств реального оборота спорных векселей, выпущенных третьим лицом, а также каких-либо расчетов между сторонами. Суд кассационной инстанции указал, что спор, возникший из внешнеэкономической сделки, содержащий иностранные элементы (стороны упомянутых договоров, векселя иностранного лица), даже в отсутствие возражений со стороны ответчика должен быть рассмотрен с учетом положений части 3 статьи 1 и статьи 10 ГК РФ, законодательства об обороте векселей, а также положений статей 14, 71 и главы 33 АПК РФ (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.11.17 по делу № А21-4050/2015, определением ВС РФ от 12.03.18 № 307-ЭС18-512 в передаче дела в СКЭС ВС РФ отказано*).

Согласно *постановлению Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.02.21 по делу № А73-17566/2018* само по себе признание иска не свидетельствует о фактическом отсутствии отношений, из которых возникла заявленная истцом задолженность, а также о создании сторонами только видимости этих отношений для формирования искусственной задолженности с целью оказания влияния на процедуру банкротства ответчика (причинения вреда кредиторам). *Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.11.19 по делу № А56-93456/2018 и Третьего арбитражного апелляционного суда от 11.11.20 по делу № А33-3827/2019* также подтверждают изложенный вывод.

В *постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.05.19 по делу № А56-46106/2017* указано: «...волевые акты, перечисленные в пункте 1 статьи 39 ГПК РФ, включая право ответчика признать иск, по своей правовой природе являются распорядительными действиями участников

процесса. Такие процессуальные действия адресованы суду, не являются сделками по смыслу статьи 153 ГК РФ, не подлежат оспариванию в порядке, предусмотренном главой III.1 Закона о банкротстве, и не могут быть признаны недействительными на основании норм о недействительности гражданско-правовых сделок, в том числе и по мотивам злоупотребления правом». Аналогичная позиция изложена и в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.19 по делу № А56-92566/2015.

Научно-консультативный совет при Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа при рассмотрении жалоб, поданных кредиторами в порядке пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35, в пункте 1 рекомендаций от 17 мая 2018 года (г. Улан-Удэ) предлагает исходить из следующего:

- если в рамках спора имеется только принятое по делу решение, его обжалование происходит в общем порядке и суд выносит постановление по существу спора;

- если решение было предметом пересмотра в суде апелляционной инстанции и в рамках спора имеется принятое по делу постановление, то жалобу такого лица следует рассматривать применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам.

При этом если в результате проверки доводов суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что права и законные интересы кредитора не нарушены, то он выносит определение об отказе в удовлетворении жалобы.

Если же суд апелляционной инстанции посчитает доводы кредитора свидетельствующими о нарушении его прав и законных интересов, то он выносит новое постановление об отмене ранее принятого постановления и осуществляет пересмотр дела в апелляционном порядке с учетом доводов всех апелляционных жалоб.

... Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 18.10.17 по делу № А40-100361/2016 отмечено: «...обжалуемый судебный акт затрагивает права и законные интересы других лиц не непосредственно, а косвенно, не указывая о них напрямую, поэтому обжалованное решение рассматривалось по правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам».

Оспаривать сделку, положенную в основу требования кредитора

Проверяя действительность сделки, послужившей основанием для включения требований ответчика в реестр требований кредиторов, исходя из доводов о наличии признаков мнимости сделки и ее направленности на создание искусственной задолженности кредитора, суд должен осуществлять проверку, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений. Целью такой проверки является

подтверждение обоснованности долга, возникшего из договора, и недопущение включения в реестр необоснованных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования, а также должника и его учредителей (участников).

При заявлении возражений против необоснованного требования и при обжаловании судебного акта «недружественного» кредитора кредитор может выразить сомнения в действительности сделки такого кредитора.

... В определении СКЭС ВС РФ от 11.09.17 № 301-ЭС17-4784 сформулирована следующая правовая позиция: если конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие признаков мнимости у сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки.

Судебная коллегия ВС РФ отменила судебные акты нижестоящих инстанций и направила дело на новое рассмотрение, поскольку суды не исследовали доказательства и доводы другого конкурсного кредитора фирмы о том, что договор хранения является мнимой сделкой, направленной на создание фиктивной задолженности фирмы перед обществом.

СКЭС ВС РФ указала следующее.

Выводы судебных актов по существу рассмотренного спора должны основываться на анализе доказательств, представленных сторонами, и содержать, помимо прочего, мотивы, по которым отвергнуты доказательства, а также отклонены доводы лиц, участвующих в деле (пункт 4 статьи 15, статья 71, пункты 2, 4 статьи 169, пункт 2 статьи 271, пункт 2 статьи 289 АПК РФ).

Как правило, для установления обстоятельств, подтверждающих позицию истца или ответчика, достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора. Однако при банкротстве ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу фиктивной сделки. Соккрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора.

Стороны мнимой сделки могут осуществить для вида ее формальное исполнение, а потому для предотвращения необоснованных требований к должнику и, как следствие, нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, предъявляются повышенные требования. Это правило применяется для требований по текущим обязательствам.

Следовательно, во избежание нарушения прав кредиторов фирмы все обстоятельства сделок с ней как с банкротом подлежали судебному исследованию, тем более что на пороки договоров (в том числе на мнимость хранения) указывал как ответчик, так и конкурирующий кредитор.

Установление наличия внутригрупповых отношений между сторонами сделки и, как следствие, общности хозяйственных интересов участников спорных отношений, о которых заявлял конкурирующий кредитор, позволит дать надлежащую оценку добросовестности действий фирмы и общества.

Следует учесть, что конкурирующий кредитор не является стороной сделки, в силу чего объективно ограничен в возможности доказывания необоснованности требования другого кредитора. Поэтому предъявление к конкурирующему кредитору высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. В данном случае достаточно подтвердить существенность сомнений в наличии долга. Напротив, стороны сделки не лишены возможности представить в суд как прямые, так и косвенные доказательства, опровергающие сомнения в реальности ее исполнения. Таким образом, при наличии убедительных доводов и доказательств невозможности хранения бремя доказывания обратного возлагается в данном споре на истца и ответчика (пункт 20 Обзора судебной практики ВС РФ № 5 (2017), утвержденного Президиумом ВС РФ 27 декабря 2017 года).

... Аналогичные выводы изложены в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.07.22 по делу № А70-3014/2021, в рамках которого независимым кредитором — банком заявлено о наличии оснований для применения повышенного стандарта доказывания обоснованности исковых требований о взыскании задолженности за поставку топлива с учетом:

- установленной в обособленном споре в рамках дела о банкротстве истца фактической аффилированности сторон;
- заключения оспариваемой сделки с целью искусственного создания задолженности и включения ее в реестр требований кредиторов должника;
- отсутствия экономического смысла в приобретении ответчиком у истца топлива, производителем которого является сам ответчик, с топливных заправок, находившихся в собственности самого ответчика;
- совершения сторонами множества сделок, признанных впоследствии недействительными;
- совершения органами управления истца действий, направленных на вывод денежных средств на аффилированное юридическое лицо в период процедуры наблюдения.

При этом дополнительно предоставленные кредитором документы не опровергли указанные банком и установленные судом обоснованные сомнения относительно реальности договора.

Направление 3. Защита и пополнение конкурсной массы

Что сказано в законе?

В силу пункта 1 статьи 213.25 Закона о банкротстве все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, составляет конкурсную массу, за исключением имущества, определенного пунктом 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, согласно которому из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

Как следует из разъяснений, приведенных в пункте 39 постановления Пленума ВС РФ № 45, при рассмотрении дел о банкротстве граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, суды должны учитывать необходимость обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника (в том числе его правами на достойную жизнь и достоинство личности).

При этом необходимо принимать во внимание правовую позицию КС РФ, согласно которой законодатель, обеспечивая возможность удовлетворения интересов и защиты имущественных прав управомоченного в силу гражданско-правового обязательства лица (кредитора, взыскателя), должен исходить из направленности политики Российской Федерации как социального государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а также из конституционных основ правового статуса личности; размер удержания из заработной платы и иных доходов должника при исполнении исполнительного документа подлежит исчислению с учетом всех обстоятельств конкретного дела, при неукоснительном соблюдении таких принципов исполнительного производства, как уважение чести и достоинства гражданина и неприкосновенность минимума имущества, необходимого для существования гражданина-должника и членов его семьи; при определении размера удержания из источника дохода, являющегося для должника единственным источником существования, надлежит учитывать в числе прочего размер этого дохода с тем, чтобы обеспечить самому должнику и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для их нормального существования (постановление от 12.07.07 № 10-П, определения от 13.10.09 № 1325-О-О, от 15.07.10 № 1064-О-О, от 17.01.12 № 14-О-О).

О прожиточном минимуме

Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» устанавливает правовую основу для определения прожиточного минимума в Российской Федерации и его учета при установлении гражданам Российской Федерации государственных гарантий получения

минимальных денежных доходов и при осуществлении других мер социальной защиты граждан Российской Федерации.

Размер величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, определяется с учетом нормативных положений, регламентирующих данные вопросы на территории соответствующего субъекта.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» прожиточный минимум — минимальная необходимая для обеспечения жизнедеятельности сумма доходов гражданина.

При этом медианный среднедушевой доход — это величина денежного дохода, относительно которой половина населения в целом по Российской Федерации имеет значение среднедушевого дохода ниже данной величины, другая половина — выше данной величины и которая ежегодно исчисляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации.

По правилу статьи 4 этого закона величина прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации на очередной год устанавливается до 1 июля текущего года Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и исчисляется исходя из величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год.

Соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год с 2021 года устанавливается в размере 44,2 процента.

Указанное в абзаце втором пункта 1 статьи 4 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» соотношение пересматривается не реже одного раза в пять лет исходя из условий социально-экономического развития Российской Федерации. В течение срока действия установленного соотношения величина прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации на очередной год не может быть установлена ниже величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации, установленной на текущий год.

Исчисление медианного среднедушевого дохода осуществляется на основании методики, определяемой федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации.

Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на очередной год, в том числе для определения размера федеральной социальной

доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 17.07.99 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», устанавливается Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений исходя из величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации на тот же год одновременно с установлением величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации.

Соотношение величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации и величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации устанавливается в размере 109 процентов, величины прожиточного минимума пенсионера в целом по Российской Федерации и величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации — в размере 86 процентов, величины прожиточного минимума для детей в целом по Российской Федерации и величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации — в размере 97 процентов.

Величина прожиточного минимума на душу населения в субъекте Российской Федерации на очередной год устанавливается до 15 сентября текущего года субъектом Российской Федерации с учетом коэффициента региональной дифференциации, который рассчитывается как соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и величины прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте Российской Федерации в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

На 2021 год величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в субъекте Российской Федерации устанавливается субъектом Российской Федерации в размере не ниже величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в субъекте Российской Федерации за второй квартал 2020 года.

На 2021–2025 годы устанавливается переходный период поэтапного доведения величин прожиточного минимума на душу населения в субъектах Российской Федерации, установленных на 2021 год, до величин прожиточного минимума на душу населения в субъектах Российской Федерации, рассчитанных с учетом коэффициентов региональной дифференциации, предусмотренных абзацем первым пункта 3 статьи 4 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

На 2022 год и последующие годы величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в субъекте Российской Федерации устанавливается субъектом Российской Федерации в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, одновременно

с установлением величины прожиточного минимума на душу населения в субъекте Российской Федерации.

Величина прожиточного минимума пенсионера, устанавливаемая в субъекте Российской Федерации в соответствии с абзацами вторым и четвертым пункта 3 статьи 4 названного закона, используется в том числе в целях установления социальной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом «О государственной социальной помощи».

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать величину прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения дифференцированно с учетом социально-экономических особенностей и природно-климатических условий местностей, расположенных в данных субъектах Российской Федерации.

Об исключении страховой части пенсии

Федеральным законом от 03.10.18 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» внесены изменения в часть 12 статьи 21 Федерального закона от 28.12.13 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», которая с 1 января 2019 года действует в следующей редакции: «Выплата страховой пенсии на территории Российской Федерации производится пенсионеру органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, в установленном размере без каких-либо ограничений, в том числе при признании этого гражданина банкротом в соответствии с Законом о банкротстве, за исключением случаев, предусмотренных статьей 26.1 настоящего федерального закона».

Согласно части 13 статьи 21 Федерального закона «О страховых пенсиях» доставка страховой пенсии производится по желанию пенсионера через кредитную организацию путем зачисления сумм страховой пенсии на счет пенсионера в этой кредитной организации либо через организации почтовой связи и иные организации, занимающиеся доставкой страховых пенсий, путем вручения сумм страховой пенсии на дому или в кассе организации, производящей доставку.

Разрешение вопроса о получении денежных средств в размере страховой части пенсии по старости и об исключении из конкурсной массы денежных средств на содержание должника-гражданина носит заявительный характер.

У должника имеется возможность получить денежный исполнительский иммунитет от предъявленных к нему требований за счет конкурсной массы самого должника в размере величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации, или страховой пенсии по старости.

В этой связи именно должник в заявлении определяет, подлежат ли исключению из конкурсной массы денежные средства в размере страховой пенсии по старости или в размере величины минимального прожиточного

минимума для населения в соответствующем субъекте Российской Федерации. Мотивы выбора того или иного варианта исполнительского денежного иммунитета могут зависеть как от размера пенсии, так и от размера периодически изменяющейся величины минимального прожиточного минимума для населения, и должник вправе выбирать и изменять тот или иной вариант неоднократно в зависимости от того, какой размер исполнительского денежного иммунитета его больше устраивает в силу действующего законодательства (*постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.12.19 по делу № А57-11460/2018, определением ВС РФ от 05.06.20 № 306-ЭС20-1997 в передаче дела в СКЭС ВС РФ отказано*).

Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7); каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (часть 1 статьи 39).

Поскольку в силу части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, то защита прав и законных интересов участников исполнительного производства должна быть соразмерной, то есть при защите прав взыскателя (юридического лица, кредитной организации) не должны нарушаться конституционные права гражданина-должника (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 04.09.17 № 77-КГ17-21*).

Об исключении транспортного средства

В силу положений абзаца десятого части 1 статьи 446 ГПК РФ не может быть обращено взыскание на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности средства транспорта и другое необходимое гражданину-должнику в связи с его инвалидностью имущество.

Возможность исключения транспортного средства из конкурсной массы для обеспечения надлежащего уровня жизни инвалида подтверждена *постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.03.19 по делу № А56-54086/2017*.

Об исключении денежных средств в качестве возмещения должнику понесенных судебных расходов

Как уже было отмечено, прожиточный минимум — это минимальная необходимая для обеспечения жизнедеятельности сумма доходов гражданина.

Поскольку понесенные должником судебные расходы не являются необходимыми для обеспечения жизни гражданина, они не составляют

прожиточный минимум и должны быть возмещены согласно установленному законодательством порядку.

В пункте 19 постановления Пленума ВС РФ № 45 разъяснено, что судебные расходы по делу о банкротстве должника, в том числе расходы на уплату государственной пошлины, которая была отсрочена или рассрочена, на опубликование сведений в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве должника, и расходы на выплату вознаграждения финансовому управляющему относятся на имущество должника и возмещаются за счет этого имущества вне очереди (пункт 1 статьи 59, пункт 4 статьи 213.7 и пункт 4 статьи 213.9 Закона о банкротстве).

На основании названных норм гражданин может обратиться в суд с ходатайством о возмещении ему расходов, понесенных в связи с защитой его прав и необходимостью совершения процессуальных действий, — нотариальных расходов, связанных с выдачей доверенности представителю, почтовых расходов, вызванных обязанностью раскрывать процессуальные позиции, и т. п. Возможность исключения из конкурсной массы таких расходов подтверждена судебной практикой, например *определением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29.03.19 по делу № А56-76546/2015*.

Об исключении денежных средств для оплаты арендных платежей

На основании вышеизложенных норм права гражданин может также попросить об исключении из конкурсной массы денежных средств для оплаты арендных платежей в случае отсутствия у него единственного жилья (*определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.04.17 по делу № А56-76541/2015, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.12.20 по делу № А76-47988/2019*).

Об исключении денежных средств для оплаты лечения

Должники обращаются за исключением из конкурсной массы сверх прожиточного минимума или страховой части пенсии денежных средств для оплаты медикаментов и лечения.

Такое ходатайство удовлетворено *постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 16.12.20 по делу № А76-47988/2019*.

О разделе совместно нажитого имущества

Как уже указывалось выше, в силу пункта 1 статьи 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

Пунктом 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве предусмотрено, что имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам, предусмотренным названной статьей. В таких случаях супруг (бывший супруг) вправе участвовать в деле о банкротстве

гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. В конкурсную массу включается часть средств от реализации общего имущества супругов (бывших супругов), соответствующая доле гражданина в таком имуществе, остальная часть этих средств выплачивается супругу (бывшему супругу).

В пункте 7 постановления Пленума ВС РФ № 48 разъяснено, что в деле о банкротстве гражданина-должника по общему правилу подлежит реализации его личное имущество, а также имущество, принадлежащее ему и супругу (бывшему супругу) на праве общей собственности.

Супруг (бывший супруг), полагающий, что реализация общего имущества в деле о банкротстве не учитывает заслуживающие внимания правомерные интересы этого супруга и (или) интересы находящихся на его иждивении лиц, в том числе несовершеннолетних детей, вправе обратиться в суд с требованием о разделе общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства (пункт 3 статьи 38 СК РФ). Данное требование подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции с соблюдением правил подсудности. К участию в деле о разделе общего имущества супругов привлекается финансовый управляющий. Все кредиторы должника, требования которых заявлены в деле о банкротстве, вправе принять участие в рассмотрении названного иска в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (статья 43 ГПК РФ). Подлежащее разделу общее имущество супругов не может быть реализовано в рамках процедур банкротства до разрешения указанного спора судом общей юрисдикции.

На основании пункта 3 статьи 38 СК РФ в случае спора раздел общего имущества супругов, а также определение долей супругов в этом имуществе производятся в судебном порядке.

Согласно пункту 1 статьи 252 ГК РФ имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками по соглашению между ними. Участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества (пункт 2 статьи 252 ГК РФ).

Раздел общего имущества супругов (бывших супругов) означает, как правило, прекращение их общей собственности, в том числе совместной, которая в некоторых случаях может стать долевой (при невозможности раздела имущества в натуре). Раздел общего имущества влечет выдел конкретного имущества либо его части каждому из супругов (бывших супругов), а иногда и взыскание разницы в стоимости выделенного имущества с одного из них в пользу другого, если раздел не может быть осуществлен в соответствии с долями либо не является равноценным.

Раздел общего имущества следует рассматривать как прекращение общей собственности супругов (бывших супругов), в некоторых случаях — как переход отдельных видов имущества из общей совместной собственности в общую долевую, как выдел конкретного имущества либо его части в натуре либо в долях

каждому из супругов (бывших супругов) с выплатой компенсации в случае неравноценности раздела либо без таковой.

Руководствуясь данными нормами, как супруг гражданина-должника, так и финансовый управляющий могут обратиться в суд общей юрисдикции с иском о разделе совместно нажитого имущества.

Что происходит на практике?

Недобросовестные должники осуществляют действия, направленные фактически на сокрытие имущества от взыскания.

Например, гражданин или его супруг:

а) обращаются в районный суд с иском о разделе имущества, причем с отступлением от правила равенства долей;

б) заявляют об исключении прожиточного минимума для себя и членов семьи при отсутствии подтвержденного источника дохода и (или) включая в расчет предыдущие периоды процедуры банкротства;

в) ходатайствуют об исключении искусственно созданного единственного жилья, автомобиля без подтверждения инвалидности, средств на лечение и лекарственные препараты, на аренду жилья без надлежащего подтверждения необходимости таких расходов;

г) заявляют об исключении алиментов в размере, превышающем официальный доход.

Что делать?

Возражать против исключения единственного жилья, если должник своими недобросовестными действиями искусственно его создал

В отношении единственного жилого помещения, принадлежащего гражданину-должнику, не обремененного залоговыми правами, законодателем предусмотрен исполнительский иммунитет — особый правовой режим обращения взыскания как в рамках исполнительного производства, так и в процедурах банкротства.

Достаточно долгое время такое имущество обладало практически абсолютным иммунитетом от возможности обращения на него взыскания.

Однако с 2021 года подходы судов к данному вопросу существенно изменились.

Для защиты своих прав кредиторы следует обратить внимание на следующие правовые позиции.

В постановлении КС РФ от 26.04.21 № 15-П сформулированы тезисы, касающиеся возможности отступления от принципа защиты единственного жилья:

— сам по себе исполнительский иммунитет не должен исключать ухудшения жилищных условий гражданина-должника и членов его семьи;

— ухудшение жилищных условий вследствие отказа гражданину-должнику в применении исполнительского иммунитета не может вынуждать его к изменению места жительства (поселения), что, однако, не препятствует ему согласиться с последствиями, допустимыми по соглашению участников исполнительного производства и (или) производства по делу о несостоятельности (банкротстве);

— отказ в применении исполнительского иммунитета не должен оставить должника без жилища, пригодного для проживания его самого и членов его семьи, площадью по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма;

— отказ от исполнительского иммунитета должен иметь реальный смысл именно как способ и условие удовлетворения требований кредиторов, а не карательная санкция (наказание) за неисполненные долги и не средство устрашения должника. (В этой связи предпочтительным является проведение судебной экспертизы по оценке рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего (это влечет за собой необходимость оценки и стоимости замещающего жилья, а также издержек конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого). — *Прим. авт.*).

Указанные тезисы положены в основу ряда судебных актов ВС РФ.

Так, на основании этих тезисов в *определении СКЭС ВС РФ от 26.07.21 № 303-ЭС20-18761* сформулированы правила изъятия единственного жилья:

— приобрести замещающее жилье гражданину может не только кредитор, но и финансовый управляющий путем реализации имущества должника; при этом право собственности на имеющееся у должника жилое помещение не должно прекращаться ранее возникновения права собственности на замещающее жилье;

— необходимо допускать возможность прекращения торгов по продаже излишнего жилья при падении цены ниже той, при которой конкурсная масса не пополнится эффективно;

— кредитор, приобретая замещающее жилье для должника, принимает на себя риски того, что выручка от продажи имеющегося у банкрота жилья не покроет его расходы на приобретение замещающего;

— вопрос о приобретении замещающего жилья должен предварительно выноситься на обсуждение собрания кредиторов, которое созывается финансовым управляющим по собственной инициативе либо по требованию кредитора или должника. Лишь после этого вопрос об ограничении исполнительского иммунитета передается на рассмотрение суда;

— в случае, если гражданин отвечает как поручитель, можно установить, что жилое помещение подлежит реализации только при недостаточности имущества основного должника.

... СКЭС ВС РФ в определении от 30.08.21 № 307-ЭС21-8025 подробно проанализировала мотивы поведения сторон (должника и супруги) и выявила причину, по которой ранее свободная от каких-либо притязаний на протяжении нескольких лет четырехкомнатная квартира становится местом регистрации супруги и детей должника (ранее проживавших на протяжении длительного периода времени в однокомнатной квартире и не претендовавших на улучшение жилищных условий), предметом брачного договора, а затем и оспариваемой цепочки сделок. Суд пришел к выводу о злоупотреблении правом.

В определении от 07.10.21 № 304-ЭС21-9542(1,2) СКЭС ВС РФ указала, что исполнительский иммунитет не предназначен для сохранения за гражданином принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения, если доказано, что ситуация с единственно пригодным для постоянного проживания помещением создана должником со злоупотреблением правом.

При этом вопрос об отступлении от правила исполнительского иммунитета относится к компетенции суда, кредиторы произвольно не могут своим решением лишить гражданина жилья (определение СКЭС ВС РФ от 29.10.20 № 309-ЭС20-10004, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.11.21 по делу № А60-66150/2019).

Возражать против исключения денежных сумм (прожиточного минимума, пенсии, дополнительных сумм)

В данном случае речь идет о примерах явного злоупотребления и недоказанности со стороны должника необходимости несения расходов.

В силу положений пункта 1, абзаца первого пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, абзаца восьмого части 1 статьи 446 ГПК РФ из конкурсной массы гражданина-должника исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, в частности денежные средства на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении.

Вопросы об исключении из конкурсной массы указанных денежных средств либо о невключении в конкурсную массу названных выплат, согласно разъяснениям абзаца четвертого пункта 1 постановления Пленума ВС РФ № 48, решаются финансовым управляющим самостоятельно во внесудебном порядке. Как разъяснено в пункте 39 постановления Пленума ВС РФ № 45, при рассмотрении дел о банкротстве граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, суды должны учитывать необходимость обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника. Указанное обстоятельство подлежит учету судом, рассматривающим дело о банкротстве, при рассмотрении ходатайства должника

о получении из конкурсной массы денежных средств в разумном размере на оплату личных нужд.

По смыслу положений Закона о банкротстве с учетом их толкования, данного высшей судебной инстанцией, исключение из конкурсной массы должника денежных средств на его личные нужды обусловлено наличием у него дохода, из суммы которого и подлежат исключению указанные денежные средства.

В отсутствие на расчетном счете должника денежных средств либо постоянного дохода, из которого должна выделяться определенная судом сумма на его содержание (личные нужды), данная обязанность финансового управляющего не может быть истолкована таким образом, что должник становится кредитором по текущим платежам, чьи требования подлежат удовлетворению во внеочередном порядке за счет средств, вырученных от реализации конкурсной массы.

Накопление сумм ежемесячного прожиточного минимума за прошедший период для их исключения при поступлении средств на счет либо в целях резервирования их на будущее время (на случай возможного отсутствия средств на счете) законодательством не предусмотрено.

Приведенные выводы подтверждает судебная практика, например *постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.10.19 по делу № А27-2547/2017 (определением ВС РФ от 03.02.20 № 304-ЭС19-26282 в передаче дела в СКЭС ВС РФ отказано), определение ВС РФ от 17.09.19 № 308-ЭС19-15036, постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.10.20 по делу № А56-37600/2017, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.08.20 по делу № А51-21000/2015.*

Бывают ситуации, когда должники просят исключить также суммы на содержание иждивенцев, не представляя надлежащих доказательств. В этой части возражения кредитора могут основываться на следующих нормах.

В соответствии со статьей 179 Трудового кодекса Российской Федерации иждивенцами считаются нетрудоспособные члены семьи, находящиеся на полном содержании работника или получающие от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию. Согласно статье 2 Федерального закона от 15.12.01 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» нетрудоспособными признаются граждане-инвалиды, в том числе инвалиды с детства, дети-инвалиды, дети в возрасте до 18 лет, а также старше этого возраста, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет, потерявшие одного или обоих родителей, и дети умершей одинокой матери, дети, оба родителя которых

неизвестны, граждане из числа малочисленных народов Севера, достигшие возраста 55 и 50 лет (соответственно мужчины и женщины), граждане, достигшие возраста 70 и 65 лет (соответственно мужчины и женщины) (с учетом положений, предусмотренных приложением 1 к названному закону).

В судебной практике также было высказано мнение о том, что пенсионеры, если размер их пенсии менее прожиточного минимума, установленного законом, также являются иждивенцами, находящимися на попечении своих детей (*постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.06.19 по делу № А40-80929/17, отменено постановлением Арбитражного суда Московского округа от 28.11.19*).

В определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19.07.21 № 8-КГ21-4-К2 имеется следующий вывод: «Исходя из нормативных положений части 3 статьи 17 и пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона „О страховых пенсиях“ лицу, получающему страховую пенсию по старости либо страховую пенсию по инвалидности (далее также — пенсионер), на иждивении которого находится нетрудоспособный член семьи, производится повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии. Применительно к спорным правоотношениям понятие „иждивение“ предполагает как полное содержание нетрудоспособного члена семьи пенсионером, так и получение от него помощи, являющейся для этого нетрудоспособного члена семьи постоянным и основным, но не единственным источником средств к существованию, то есть иждивение не исключает наличие у нетрудоспособного члена семьи указанного пенсионера какого-либо собственного дохода (получение пенсии и других выплат). Факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от пенсионера нетрудоспособным членом его семьи может быть установлен в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой пенсионером нетрудоспособному члену семьи, и собственными доходами нетрудоспособного лица, и такая помощь может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию нетрудоспособного члена семьи этого пенсионера.

Такое толкование понятия „иждивение“ согласуется с правовой позицией КС РФ, изложенной в определении от 30.09.10 № 1260-О-О».

Суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций (часть 1 статьи 264 ГПК РФ).

В соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 264 ГПК РФ суд рассматривает дела об установлении факта нахождения на иждивении.

С учетом изложенного должник должен доказать нахождение на его содержании иждивенцев.

... В одном из дел должник просил исключить из конкурсной массы премию, полученную им в связи с присвоением почетного звания. *Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 08.11.21 по делу № А56-61960/2019* указал, что такие суммы не подпадают под иммунитет.

Согласно статье 446 ГПК РФ взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на призы, государственные награды, почетные и памятные знаки, которыми награжден гражданин-должник.

Таким образом, законодатель, определяя подобные исключения, исходил из того, что призы, государственные награды, почетные и памятные знаки, которыми награжден гражданин-должник, не могут быть оценены с точки зрения денежного эквивалента, так как неразрывно связаны с личностью гражданина и обладают исключительно для последнего личной ценностью как признание, применительно к рассматриваемому спору, государством определенных достижений такого субъекта в рамках осуществляемой им деятельности.

Денежное поощрение, выплачиваемое в связи с получением гражданином приза, государственной награды, почетного и памятного знака, приведенными свойствами не обладает, представляет собой дополнительный доход гражданина по оплате проделанной им работы, который не подпадает под объект регулирования статьи 446 ГПК РФ.

При заявлении об исключении из конкурсной массы сумм на лечение гражданин должен обосновать такие расходы.

... Например, *Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 08.11.21 по делу № А56-61960/2019* указал, что представленный в материалы дела выписной эпикриз не подтверждает необходимость и разумность исключения из конкурсной массы денежных средств именно в заявленном размере как компенсирующих понесенные расходы на лечение и затраты на приобретение лекарств. Никаких иных доказательств о необходимости получения названной суммы должник суду не представил.

... *Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 14.10.21 по делу № А49-2308/2021* пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 2 статьи 19 Федерального закона от 21.11.11 № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в том числе в соответствии с договором добровольного медицинского страхования.

В случае если должник имеет право на льготное получение необходимых ему лекарственных средств и препаратов либо на получение указанных препаратов и за счет средств обязательного медицинского страхования, и на льготных условиях, исключение заявленных сумм из конкурсной массы повлечет нарушение прав и законных интересов конкурсных кредиторов.

Вместе с тем положения Закона о банкротстве, разъяснения ВС РФ и обстоятельства дела не предусматривают возможности исключать из конкурсной массы денежные средства в неограниченном размере для приобретения должником лекарственных средств.

В любом случае должник не лишен возможности вновь обратиться в суд с заявлением об исключении из конкурсной массы денежных средств, необходимых для приобретения лекарственных средств, при подтверждении этого обстоятельства соответствующими доказательствами либо при определенных обстоятельствах, в зависимости от характера выплат, обратиться непосредственно к финансовому управляющему (пункт 1 постановления Пленума ВС РФ № 48).

... Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 16.12.20 по делу № А76-47988/2019 указал следующее.

КС РФ неоднократно высказывал правовую позицию, согласно которой в случае, если пенсия является для гражданина-должника единственным источником существования, необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и гражданина-должника требует защиты прав последнего путем не только соблюдения минимальных стандартов правовой защиты, отражающих применение мер исключительно правового принуждения к исполнению должником своих обязательств, но и сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни.

Конкретный размер удержания из заработной платы и иных доходов должника при исполнении исполнительного документа подлежит исчислению с учетом всех обстоятельств дела при неукоснительном соблюдении таких принципов исполнительного производства, как уважение чести и достоинства гражданина и неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования гражданина-должника и членов его семьи.

Кроме того, следует принимать во внимание также соотношение размера требований кредиторов и размера денежных средств, испрашиваемых гражданином, — для целей решения вопроса о том, насколько (существенно или нет) исключение из конкурсной массы денежных средств в размере, испрашиваемом гражданином, нуждающимся в медикаментозном лечении, найме помещения, повлияет на удовлетворение требований кредиторов.

В силу закона и данных в пункте 2 постановления Пленума ВС РФ № 48 разъяснений дополнительное исключение денежных средств из конкурсной

массы допускается лишь в случае доказанности обоснованности данных расходов и их документального подтверждения. Самого по себе указания на то, что должник нуждается в лечении и систематическом приобретении лекарственных препаратов, найме жилого помещения, для исключения имущества (денежных средств) из конкурсной массы недостаточно.

По смыслу положений статей 9 и 65 АПК РФ бремя доказывания необходимости исключения из конкурсной массы имущества лежит на должнике.

Так, заявляя о необходимости исключения из конкурсной массы дополнительно 3727 рублей 40 копеек на оплату лекарственных препаратов, должник указал на то, что он нуждается в постоянном лечении, в частности в ежемесячном применении лекарств и медицинских препаратов, на приобретение которых прожиточного минимума недостаточно.

Должником в обоснование заявленного ходатайства представлены доказательства необходимости исключения из конкурсной массы должника денежных средств для приобретения лекарств, в том числе выписка из карты, перечень лекарств, необходимых должнику для ежедневного приема, являющиеся медицинскими документами, справка о нетрудоспособности; между тем каких-либо возражений относительно представленных документов и содержащейся в них информации, заявлений о фальсификации, ходатайств о назначении медицинской экспертизы участвующими в деле лицами не представлено.

Оспаривать сделки гражданина

Закон о банкротстве предоставляет право оспаривания как сделок, так и действий гражданина по их исполнению.

Правом оспаривания сделок обладают как отдельный кредитор, так и несколько кредиторов, если общий размер их требований (или требования одного лица) составляет более 10% от размера включенных в реестр требований кредиторов должника.

Положения Закона о банкротстве, предусматривающие право оспаривания сделок должника конкурсными кредиторами, обладающими относительно небольшим размером требований к должнику, направлены на самостоятельную защиту ими своих законных интересов, в том числе в случае недобросовестного поведения конкурсного управляющего, уклоняющегося от совершения таких действий.

При этом установленный Законом о банкротстве 10%-ный предел служит лишь ограничением для чрезмерного и несогласованного оспаривания сделок миноритарными кредиторами, которое может нарушить баланс интересов участвующих в деле о банкротстве лиц, привести к затягиванию процедуры банкротства и увеличению текущих расходов.

Возможность объединения требований нескольких кредиторов для достижения общих целей (признания незаконной сделки должника недействительной, пополнения конкурсной массы, максимального пропорционального погашения требований всех кредиторов) отвечает целям конкурсного производства и способствует эффективному восстановлению их нарушенных прав.

Иной подход в подобной ситуации противоречит законодательному регулированию соответствующих правоотношений и ограничивает права добросовестных участников дела о банкротстве на судебную защиту (*определение СКЭС ВС РФ от 10.05.16 № 304-ЭС15-17156, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.06.22 по делу № А76-12442/2019*).

Признание недействительными сделок физических лиц возможно как по основаниям, предусмотренным гражданским и семейным законодательством, так и по специальным правилам оспаривания по главе III.1 Закона о банкротстве с учетом особенностей, установленных статьей 213.32 этого закона.

Следует учитывать, что абзац второй пункта 7 статьи 213.9 и пункты 1 и 2 статьи 213.32 Закона о банкротстве применяются к совершенным с 1 октября 2015 года сделкам граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Сделки указанных физических лиц, совершенные до этого времени с целью причинить вред кредиторам, могут быть признаны недействительными на основании статьи 10 ГК РФ по требованию финансового управляющего или конкурсного кредитора (уполномоченного органа) в порядке, предусмотренном пунктами 3–5 статьи 213.32 Закона о банкротстве.

Недействительными сделками при банкротстве являются:

- сделка, совершенная при неравноценном встречном исполнении;
- сделка, совершенная с целью причинения вреда;
- сделка, влекущая за собой оказание предпочтения одному из кредиторов.

Чаще всего в делах о банкротстве граждан оспариваются сделки с имуществом, оформленные договором дарения.

Практика оспаривания сделок граждан весьма обширна.

Отметим, что право на оспаривание сделок у финансового управляющего появляется уже в первой процедуре — реструктуризации долгов.

Оспаривать произведенный раздел имущества супругов

Если супруги в преддверии банкротства разделили имущество, оставив при этом долг на будущем банкроте, кредиторы вправе оспорить такой раздел в общем исковом порядке.

... Например, в одном случае гражданин за два года до возбуждения дела о своем банкротстве в судебном порядке произвел раздел имущества с супругой, который был оформлен мировым соглашением. По данному делу супруге отошло

все недвижимое имущество, приобретенное в браке, а гражданин остался с долгами и без активов.

В процедуре банкротства, спустя три года после утверждения мирового соглашения, финансовый управляющий и один из кредиторов подали частные жалобы на определение о его утверждении с ходатайством о восстановлении пропущенного срока, мотивировав его следующим образом.

Мировое соглашение обладает как материальной, так и процессуальной природой. Мировое соглашение — это в том числе и гражданско-правовая сделка, которая может быть признана недействительной на основании пункта 1 статьи 213.32 Закона о банкротстве как совершенная с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. При этом оспаривание мирового соглашения допускается исключительно в виде обжалования судебного акта, которым оно утверждено (абзац второй подпункта 7 пункта 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“»).

Действующая в настоящее время редакция абзаца второго подпункта 7 пункта 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63 содержит следующую правовую позицию: «Если конкурсные кредиторы или уполномоченные органы полагают, что их права и законные интересы нарушены мировым соглашением, утвержденным судом по другому делу в исковом процессе, в частности если такое соглашение обладает признаками, указанными в статьях 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве, то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать определение об утверждении такого мирового соглашения».

Как видно из мирового соглашения, его стороны разделили именно имущество, приобретенное после получения крупных займов от конкурсных кредиторов. Ни до получения займов, ни спустя значительное время после должник не приобретал такое количество недвижимого имущества и не делил его с бывшей супругой. И именно то имущество, которое было приобретено на заемные средства, было разделено между супругами. Таким образом, они вывели наиболее ликвидное имущество из конкурсной массы накануне банкротства, оставив долговые обязательства на должнике. Кроме того, имущество было разделено таким образом, чтобы максимально понизить его рыночную цену. В нормальном случае помещения и нежилые участки в случае их множественности разделяются пообъектно, в рассматриваемом же деле бывшие супруги разделили каждый объект недвижимого имущества на доли, что значительно уменьшает его рыночную стоимость при продаже на торгах при банкротстве.

ВС РФ, даже признавая долговые обязательства личными, а не общими, исходит из того, что супруг, на котором остались долговые обязательства при разделе имущества, должен получить компенсацию: «Возникшие в период брака

обязательства по кредитным договорам, обязанности исполнения которых после прекращения брака лежат на одном из бывших супругов, могут быть компенсированы супругу путем передачи ему в собственность соответствующей части имущества сверх полагающейся ему по закону доли в совместно нажитом имуществе. При отсутствии такого имущества супруг-заемщик вправе требовать от второго супруга компенсации соответствующей доли фактически произведенных им выплат по кредитному договору. Иное противоречило бы положениям пункта 3 статьи 39 СК РФ и повлекло наступление для другого супруга заведомо неблагоприятных последствий в части срока исполнения денежного обязательства» (определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 01.03.16 № 75-КГ15-12).

Таким образом, совокупность фактов (раздел между бывшими супругами имущества, приобретенного после получения займов, оставление долговых обязательств при этом на одном супруге, который в настоящее время находится в процедуре банкротства, безо всякой компенсации, раздел имущества таким образом, чтобы максимально снизить его рыночную стоимость) свидетельствует о том, что имело место злоупотребление правом с целью причинить вред кредиторам (статья 10 ГК РФ).

Апелляционный суд восстановил финансовому управляющему и кредитору срок на предъявление частных жалоб и отменил определение об утверждении мирового соглашения (*апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.20 по делу № 2-1679/2015*, оставлено в силе определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.06.20 и определением ВС РФ от 28.08.20 № 5-КФ20-1931-К2).

Оспаривать алиментные соглашения, если размер алиментов явно превышает доход должника

Рассматривая споры, связанные с уплатой алиментов, суды в первую очередь исходят из того, что материнство и детство находятся под защитой государства (часть 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации) и одним из основных начал семейного законодательства Российской Федерации как социального государства является обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи (статья 1 СК РФ).

Семейное законодательство закрепляет право ребенка на получение содержания от своих родителей и корреспондирующую этому праву обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно. Родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) в соответствии с главой 16 СК РФ.

Согласно положениям пунктов 1 и 2 статьи 83 СК РФ при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов на несовершеннолетних детей и в случаях, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо если этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, если взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме; размер твердой денежной суммы определяется судом исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Исходя из разъяснений, изложенных в пункте 13 постановления Пленума ВС РФ от 26.12.17 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», с учетом положений пункта 2 статьи 117 СК РФ при установлении размера алиментов, подлежащих взысканию в твердой денежной сумме, судам следует исходить из действующей на день вынесения решения суда величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты, а при отсутствии указанной величины — величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения в целом по Российской Федерации.

С учетом положений статей 1–3 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», а также равной обязанности родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей установление судом алиментов, подлежащих взысканию с одного из родителей ребенка, в размере менее половины соответствующей величины прожиточного минимума для детей может иметь место в случае, когда материальное и (или) семейное положение плательщика алиментов либо иные заслуживающие внимания обстоятельства объективно не позволяют произвести с него взыскание алиментов в размере половины соответствующей величины прожиточного минимума для детей (пункт 27 вышеназванного постановления Пленума ВС РФ от 26.12.17 № 56).

Согласно статье 99 СК РФ под соглашением об уплате алиментов понимается соглашение между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем относительно размера, условий и порядка выплаты алиментов. Размер алиментов, уплачиваемых по соглашению на несовершеннолетних детей, не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получать по решению суда (пункт 2 статьи 103 СК РФ). Если соглашение об уплате алиментов

нарушает интересы получателя, оно может быть признано недействительным в судебном порядке.

В соответствии с пунктом 1 статьи 81 СК РФ при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка — одной четверти, на двух детей — одной трети, на трех и более детей — половины заработка и (или) иного дохода родителей. Таким образом, законодатель определил минимальный размер алиментов, подлежащих выплате в пользу несовершеннолетнего лица.

Действующее семейное законодательство Российской Федерации не устанавливает запрет на заключение соглашения об алиментах при наличии у плательщика алиментов признаков неплатежеспособности и кредиторской задолженности, а также не ставит в зависимость его заключение от указанных обстоятельств. Напротив, в случае банкротства такого лица требование о взыскании алиментов обладает преференцией перед иными требованиями кредиторов (пункты 2, 3 статьи 213.27 Закона о банкротстве).

Вместе с тем, в отличие от обычных условий, в ситуации несостоятельности обязанного к уплате алиментов лица существенное превышение размера алиментов относительно доли от дохода, которая подлежала бы уплате по закону (статья 81 СК РФ), может вызывать у кредиторов должника обоснованные претензии, поскольку от объема первоочередных платежей зависит удовлетворение их требований в процедуре банкротства (*определение СКЭС ВС РФ от 02.08.18 № 305-ЭС18-1570*).

Действительно, особенность подобного спора состоит в том, что интересам кредитора в возврате долга противопоставляются интересы ребенка как кредитора должника по алиментному соглашению. Таким образом, разрешая вопрос о допустимости оспаривания данного соглашения, необходимо соотнести две правовые ценности: права детей на уровень жизни, необходимый для их физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития, с одной стороны, и право кредитора по гражданско-правовому обязательству получить от должника надлежащее исполнение, с другой стороны, — и установить между названными ценностями баланс.

В соответствии с пунктом 12 постановления Пленума ВС РФ № 48 внесудебное соглашение об уплате алиментов может быть признано недействительным по заявлению финансового управляющего, кредиторов должника, чьи требования признаны арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, обоснованными и по размеру отвечают критерию, указанному в пункте 1 статьи 213.32 Закона о банкротстве, в той части, в которой предоставление, причитающееся получателю алиментов, превосходит его разумно достаточные потребности, чем причиняется ущерб интересам иных кредиторов (статья 61.2 Закона о банкротстве, статьи 10 и 168, 170 ГК РФ). Разрешая вопрос о недействительности соглашения об уплате алиментов по основаниям, связанным с нарушением этим соглашением прав и законных

интересов кредиторов, арбитражный суд проверяет, была ли направлена сделка на достижение противоправных целей в момент ее совершения.

Для квалификации такой сделки в качестве недействительной необходимо установить, что согласованный (бывшими) супругами размер алиментов носил явно завышенный и чрезмерный характер, чем был причинен вред иным кредиторам гражданина. При этом необходимо исходить не из относительного (процентного) показателя согласованного сторонами размера алиментов, а из абсолютной величины денежных средств, выделенных ребенку (для чего необходимо установить уровень доходов плательщика алиментов). В случае если такая сумма явно превышает разумно достаточные потребности ребенка в материальном содержании, то соглашение может быть признано недействительным в части такого превышения, но в любом случае с сохранением в силе соглашения в той части, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке (статья 81 СК РФ). Если же признак явного превышения размером алиментов уровня, достаточного для удовлетворения разумных потребностей ребенка, не доказан, то такое соглашение не может быть квалифицировано в качестве причиняющего вред остальным кредиторам должника (*определение СКЭС ВС РФ от 27.10.17 № 310-ЭС17-9405(1,2)*).

Кредитор вправе возражать против исключения алиментов из конкурсной массы, оспаривать данную сделку должника, сославшись на следующие обстоятельства:

- доход должника явно меньше размера алиментов либо вовсе отсутствует, то есть сделка заведомо неисполнимая;

- сделка заключена после возникновения обязательств перед кредитором, при наличии просроченной задолженности, а значит, цель ее заключения — причинение вреда кредиторам.

Взыскивать дебиторскую задолженность

В силу норм пункта 6 статьи 213.25 Закона о банкротстве финансовый управляющий в ходе реализации имущества гражданина от имени гражданина ведет в судах дела, касающиеся имущественных прав гражданина, в том числе об истребовании или о передаче имущества гражданина либо в пользу гражданина, о взыскании задолженности третьих лиц перед гражданином. Гражданин также вправе лично участвовать в таких делах.

В случае наличия у должника дебиторской задолженности кредитор вправе направить управляющему требование о ее взыскании в принудительном порядке. Финансовый управляющий несет ответственность за уклонение от исполнения своих обязанностей. Кредитор самостоятельно не может выступать истцом по иску о взыскании такой задолженности.

Направление 4. Участие в оценке и реализации конкурсной массы

Что сказано в законе?

Реализация конкурсной массы должника является одной из важнейших задач в деле о банкротстве в целях максимально возможного удовлетворения требований кредиторов.

По общему правилу, направленному на минимизацию расходов в деле о банкротстве, оценка стоимости активов гражданина (не находящихся в залоге) проводится финансовым управляющим и оформляется в виде письменного решения (пункт 2 статьи 213.26 Закона о банкротстве).

В соответствии с пунктом 1 статьи 213.26 Закона о банкротстве положение о порядке, об условиях и о сроках реализации имущества гражданина-должника, не являющегося индивидуальным предпринимателем и не имевшего этого статуса ранее, утверждается судом, рассматривающим дело о банкротстве, на основании соответствующего ходатайства финансового управляющего. Данное положение должно соответствовать правилам продажи имущества должника, установленным статьями 110, 111, 112, 139 и 140 Закона о банкротстве.

Как уже было отмечено выше, в силу пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам, предусмотренным названной статьей. А супруг (бывший супруг) участвует в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества.

Как правило, продажа имущества должника осуществляется путем последовательного проведения первоначальных и повторных открытых торгов в форме аукциона и торгов посредством публичного предложения до выявления победителя, предложившего наиболее высокую цену за продаваемое имущество.

Имущество стоимостью менее 100 000 рублей может быть продано без организации электронных торгов.

Что происходит на практике?

Как уже было отмечено, по результатам проведенной оценки финансовым управляющим составляется решение. Зачастую такой документ укладывается в одну страницу.

Между тем, хотя форма такого решения законодательством не установлена, судебная практика (см. рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа по итогам заседания 22–23 сентября 2016 года (г. Вологда), *постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.19 по делу № А56-97476/2017ж.1*) исходит из того, что оно должно соответствовать существующим федеральным стандартам оценки (например, Федеральным стандартам оценки «Общие

понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки» (ФСО № 1), «Цель оценки и виды стоимости» (ФСО № 2), «Требования к отчету об оценке» (ФСО № 3) и другим). Согласно Единой программе подготовки арбитражных управляющих, утвержденной приказом Федеральной регистрационной службы от 11.02.05 № 12, арбитражный управляющий должен обладать комплексными знаниями в области гражданского, налогового, трудового и уголовного права, гражданского, арбитражного и уголовного процесса, бухгалтерского учета и финансового анализа, оценочной деятельности и менеджмента для осуществления деятельности в качестве арбитражного управляющего.

Закон о банкротстве в своих положениях о реализации имущества должника использует термин «рыночная стоимость», а потому для ее определения необходимо руководствоваться нормами Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон об оценочной деятельности) и названными стандартами. Результат определения рыночной стоимости оформляется в виде письменного отчета.

Судебная практика рассмотрения заявлений об оспаривании результатов оценки имущества гражданина исходит из того, что при проведении оценки стоимости имущества арбитражный управляющий должен руководствоваться рыночными ценами и действующими стандартами оценки.

••• Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 07.06.17 по делу № А56-71670/2015 указал, что «определение рыночной стоимости финансовым управляющим не подтверждено в порядке статей 67, 68 АПК РФ.

Опись движимого имущества, составленная финансовым управляющим, не содержит собственно подробного описания каждой вещи, позволяющего сопоставить выявленные предметы и подвергнутые оценке, а также не проведена идентификация имущества (в случаях с техникой, тренажерами, мебелью и т. д. — марки и наименования).

Указанные пробелы не восполнены в оценочном отчете, что не позволяет проверить определение цены финансовым управляющим, заявленной как рыночная. Оценочное заключение, им составленное, не содержит информации (в том числе с интернет-сайтов) о сравнительных аналогах, в ряде описаний материалы указаны с долей вероятности, что влияет как на оценку, так и на формирование потребительского спроса».

••• В постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.22 по делу № А56-78191/2021/искл.1 сказано следующее: «При рассмотрении заявления финансового управляющего суд первой инстанции, оценив представленное им доказательство — самостоятельно составленное решение об оценке земельного участка, пришел к выводу о том, что данный

документ с достоверностью не подтверждает заявленную стоимость рассматриваемого имущества, поскольку не является достаточно аргументированным.

Суд апелляционной инстанции соглашается с данной судом оценкой представленному финансовым управляющим доказательству, поскольку, несмотря на то что правовые нормы о банкротстве гражданина (пункт 2 статьи 213.26 Закона о банкротстве) не обязывают финансового управляющего проводить оценку имущества должника с привлечением оценщика, вместе с тем представленное в дело решение об оценке должно соответствовать стандартам оценки, в то время как решение финансового управляющего об оценке имущества от 01.03.22 не содержит исследовательской части с указанием метода оценки, сравнительных аналогов, источников первичной информации, что не позволяет проверить определение цены участка, заявленной финансовым управляющим в рассматриваемом решении.

Таким образом, в нарушение требований абзаца третьего статьи 11 Закона об оценочной деятельности представленное в дело решение об оценке имущества не содержит сведений, необходимых для полного и недвусмысленного толкования результатов проведения оценки, позволяющих установить основания для сделанного финансовым управляющим вывода о цене имущества в сумме 10 000 рублей».

В постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.08.22 по делу № А66-16657/2018 изложена та же позиция.

... Приходя к аналогичным выводам, *Шестой арбитражный апелляционный суд в постановлении от 27.08.21 по делу № А37-1860/2020* дополнительно обращает внимание на то, что «для формирования цены в отношении имущества должника, продаваемого для целей максимальной выгоды, определяющей полноту удовлетворения требований кредиторов и тем самым — исполнение обязательств должником, что влияет на его дальнейшую судьбу, финансовый управляющий должен использовать федеральные стандарты оценки».

... Если предметом оценки являлись имущественные права должника в уставных капиталах организаций, финансовым управляющим должны быть представлены доказательства соответствия результатов оценки Порядку определения стоимости чистых активов, утвержденному приказом Министерства финансов Российской Федерации от 28.08.14 № 84н. Между тем в рассматриваемом деле такие доказательства отсутствуют.

Согласно абзацу третьему статьи 11 Закона об оценочной деятельности (в редакции от 03.07.16, с изменениями от 05.07.16) отчет не должен допускать неоднозначного толкования или вводить в заблуждение. В отчете в обязательном

порядке указываются дата проведения оценки объекта оценки, используемые стандарты оценки, цели и задачи проведения оценки, а также иные сведения, необходимые для полного и недвусмысленного толкования результатов проведения оценки объекта оценки, отраженных в отчете.

Требованиям о содержании отчета об оценке (с учетом особенностей выполнения не профессиональным оценщиком, но лицом, обязанным руководствоваться нормативными требованиями), содержащимся в статье 11 Закона об оценочной деятельности, отчет финансового управляющего об оценке имущества не отвечает.

Для формирования цены в отношении имущества должника, продаваемого для целей максимальной выгоды, определяющей полноту удовлетворения требований кредиторов и тем самым — исполнение обязательств должником, что влияет на его дальнейшую судьбу, финансовый управляющий должен использовать федеральные стандарты оценки.

Таким образом, является правильным вывод суда первой инстанции о том, что в нарушение требований абзаца третьего статьи 11 Закона об оценочной деятельности отчет об оценке имущества не содержит сведений, необходимых для полного и недвусмысленного толкования результатов проведения оценки (*постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.04.19 по делу № А76-8487/2017*).

На случай, когда финансовый управляющий вынужден привлекать независимую экспертную организацию, несмотря на предполагаемую законодательством осведомленность в вопросах самостоятельного определения стоимости имущества должника (например, если необходимо установить рыночную цену имеющихся у должника долей его участия в коммерческих обществах и акций, то есть фактически провести оценку бизнеса, которую обычно выполняют квалифицированные специалисты), в Законе о банкротстве имеется пункт 6 статьи 213.9. Согласно его положениям финансовый управляющий вправе привлекать за счет имущества должника других лиц в целях обеспечения осуществления своих полномочий только на основании определения арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина.

Однако имеется отрицательная судебная практика по отклонению подобных ходатайств.

... Например, *постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 01.12.20 по делу № А49-17400/2017 (определением ВС РФ от 17.03.21 № 306-ЭС21-1229 судебный акт оставлен в силе)* отказано в привлечении профессионального оценщика для исполнения возложенных на финансового управляющего обязанностей за счет имущества должника (40 объектов недвижимости, в том числе 39 земельных участков), поскольку не представлено доказательств того, что кредиторы должника, сам должник дали согласие на

финансирование расходов, связанных с привлечением организации-оценщика. Законодательство о банкротстве гражданина не предусматривает обязательного привлечения оценщика для определения стоимости имущества должника, в том числе обремененного залогом.

... В другом случае, отказывая в удовлетворении заявления финансового управляющего, суды исходили из непредставления заявителем доказательств, подтверждающих невозможность достижения предусмотренных законом целей проводимой в отношении гражданина-должника процедуры банкротства без привлечения специалистов и невозможность выполнения соответствующих функций самостоятельно, кроме того, сослались на отсутствие согласия должника либо кредиторов на оплату услуг привлеченного лица (*постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.12.20 по делу № А40-291728/2018*).

... Третий арбитражный апелляционный суд в постановлении от 19.04.22 по делу № А33-17983/2017 указал следующее: «Арбитражный управляющий... в силу действующего законодательства и членства в саморегулируемой организации является лицом, обладающим специальными знаниями в том объеме, который необходим для полноценного проведения любых процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве), поскольку самостоятельность осуществления процедур арбитражным управляющим презюмируется Законом о банкротстве.

При утверждении финансовым управляющим общества... арбитражный суд установил соответствие данной кандидатуры требованиям законодательства о банкротстве.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что управляющий самостоятельно способен дать юридическую оценку фактическим обстоятельствам дела».

Суды в ряде случаев принимают в качестве надлежащих доказательств сведения с сайтов «Авито», «Авто.ру» и т. п. Предоставление в качестве надлежащих доказательств сведений, содержащихся на интернет-сайтах, на которых реализуется аналогичное имущество, по определению рыночной стоимости оспариваемого имущества подтверждается судебной практикой: *постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.20 по делу № А56-84331/2015 (постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.09.20 данное постановление оставлено без изменения), Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.05.19 по делу № А07-8089/2017, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.07.21 по делу № А53-40693/2018, Арбитражного суда Московского округа от 26.02.19 по*

делу № А40-80559/2016, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.04.22 по делу № А21-5682/2018.

На практике зачастую кредиторы и должник сталкиваются с тем, что по результатам проведенной оценки цена продажи имущества является заниженной или завышенной.

Что делать?

Провести собрание кредиторов и принять решение о привлечении оценщика

Проведение оценки имущества в процедуре банкротства гражданина отнесено специальными нормами законодательства о банкротстве к компетенции финансового управляющего.

Закон о банкротстве не предусматривает обязанности финансового управляющего привлекать профессиональную оценочную организацию для определения стоимости имущества гражданина. Исключением является единственный случай, оговоренный в абзаце втором пункта 2 статьи 213.26 Закона о банкротстве, когда собрание кредиторов приняло решение о проведении оценки имущества гражданина, части этого имущества, включенных в конкурсную массу в соответствии с названным законом, с привлечением оценщика и оплатой расходов на проведение данной оценки за счет лиц, голосовавших за принятие соответствующего решения.

При данном способе решения проблемы на кредитора ложатся дополнительные расходы, которые следует соотносить с возможной выручкой от реализации активов.

Оспаривать результаты оценки, ходатайствовать о проведении экспертизы стоимости имущества должника либо представить свое внесудебное заключение

Проведенная управляющим оценка может быть оспорена гражданином, кредиторами, уполномоченным органом в деле о банкротстве гражданина (абзац первый пункта 2 статьи 213.26 Закона о банкротстве).

Реализация активов должника, включенных в конкурсную массу, по существенно и необоснованно заниженной цене не может считаться и быть признана надлежащим исполнением финансовым управляющим мероприятий процедуры банкротства и может нарушать как права конкурсных кредиторов, так и права самого должника: например, первых на полное удовлетворение своих требований, а второго — на прекращение банкротства в связи с полным расчетом и получением материального остатка (если вырученных средств поступит больше, чем размер предъявленных к должнику требований и судебных расходов по делу о банкротстве).

В соответствии с частью 1 статьи 82 АПК РФ для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле. В случае, если назначение экспертизы предписано законом или предусмотрено договором либо необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства либо если необходимо проведение дополнительной или повторной экспертизы, арбитражный суд может назначить экспертизу по своей инициативе.

Таким образом, для защиты своих прав кредиторы и должник могут обратиться в суд с ходатайством о назначении экспертизы рыночной стоимости имущества. Кроме того, можно представить в дело проведенную внесудебную оценку активов.

Анализ практики показал, что суд также может осуществить проверку обоснованности установленной финансовым управляющим цены продажи.

... Так, согласно материалам дела единственным ликвидным активом должника является дебиторская задолженность, между тем финансовый управляющий оценил данный актив существенно ниже номинальной цены, без объяснения в положении о продаже дебиторской задолженности объективных оснований для определения такой цены. Суд кассационной инстанции указал, что подобное обстоятельство должно было вызвать у суда сомнения в достоверности оценки и послужить поводом для дополнительной проверки ее обоснованности при завершении процедуры (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.11.21 по делу № А56-85522/2019*).

По поводу разногласий в части цены продажи имущества существует также мнение, что они нивелируются результатами торгов, которыми, собственно, и выявляется реальная рыночная стоимость имущества должника (*постановления Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.03.21 по делу № А33-21574/2019, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.02.21 по делу № А75-562/2018*).

Следует учитывать позицию, приведенную в *определении СКЭС ВС РФ от 04.06.20 № 306-ЭС19-22343* (включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2020), утвержденный Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года), согласно которой экспертная оценка доли не может корректно отображать рыночную стоимость имущества, поскольку она имеет предварительный, предположительный характер. Ее результат в идеале менее достоверен, чем цена, определенная по факту по результатам открытых торгов, то есть собственно рынка как такового. Применение оценочной цены не решает проблему несовершенства методик оценки, качества используемых исходных данных, субъективного фактора в оценке стоимости имущества или возможных злоупотреблений, связанных как с завышением, так и с занижением цены.

Возражать против предложенного порядка реализации имущества

Анализ практики показал, что возражения против положения о продаже имущества чаще всего касаются заниженной или завышенной стоимости (о защите прав в этой части сказано выше), а также цены отсечения.

Согласно пункту 4 статьи 139 Закона о банкротстве в случае, если повторные торги по продаже имущества должника признаны несостоявшимися или договор купли-продажи не был заключен с их единственным участником, а также в случае незаключения договора купли-продажи по результатам повторных торгов продаваемое на торгах имущество должника подлежит продаже посредством публичного предложения.

Основной целью торгов посредством публичного предложения является скорейшая реализация имущества должника, но при этом данный этап предполагает его продажу в условиях низкого потребительского спроса и интереса в его приобретении.

Цена отсечения — минимальная цена продажи имущества при его продаже путем публичного предложения. Единого нормативного регулирования ее установления в настоящий момент не существует.

Несмотря на то что в Законе о банкротстве отсутствует такое понятие, как цена отсечения, при определении порядка реализации имущества должника необходимо исходить из принципов целесообразности и разумности, а также помнить, что основная цель проведения торгов — получение максимально возможной выручки от продажи имущества должника.

Следует учитывать, что отчуждение имущества должника по цене, приближенной к нулевой, при длительном проведении таких торгов и последовательном снижении цены без определения нижнего предела противоречит требованиям закона, такие условия проведения торгов не позволяют обеспечить соблюдение баланса интересов конкурсных кредиторов должника и самого должника (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.11.17 по делу № А21-9280/2015*).

При этом установление необоснованно высокой цены отсечения может привести к прерыванию процедуры продажи имущества посредством публичного предложения и возникновению неопределенности относительно дальнейшей продажи, необходимости изменения и дополнения ранее согласованного порядка и условий проведения торгов по реализации объектов, что, в свою очередь, повлечет дополнительные текущие расходы (*постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.08.18 по делу № А55-12436/2014*).

Кредиторам следует учитывать, что нормой пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве супругу (бывшему супругу) предоставлено право участвовать в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества, о чем подробно указано выше.

Механизмы защиты прав кредиторов в такой ситуации подробно рассмотрим далее.

Направление 5. Признание долга перед кредитором общим обязательством супругов

Что сказано в законе?

Как уже было отмечено, супруг (бывший супруг) должника в силу норм пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве имеет право на часть средств от реализации их общего имущества.

Разъяснениями пунктов 7, 8, 9 постановления № 48 не предусмотрено права лиц, участвующих в деле о банкротстве, заявлять о разделе имущества супругов в рамках арбитражного дела о банкротстве, такое право остается исключительно за супругами и реализуется посредством обращения в суд общей юрисдикции в порядке пункта 3 статьи 38 СК РФ. Однако кредитор вправе обратиться в суд в рамках дела о банкротстве с заявлением о признании долгов перед ним общим обязательством супругов.

Вопрос о признании обязательства общим разрешается арбитражным судом в деле о банкротстве по ходатайству кредитора при установлении его требований (пункт 2 статьи 213.8, пункт 4 статьи 213.19, пункт 4 статьи 213.24 Закона о банкротстве). К участию в таком обособленном споре привлекается супруг должника, который обладает правами ответчика. Если кредитор, заявляя в деле о банкротстве требование, не ссылаясь на наличие общего обязательства супругов, вследствие чего арбитражный суд установил требование как личное, то впоследствии такой кредитор вправе обратиться с заявлением о признании его требования общим обязательством супругов. Соответствующее заявление подлежит рассмотрению по правилам пункта 1 статьи 60 Закона о банкротстве с участием супруга должника.

Обращаем внимание кредиторов, что законодательно срок на обращение с таким требованием не установлен.

Что происходит на практике?

Практика применения указанных норм в настоящее время различная, единого мнения у судов нет, в каждом отдельном случае они исходят из конкретных обстоятельств дела (см., например: *определение ВС РФ от 18.06.21 № 305-ЭС18-15813(5)*).

Что делать?

Заявляя о включении требования в реестр либо в любой момент до завершения/прекращения процедуры банкротства, нужно также заявить о признании долгов совместным обязательством супругов.

При этом можно ссылаться на следующие нормы права и обстоятельства.

По смыслу статьи 35 СК РФ, пункта 2 статьи 253 ГК РФ при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом, не требующей государственной регистрации, он действует с согласия другого супруга. Это

означает, что супруг, совершающий сделку, не обязан представлять доказательства того, что другой супруг выразил согласие на ее совершение. То есть действующее законодательство исходит из презумпции согласия супругов при владении, пользовании и распоряжении общим имуществом, в том числе и при заключении договора, на основании которого возникла кредиторская задолженность.

Поскольку режим общности имущества супругов законодательно презюмируется, бремя доказывания того факта, что имущество (денежные средства), полученное по обязательствам одним из супругов, было потрачено не на нужды семьи, является обязанностью возражающего супруга.

В соответствии с пунктом 1 статьи 39 СК РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

Как мы уже отмечали ранее, согласно положениям статьи 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

Собственность супругов может быть разделена на активную (имущество) и пассивную (долги) части. Долги являются следствием определенных обязательств, которые супруги (один из супругов) берут на себя.

То есть долги, произведенные одним из супругов в период брака, являются общими долгами супругов, так же как и имущество, приобретенное супругами во время брака за счет заемных денежных средств, является их совместной собственностью, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено.

В Обобщении судебной практики рассмотрения мировыми судьями споров о разделе имущества между супругами от 18 ноября 2016 года (подготовлено Липецким областным судом) указано: «Из содержания пункта 2 статьи 45 СК РФ следует, что общие обязательства (долги) супругов — те, которые возникли по инициативе супругов в интересах всей семьи, или обязательства одного из супругов, по которым все полученное им было использовано на нужды семьи (например, кредит, взятый супругами в банке на строительство дома, приобретение квартиры; договор займа, где заемщик — один из супругов, но полученные деньги потрачены на покупку автомашины для семьи). Общий долг может быть результатом совместного причинения супругами вреда третьим лицам (статья 1080 ГК РФ)».

В силу пункта 1 статьи 45 СК РФ, предусматривающего, что по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, допускается существование у каждого из супругов собственных обязательств. При этом согласно пункту 3 статьи 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для иных лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц).

Следовательно, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из пункта 2 статьи 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

Исходя из положений приведенных выше правовых норм, для распределения долга в соответствии с пунктом 3 статьи 39 СК РФ обязательство должно являться общим, то есть возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи, либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи.

Учитывая изложенное, можно сослаться на следующие обстоятельства:

а) денежные средства, полученные от кредитора, истрачены на нужды семьи (например, приобретение недвижимости, образование второго супруга, не являющегося банкротом, и т. д.);

б) второй супруг не работает, официального дохода не имеет, либо его (ее) доход существенно ниже, чем у гражданина-должника;

в) согласование действий супругов по выводу совместно нажитых активов (при наличии таковых) и т. п.

После получения определения о признании долгов совместными можно обращаться взыскание на имущество супруга, в том числе путем инициации в отношении него дела о банкротстве.

В силу норм статьи 323 ГК РФ при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга. Согласно абзацу второму пункта 2 статьи 323 ГК РФ солидарные должники-супруги остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью (абзац третий пункта 6 постановления Пленума ВС РФ № 48).

Пунктом 2 статьи 45 СК РФ установлено, что взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи. При недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность имуществом каждого из них.

Анализ практики показал, что взыскание задолженности с солидарного супруга не должно производиться в исковом порядке вне рамок дела о банкротстве. Решение суда общей юрисдикции о взыскании задолженности с должника и определение арбитражного суда о признании ранее взысканной задолженности общим обязательством супругов сами по себе являются судебными актами, подтверждающими солидарное требование.

Как указано в пункте 1 статьи 213.5 Закона о банкротстве, заявление о признании гражданина банкротом может быть подано конкурсным кредитором или уполномоченным органом при наличии решения суда, вступившего в

законную силу и подтверждающего требования кредиторов по денежным обязательствам, за исключением случаев, указанных в пункте 2 этой статьи.

Норма права толкуется судом исходя из ее существа и целей законодательного регулирования, то есть суд принимает во внимание не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но и цели, которые преследовал законодатель, устанавливая соответствующее правило.

Предусмотренное пунктом 2 статьи 7, пунктом 1 статьи 213.5 Закона о банкротстве правило о предоставлении кредитором решения суда, вступившего в законную силу и подтверждающего его требование, направлено на обеспечение разумного баланса интересов сторон, с тем чтобы инициирование в отношении должника процедуры несостоятельности допускалось лишь при бесспорности притязания кредитора на получение с должника денежного долга.

Таким образом, с учетом существа судебных актов, которыми, во-первых, подтверждено требование кредитора к супругу-должнику, во-вторых, установлено, что это требование распространяется на обоих супругов, считается, что кредитором соблюдены установленные пунктом 1 статьи 213.5 Закона о банкротстве условия, имеющие правовое значение для целей рассмотрения по существу его требования о признании второго супруга банкротом (*постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.11.19 по делу № А60-34944/2018, определением ВС РФ от 26.02.20 № 309-ЭС20-71(2) в передаче дела в СКЭС ВС РФ отказано*).

Кроме того, согласно частям 2 и 3 статьи 69 АПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда или суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица. Аналогичная норма есть и в ГПК РФ. То есть повторное взыскание задолженности в суде общей юрисдикции не требуется в силу достаточного наличия судебных актов.

Взыскание с солидарного супруга общей задолженности хотя и не является обязательным, но может быть произведено в рамках дела о банкротстве супруга-должника одновременно с признанием долгов общими (*постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26.11.20 по делу № А19-6562/2019, постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.02.21* данное постановление оставлено без изменения).

Возбудив дело о банкротстве супруга, продолжаем работу по взысканию задолженности и пополнению конкурсной массы уже рассмотренными способами.

Направление 6. Взаимодействие с финансовым управляющим

Что сказано в законе?

На арбитражного (финансового) управляющего законодательством возложен большой круг обязанностей, надлежащее исполнение которых должно привести к удовлетворению требований кредиторов.

Согласно пункту 2 статьи 20.3 Закона о банкротстве основными обязанностями арбитражного управляющего в процедурах банкротства являются:

- принятие мер по выявлению и обеспечению сохранности имущества должника;
- проведение анализа финансового состояния должника;
- ведение реестра требований кредиторов должника;
- предоставление собранию кредиторов информации о ходе процедуры банкротства и проведенных мероприятиях;
- разумное и обоснованное осуществление расходов, связанных с исполнением возложенных на него обязанностей;
- выявление признаков преднамеренного или фиктивного банкротства должника;
- выявление подозрительных сделок должника, подлежащих оспариванию;
- принятие мер, направленных на формирование конкурсной массы (выявление и взыскание дебиторской задолженности, оспаривание сделок);
- проведение расчетов с кредиторами в порядке, установленном законодательством.

При проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества (пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве).

При этом арбитражный управляющий несет ответственность в соответствии с нормами действующего законодательства в следующих видах:

- признание его действий (бездействия) незаконными (пункт 3 статьи 60 Закона о банкротстве);
- отстранение его от исполнения возложенных обязанностей (пункт 1 статьи 20.4 Закона о банкротстве);
- взыскание с него убытков (пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве);
- административная ответственность в виде штрафа или дисквалификация (части 3 и 3.1 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; далее — КоАП РФ);
- уголовная (статья 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, иные составы).

Что происходит на практике?

Зачастую в делах о банкротстве прослеживается заинтересованность финансового управляющего по отношению к должнику или заявившему его кандидатуру кредитору.

Кроме того, нередко ситуации, когда управляющий, являясь независимым, действует пассивно, выполняя минимальный набор обязанностей.

Что делать?

Как показала практика, в процедурах банкротства гражданина для наиболее эффективного разрешения возникающих вопросов должник, кредиторы и финансовый управляющий должны действовать совместно.

Сотрудничать

Так, эффективным будет предоставление управляющему информации о возможном имуществе должника, сделках, если таковая имеется у кредитора.

Кредитор вправе направить управляющему письмо с просьбой (или требованием) о совершении дополнительных действий, нацеленных на пополнение конкурсной массы, например о направлении дополнительных запросов в госорганы, об оспаривании конкретной сделки и т. п.

В случае игнорирования управляющим таких просьб, откровенного бездействия кредитор вправе защищать свои права путем:

- признания действий управляющего незаконными;
- отстранения управляющего;
- взыскания с него убытков;
- привлечения управляющего к административной или уголовной ответственности.

Обжаловать действия (бездействие) арбитражного управляющего

Названный механизм является базовым, поскольку соответствующий судебный акт будет иметь преюдициальное значение для процесса по отстранению управляющего и служить аргументом для взыскания с него убытков.

С жалобой на действия арбитражного управляющего можно обратиться:

- в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, в порядке статьи 60 Закона о банкротстве;
- в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих, членом которой он является (если при проверке деятельности арбитражного управляющего будут выявлены факты ненадлежащего исполнения им своих обязанностей, саморегулируемая организация может привлечь его к дисциплинарной ответственности в виде объявления замечания, выговора, наложения штрафа либо исключения из числа своих членов);
- в Управление Росреестра по месту нахождения должника (в случае выявления фактов ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим

своих обязанностей будет составлен административный протокол, который Управление Росреестра направит в арбитражный суд для возбуждения административного производства вне рамок дела о банкротстве).

Наиболее частыми основаниями для обращения в суд с жалобами на действия арбитражного управляющего являются нарушение очередности погашения требований кредиторов, непринятие мер по обжалованию сделок должника, непроведение или ненадлежащее проведение анализа финансового состояния должника, непроведение собраний кредиторов должника, необоснованное привлечение специалистов.

Судебная практика подтверждает вышесказанное:

- действия арбитражного управляющего признаны незаконными, несмотря на исправление нарушений к дате заседания по рассмотрению жалобы (*определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24.05.16 по делу № А56-3875/2015*);

- признано незаконным бездействие арбитражного управляющего, выразившееся в непринятии мер по взысканию дебиторской задолженности (*определение ВС РФ от 20.04.21 № 303-ЭС18-10268(4)*);

- с финансового управляющего взысканы убытки в размере невзысканной дебиторской задолженности (*определение ВС РФ от 24.12.21 № 302-ЭС18-24652*);

- признано незаконным привлечение специалиста-оценщика (*определение ВС РФ от 18.10.21 № 308-ЭС21-18159*);

- признано необоснованным привлечение юриста (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.12.20 по делу № А27-14477/2018*);

- признаны незаконными действия финансового управляющего, выразившиеся в ненаправлении в адрес конкурсного кредитора в установленные законом сроки ежеквартального отчета о ходе проведения процедуры реализации имущества должника, неопубликовании в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) требований кредиторов, невыполнении проверки наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства должника (*постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.07.22 по делу № А12-5921/2020*).

Как следует из анализа судебной практики, не каждая жалоба на действия арбитражного управляющего, поданная в суд в порядке статьи 60 Закона о банкротстве, удовлетворяется. Требование должно быть обоснованным.

... Так, отказывая в удовлетворении жалобы, суды первой и апелляционной инстанций, с выводами которых согласился суд округа, исходили из того, что конкурсным управляющим проведены все необходимые мероприятия по анализу правоотношений должника и общества с целью выявления задолженности, а в первичной документации общества, переданной конкурсному

управляющему, отсутствуют сведения о спорной дебиторской задолженности (определение ВС РФ от 18.05.21 № 301-ЭС20-12025(2)).

... Арбитражный суд Северо-Западного округа постановлением от 22.08.18 по делу № А42-7371/2016 частично отказал в удовлетворении жалобы, поскольку нарушение срока проведения инвентаризации имущества должника не привело к нарушению прав и законных интересов заявителя либо к увеличению срока конкурсного производства.

... В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 19.11.18 по делу № А07-19259/2014 указано, что действия управляющего не повлекли нарушения прав и законных интересов кредиторов на получение объективной информации о деятельности должника, поскольку упущение являлось устранимым и заинтересованное лицо не лишено возможности получить интересующие его сведения в отношении проводимой процедуры в более полном объеме (определением ВС РФ от 25.03.19 № 309-ЭС16-20829(7) в передаче дела в СКЭС ВС РФ отказано).

... Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.02.17 по делу № А53-12412/2012 отменено определение о признании незаконными действий конкурсного управляющего, выразившихся в отказе в заключении договора купли-продажи части земельного участка с победителем торгов, поскольку заявителем избран неверный способ защиты нарушенного права.

... В другом деле определением арбитражного суда первой инстанции признано незаконным невнесение арбитражным управляющим сведений в ЕФРСБ, ненадлежащее уведомление о проведении собрания кредиторов, ненаправление отчетов о своей деятельности. Данное определение отменено судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано в связи с формальностью и незначительностью нарушений, отсутствием существенных нарушений прав единственного кредитора, а также с учетом позиции управляющего, принявшего меры к устранению допущенных нарушений (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.05.22 по делу № А60-74554/2018).

Таким образом, жалоба удовлетворяется в случае, если допущенные арбитражным управляющим нарушения затрагивают права и законные интересы кредиторов, восстановление которых иным способом невозможно.

Кредитор может обратиться с жалобой в Управление Росреестра, указав на те же нарушения закона арбитражным управляющим, что и в заявлении в суд,

но результат рассмотрения такой жалобы контролирующим органом может быть совершенно иным.

Порядок привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности регламентируется частями 3 и 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ, которые, являясь отсылочными, могут быть применены при неисполнении арбитражным управляющим различных обязанностей в деле о банкротстве.

Как следует из абзаца седьмого пункта 3 статьи 29 Закона о банкротстве, орган по контролю (надзору) возбуждает дело об административном правонарушении в отношении арбитражного управляющего, саморегулируемой организации арбитражных управляющих и (или) ее должностного лица, рассматривает его или направляет для рассмотрения в арбитражный суд. Регулирующему органу предоставлено право обращаться в арбитражный суд с заявлением о дисквалификации арбитражного управляющего.

За повторное совершение правонарушения частью 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ для должностных лиц установлено административное наказание только в виде дисквалификации на срок от шести месяцев до трех лет, наказание в виде административного штрафа данной нормой не предусмотрено. Соответственно, и незначительное правонарушение (например, ненаправление кредиторам ежеквартального отчета, просрочка предусмотренной законом публикации на несколько дней) может повлечь дисквалификацию управляющего. А любой, даже минимальный, срок дисквалификации является суровым наказанием, так как влечет для арбитражного управляющего отстранение от всех процедур и исключение из числа членов саморегулируемой организации без автоматического восстановления после окончания срока дисквалификации. То есть по окончании срока отстраненный арбитражный управляющий автоматически не утверждается снова на ту же процедуру банкротства.

Суды ссылаются на определение КС РФ от 06.06.17 № 1167-О, в котором отражено, что особый публично-правовой статус арбитражных управляющих (предполагающий наделение их публичными функциями, выступающими в качестве своего рода пределов распространения на них статуса индивидуального предпринимателя) обуславливает право законодателя предъявлять к ним специальные требования, относить арбитражных управляющих к категории должностных лиц (примечание к статье 2.4 КоАП РФ) и вводить повышенные меры административной ответственности за совершенные ими правонарушения (постановление КС РФ от 19.12.05 № 12-П и определение КС РФ от 23.04.15 № 737-О).

При таких обстоятельствах единственным решением для арбитражного управляющего может явиться ссылка на малозначительность правонарушения (статья 2.9 КоАП РФ), но освобождение от административной ответственности по данному основанию допустимо лишь в исключительных случаях, поскольку иное способствовало бы формированию атмосферы безнаказанности и было бы несовместимо с принципом неотвратимости ответственности правонарушителя

(постановление КС РФ от 14.02.13 № 4-П и определение КС РФ от 03.07.14 № 1552-О).

Как видно из судебной практики привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности, для удовлетворения заявления достаточно самого факта нарушения управляющим требований законодательства о банкротстве (например, в части сроков опубликования сведений в ЕФРСБ, ведения реестра требований кредиторов и иных) (см., например: Обзор судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», утвержденный Президиумом ВС РФ 6 декабря 2017 года).

Исходя из диспозиции части 3 статьи 14.13 КоАП РФ, негативные последствия от неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей при осуществлении процедур банкротства не являются квалифицирующими признаками состава указанного правонарушения и не требуют доказывания по делу (*постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.01.15 по делу № А36-5060/2014*).

Состав правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ, является формальным, и ответственность наступает независимо от наступления общественно опасных последствий. Следовательно, наличие либо отсутствие последствий совершенного административного правонарушения в виде нарушения прав третьих лиц не имеет правового значения для привлечения виновного лица к административной ответственности (*постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 29.10.13 по делу № А27-10008/2013, Арбитражного суда Московского округа от 12.07.21 по делу № А40-169056/2020, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.11.21 по делу № А24-82/2021, Второго арбитражного апелляционного суда от 14.06.22 по делу № А28-16665/2021*).

... Удовлетворяя требование Управления Росреестра о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной частью 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ, апелляционный суд указал: «Неоднократное привлечение ответчика к административной ответственности по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ свидетельствует о том, что арбитражный управляющий... регулярно допускает нарушения законодательства о банкротстве, то есть относится халатно и пренебрежительно к возложенным на него обязанностям. Последствия совершенных арбитражным управляющим правонарушений свидетельствуют о нарушении закона, а также установленного порядка осуществления банкротства, являющегося необходимым условием оздоровления экономики, защиты прав и законных интересов собственников организаций, должников и кредиторов. Указанные нарушения нельзя

рассматривать в качестве формальных, процедурных проступков... Малозначительность деяния должна рассматриваться в совокупности с тем потенциалом угрозы нормальному течению правоотношений, который такое нарушение по существу содержит. Из материалов дела не следует, что нарушения со стороны ответчика мало отходят от стандартов среднего профессионального поведения и не могли бы даже создать угрозу нарушения чьих-либо прав и законных интересов в деле о банкротстве» (*постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15.05.19 по делу № А33-19851/2018*).

Отметим, что судебный акт, вынесенный по итогам административной проверки деятельности управляющего, не носит обязательного характера для суда, рассматривающего жалобу на действия управляющего в порядке статьи 60 Закона о банкротстве, равно как и судебный акт по итогам рассмотрения жалобы на действия арбитражного управляющего не обязателен для Управления Росреестра, проверяющего деятельность управляющего.

... Например, в постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.22 по делу № А76-7410/2019 указано, что «ссылка арбитражного управляющего на определение Управления Росреестра об отказе в возбуждении в отношении конкурсного управляющего... дела об административном правонарушении не может быть принята во внимание, поскольку, исходя из положений статьи 69 АПК РФ, постановления административного органа не имеют для суда преюдициального значения. Кроме того, для привлечения конкурсного управляющего к административной ответственности устанавливается факт неисполнения обязанностей, возложенных на него законодательством о банкротстве, а не факт ненадлежащего или недобросовестного исполнения таких обязанностей. В рамках дела о банкротстве судом производится оценка действий (бездействия) арбитражного управляющего с точки зрения разумности и добросовестности».

Кроме того, рекомендуем учесть, что допущенные финансовым управляющим нарушения и привлечение его к административной ответственности за неисполнение обязанностей, установленных законодательством о банкротстве, являются основанием для снижения суммы причитающегося управляющему вознаграждения (например, *определение ВС РФ от 02.06.22 № 307-ЭС20-21741(4)*).

Ходатайствовать об отстранении арбитражного управляющего

Удовлетворенная судом жалоба на действия арбитражного управляющего, а также применение к нему наказания в виде дисквалификации являются основанием для его отстранения от исполнения обязанностей в деле о

банкротстве (пункт 3 статьи 20.4, абзац второй пункта 3 статьи 65, абзац третий пункта 1 статьи 98, абзац седьмой пункта 5 статьи 83, абзац третий пункта 1 статьи 145 Закона о банкротстве).

Президиум ВАС РФ в информационном письме от 22.05.12 № 150 изложил рекомендации для арбитражных судов относительно рассмотрения споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих.

Ходатайствовать об отстранении арбитражного управляющего можно в просительной части жалобы на его действия, подаваемой в арбитражный суд в рамках дела о банкротстве.

Судебная практика, посвященная вопросам отстранения арбитражного управляющего, достаточно многочисленна и показывает, что управляющие отстраняются:

- за нарушение действующего законодательства (*определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.11.17 по делу № А56-30632/2015*);

- за невзыскание дебиторской задолженности (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.18 по делу А56-35241/2016/ж.1*);

- за неподачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности (*определение СКЭС ВС РФ от 29.04.19 № 310-ЭС17-15048(2)*).

Помимо очевидных оснований для отстранения, складывается практика применения такой санкции к аффилированным арбитражным управляющим.

Согласно абзацу второму пункта 2 статьи 20.2 Закона о банкротстве одним из оснований, по которому арбитражный управляющий не может быть утвержден в процедуре банкротства, является его заинтересованность по отношению к должнику и его кредиторам.

В определении СКЭС ВС РФ от 28.12.15 № 308-ЭС15-1607 сформирована правовая позиция, в силу которой судам необходимо устанавливать, кроме формальных признаков, предусмотренных законодательством и определяющих отнесение организаций к одной группе лиц, также и фактическую аффилированность.

Такая аффилированность может прослеживаться, например, через участие представителей в одних и тех же делах, ведение совместного бизнеса и т. п.: *постановления Арбитражного суда Московского округа от 22.07.21 по делу № А40-61943/2018, от 09.09.21 по делу № А40-95953/2019*.

Взыскать с арбитражного управляющего убытки (пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве)

Пунктом 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве предусмотрено, что арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него

обязанностей в деле о банкротстве и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

В пункте 11 информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.05.12 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» указано, что под убытками, причиненными должнику, а также его кредиторам, понимается любое уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы, которые произошли вследствие неправомерных действий (бездействия) конкурсного управляющего, при этом права должника и конкурсных кредиторов считаются нарушенными всякий раз при причинении убытков.

В связи с возникающими в судебной практике вопросами, касающимися возмещения убытков, причиненных действиями (бездействием) лиц, входящих или входивших в состав органов юридического лица, Пленум ВАС РФ в постановлении от 30.07.13 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» дал соответствующие разъяснения.

Практика рассмотрения заявлений о взыскании с арбитражного управляющего убытков также весьма многочисленна. В частности, убытки с арбитражного управляющего взыскиваются:

- в связи с пропуском срока давности оспаривания сделок (*определения ВС РФ от 13.12.21 № 304-ЭС21-23032, от 30.07.20 № 304-ЭС20-10819(1,2)*);

- в виде расходов на привлеченных специалистов (*определения ВС РФ от 31.05.22 № 303-ЭС15-19155(11,12), от 18.10.21 № 308-ЭС21-18159, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.06.21 по делу № А63-4768/2018*);

- за непредоставление сведений (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.04.18 по делу № А27-6658/2015*).

3 завершая статью о правовых механизмах, которые могут быть использованы кредиторами для защиты своих прав и законных интересов в деле о банкротстве гражданина, отметим, что не рекомендуется оспаривать каждое действие или бездействие арбитражного управляющего. Любое заявление должно быть обоснованным, подкрепленным надлежащими доказательствами и действительно направленным на достижение единственного результата — добросовестную и разумную работу арбитражного управляющего.

К тому же не стоит забывать, что, помимо отказа в удовлетворении необоснованной жалобы, суд может взыскать с проигравшего кредитора в пользу арбитражного управляющего судебные расходы, связанные с ведением процесса по защите его прав и интересов.

Для эффективной реализации механизмов защиты кредитору важно своевременно получать всю информацию в производстве — участвовать в собраниях кредиторов, судебных процессах, вести переписку с управляющим, то

есть быть в курсе текущей ситуации в деле о банкротстве. Активная позиция кредитора повышает шанс погашения его требований.

Обращение взыскания на объекты исключительных прав при банкротстве предприятия

Дзыбал Максим Антонович

Студент магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность обозначенного в названии статьи вопроса возрастает с каждым годом. Объясняется это тем, что большинство предприятий, которые выступают активными участниками гражданского оборота, обладают достаточным количеством различных исключительных прав. Предметом настоящего исследования является изучение вопроса об особенностях обращения взыскания на объекты исключительных прав в процедуре банкротства юридического лица. Для достижения данной цели проведен анализ различных видов исключительных прав, а также анализ законодательно закрепленных запретов на реализацию исключительных прав. В итоге сделан вывод о том, на какие виды исключительных прав следует допускать обращение взыскания, а на какие нет.

Ключевые слова: банкротство, реализация имущества, исключительные права, торги, юридическое лицо.

При разрешении обозначенного вопроса необходимо учитывать два обстоятельства. С одной стороны, расширение перечня исключительных прав, на которые возможно обращение взыскания, приводит к большему уровню удовлетворения требований кредиторов за счет вырученных от реализации денежных средств. С другой стороны, необходимо учитывать правовую сущность каждого исключительного права. Следует помнить, что стремление максимально удовлетворить требования кредиторов не должно противоречить закрепленной в законе и доктрине составляющей исключительного права.

Перед тем как перейти непосредственно к исследованию процедуры обращения взыскания на исключительные права предприятия, стоит кратко остановиться на анализе самой процедуры банкротства юридического лица, так как впоследствии это позволит сформировать более цельное представление о процессе несостоятельности и более грамотно сформулировать политико-правовые аргументы в пользу выбора того или иного способа законодательного регулирования.

Процесс банкротства предприятия состоит из ряда стадий, которые имеют свои особенности и цели. Так, согласно статье 27 Федерального закона от

26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) при рассмотрении дела о банкротстве юридического лица применяются следующие процедуры:

- наблюдение;
- финансовое оздоровление;
- внешнее управление;
- конкурсное производство;
- мировое соглашение.

Обращение взыскания на имущество должника, в том числе на исключительные права, происходит в процедуре конкурсного производства. Положения Закона о банкротстве говорят о том, что конкурсное производство вводится в случае, если сделан вывод о невозможности «исцеления» предприятия и удовлетворения требований кредиторов без введения данной процедуры.

Как отмечается в доктрине, сущностно конкурсное производство представляет собой процедуру ликвидации несостоятельной организации путем консолидации имущества должника (конкурсной массы) и последующего распределения между кредиторами денежных средств, вырученных от его продажи. Иными словами, целью конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов на основе продажи активов и ликвидации предприятия-должника¹. А некоторые исключительные права обладают особой ценностью², вследствие чего их реализация привела бы к повышению уровня удовлетворения требований кредиторов при банкротстве предприятия.

Из вышесказанного следует вывод о том, что главная цель конкурсного производства — удовлетворение требований кредиторов за счет продажи имущества должника. Однако законодательство устанавливает, что на ряд исключительных прав обращение взыскания недопустимо.

Одной из задач настоящей работы является анализ подобных запретов с точки зрения целей конкурсного производства, так как исключение любого имущества из перечня объектов, на которые может быть обращено взыскание, приводит к снижению уровня удовлетворения требований кредиторов.

Стоит обратить внимание на то, что законодательство допускает обращение взыскания лишь на имущественные (исключительные) права. На

¹ Иванова С. П., Земляков Д. Н., Баранников А. Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: Учеб. пособие. М.: Юстиция, 2018. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/cel_konkursnogo_proizvodstva/ (дата обращения: 17.05.22).

² Соколова Н. И. Проблемы обращения взыскания на исключительные интеллектуальные права на объекты интеллектуальной собственности в России // Отечественная юриспруденция. 2019. № 7. С. 12.

личные же неимущественные права обращение взыскания недопустимо в силу статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), которая закрепляет принцип неотчуждаемости нематериальных благ.

ГК РФ регулирует широкий круг вопросов, связанных с обращением взыскания на исключительные права.

Статья 1241 ГК РФ указывает, что переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другому лицу без заключения договора с правообладателем допускается в случаях и по основаниям, которые установлены законом, в том числе в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) и при обращении взыскания на имущество правообладателя. Данная статья закрепляет такое основание перехода исключительного права, как обращение взыскания на имущество правообладателя. Если в отношении предприятия уже введено конкурсное производство, то основная цель всех действий конкурсного управляющего заключается в максимальном наполнении конкурсной массы для последующего удовлетворения требований кредиторов в установленном законодательством о банкротстве порядке. Наполнение конкурсной массы происходит посредством продажи с торгов имущества должника.

Таким образом, реализация исключительного права в процедуре конкурсного производства для целей удовлетворения требований кредиторов является одним из оснований перехода исключительного права.

Однако есть объекты, реализация которых в процедуре банкротства недопустима. Следует отметить, что в дореволюционном законодательстве существовал закон Российской империи «Об авторском праве» 1911 года, в соответствии с которым обращение взыскания на объекты авторского права не допускалось³.

На недопустимость обращения взыскания на объекты авторских прав обращал внимание и Г. Ф. Шершеневич, указывая, что авторское право не входит в конкурсную массу, вследствие чего конкурсное управление не может распоряжаться данным правом⁴.

На современном этапе развития российского правопорядка обращение взыскания на исключительные права допускается за рядом исключений. Однако встает вопрос о том, имеет ли под собой какое-либо обоснование изъятие исключительных прав из-под обращения взыскания.

ГК РФ устанавливает прямой запрет на обращение взыскания на следующие виды исключительных прав:

³ Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. 2-е изд. Петроград, 1916. С. 512, 513.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: В 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 440.

- право на произведение (статья 1284);
- право на исполнение (статья 1319);
- право на секретное изобретение (пункт 6 статьи 1405).

Насколько обоснованным является этот перечень и не следует ли его расширить?

В пункте 1 статьи 1319 ГК РФ указано, что на принадлежащее исполнителю исключительное право на исполнение обращение взыскания не допускается, за исключением случая обращения взыскания по договору залога.

Подобный запрет вытекает из самой сущности исключительного права на исполнение. Нельзя допускать ситуации, при которой автор произведения может быть понужден, например, к сообщению в эфир своего произведения, а вырученные от этого денежные средства пойдут в конкурсную массу для удовлетворения требований кредиторов. Как представляется, обоснование этому запрету можно найти в пункте 1 статьи 308.3 ГК РФ, согласно которой в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено названным Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Данная норма указывает на недопустимость принуждения к определенным действиям, если это противоречит существу обязательства.

Также нельзя допускать и ситуации, когда само право на исполнение будет продано на торгах и перейдет к третьему лицу, которое впоследствии сможет распоряжаться этим правом по своему усмотрению.

При этом следует отметить, что ГК РФ не вводит абсолютный запрет на обращение взыскания на исключительное право на исполнение. Так, статья 1319 говорит о том, что обращение взыскания на исключительное право на исполнение допускается на основании договора залога. Данное правило отражает принцип привилегированного положения залогового кредитора. Законодатель исходит из того, что если стороны согласовали условие о предоставлении одной из них залогового права, то тем самым обладатель исключительного права отказался от иммунитета исключительного права. То есть возможность обращения взыскания на право на исполнение обусловлено тем, что оно будет происходить по воле обладателя самого исключительного права. Предоставляя залог, лицо добровольно соглашается на то, что впоследствии на объект залога может быть обращено взыскание.

Согласно пункту 6 статьи 1405 ГК РФ не допускается обращение взыскания на исключительное право на секретное изобретение. Подобное ограничение вытекает из сущности секретного изобретения, которое не подлежит публичности. Ключевая характеристика секретного изобретения заключается именно в том, что сведения о нем не доступны третьим лицам. Если же допустить обращение взыскания на секретное изобретение, то возникнет ряд юридических коллизий. Например, обращение взыскания на имущество происходит

посредством торгов, которые организуются специально уполномоченными лицами. Для того чтобы потенциальные участники торгов изъявили желание в них участвовать, необходимо сообщить им информацию о предмете торгов. Однако, как было указано ранее, сообщение информации о секретном изобретении приведет к утрате основной ценности данного исключительного права.

Далее следует отметить, что в отношении некоторых исключительных прав в ГК РФ отсутствует регулирование вопроса обращения взыскания. В литературе отмечается, что перечень объектов исключительных прав, на которые недопустимо обращение взыскания, сформулирован в ГК РФ закрытым образом, из чего делается вывод о том, что на иные исключительные права возможно обратить взыскание⁵. Впрочем, подобный вывод не кажется столь однозначным.

Следует не допускать обращение взыскания не только на те исключительные права, применительно к которым установлен прямой запрет на их обращение, но и на иные виды исключительных прав
--

Так, в статье 1358 ГК РФ речь идет об исключительном праве на изобретение, полезную модель или промышленный образец. Однако, закрепляя регулирование этих прав, ГК РФ не говорит о том, что обращение взыскания на них недопустимо. Означает ли это, что в случае банкротства предприятия, обладающего указанными исключительными правами, их можно реализовать с торгов и направить денежные средства в конкурсную массу? Либо же это пробел законодательного регулирования, который необходимо восполнить путем закрепления недопустимости обращения взыскания на данный вид исключительных прав?

Для ответа на поставленный вопрос следует проанализировать сущность этого исключительного права. Статья 1358 устанавливает, что использованием изобретения, полезной модели или промышленного образца считается, в частности, ввоз на территорию Российской Федерации, изготовление, применение, предложение о продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец.

С одной стороны, можно допустить обращение взыскания на данное право, так как это приведет к наполнению конкурсной массы и удовлетворению

⁵ Астапова Т., Гуреев В. Ноу-хау в исполнительном производстве // ЭЖ-Юрист. 2012. № 4. URL: <https://center-bereg.ru/b4183.html> (дата обращения: 15.05.22).

требований кредитора. Следовательно, цели конкурсного производства будут достигнуты.

Однако, как представляется, ответ на вопрос о допустимости реализации указанных исключительных прав должен быть отрицательным. Анализ статьи 1358 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец схоже с исключительным правом на исполнение, закрепленным в статье 1317 ГК РФ. Содержание исключительного права на исполнение заключается в опубликовании произведения, доведении его до широкой общественности путем сообщения в эфир или по кабелю, публичного исполнения записи и т. д. Исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец также заключается во введении их в гражданский оборот путем изготовления, применения, продажи и т. п. И в том и в другом случае недопустимо понуждать обладателя исключительного права реализовывать свое право, а также продавать его с торгов в процедуре банкротства. Интересы обладателя исключительных прав должны быть в приоритете по отношению к интересам кредиторов, несмотря на то что сам обладатель исключительных прав является не исполнившим обязательства должником. Однако следует отметить, что в настоящее время прямого законодательного запрета нет.

Интересы обладателя исключительных прав должны быть в приоритете по отношению к интересам кредиторов
--

Также в ГК РФ отсутствует прямой запрет на обращение взыскания на исключительное право на товарный знак. Согласно статье 1484 ГК РФ лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право использования товарного знака в соответствии со статьей 1229 ГК РФ любым не противоречащим закону способом (исключительное право на товарный знак), в том числе способами, указанными в пункте 2 названной статьи. Действующее на сегодняшний день письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 08.04.09 № 12/02-4607-АП допускает обращение взыскания на товарный знак. Однако подобное регулирование можно поставить под сомнение.

Сущность товарного знака заключается в индивидуализации конкретного товара и сообщении потребителю информации о том, что товар создан конкретным производителем. Несомненно, в ГК РФ есть конструкции, позволяющие передавать право на товарный знак третьим лицам, например статья 1489 ГК РФ, которая говорит о возможности передать право на использование товарного знака третьему лицу. Однако принципиальным является то, что передача права происходит в добровольном порядке, то есть

обладатель товарного знака вправе самостоятельно решать, передавать ли ему право. Как представляется, принудительно данное решение принято быть не может в силу того, что, как было указано ранее, товарный знак служит индивидуализации производителя. Если же производитель, исходя из своей бизнес-модели, считает, что было бы выгодно передать право использования товарного знака третьему лицу, то ему следует предоставить такую возможность, но принудительно передать право на товарный знак нельзя.

Далее также следует остановиться на возможности обращения взыскания на ноу-хау. В профильной литературе отмечается недостаточность доктринальных исследований в сфере обращения взыскания на данный вид исключительных прав⁶, в ГК РФ также не содержится подобного запрета. Однако при допустимости обращения взыскания на ноу-хау непременно возникает вопрос о процедуре обращения взыскания, вытекающий из самой сущности этого вида исключительных прав.

Согласно статье 1465 ГК РФ секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны. Как видно из приведенной нормы, сущность секрета производства заключается в недоступности сведений о нем третьим лицам. Но обращение взыскания и продажа любого имущества на торгах требуют предоставления информации об объекте реализации третьим лицам, желающим участвовать в торгах. Лицо, желающее участвовать в торгах по продаже имущества должника, должно обладать сведениями о том, что оно потенциально сможет получить. Однако каким образом можно сообщить информацию о ноу-хау неограниченному кругу лиц, чтобы не утратилось основное свойство данного вида исключительных прав, которое заключается в недоступности информации о секрете производства третьим лицам? Как представляется, подобные рассуждения должны служить основанием к недопустимости обращения взыскания на ноу-хау.

Кроме того, в соответствии с Законом о банкротстве конкурсный управляющий перед проведением реализации имущества должника обязан провести инвентаризацию (статья 129). Проведение инвентаризации заключается в проверке наличия имущества, которое будет реализовано на торгах. Следовательно, чтобы реализовать впоследствии секрет производства, сначала

⁶ Саркисова С. Н. Разработка и определение механизма обращения взыскания на ноу-хау в рамках исполнительного производства // Современное право. 2019. № 12.

необходимо провести его инвентаризацию, но это также создает риск предоставления информации о ноу-хау третьим лицам. Данная проблема является особенно острой в связи с тем, что конкурсный управляющий не проводит инвентаризацию один, а делает это с большим количеством помощников, которые также могут получить сведения о ноу-хау.

Полагаем, что изложенные обстоятельства говорят о невозможности обращения взыскания на секрет производства. Дополнительным аргументом в пользу недопустимости обращения взыскания на ноу-хау может служить схожесть секрета производства с секретным изобретением. Так же, как и в секретном изобретении, одним из основных элементов, который придает ноу-хау ценность, является недоступность информации третьим лицам. В обоих случаях обращение взыскания путем торгов приведет к раскрытию конфиденциальной информации и тем самым к утрате ключевого признака. При этом применительно к секретному изобретению в ГК РФ установлен прямой запрет на обращение взыскания.

Мнение о недопустимости обращения взыскания на ноу-хау поддерживается и в доктрине. Например, Т. Астапова и В. Гуреев указывают, что обращение взыскания на ноу-хау является недопустимым, так как вследствие обращения взыскания посредством открытых торгов произойдет либо значительная утрата стоимости такого вида имущества, либо прекращение данного исключительного права⁷. Таким образом, поскольку открытые торги приводят к опубличиванию предмета торга, это неминуемо повлечет утрату ноу-хау одного из своих основных качеств.

Далее следует рассмотреть некоторые процедурные вопросы обращения взыскания на исключительные права при банкротстве предприятия.

Во-первых, проблема возникает в связи с осуществлением оценки имущества должника при банкротстве. Согласно пункту 1 статьи 130 Закона о банкротстве арбитражный управляющий привлекает оценщика для определения стоимости имущества должника. В соответствии с пунктом 6 статьи 110 Закона о банкротстве, который применяется при продаже любого имущества должника при конкурсном производстве (пункт 3 статьи 139), начальная цена продажи предприятия определяется решением собрания кредиторов или комитета кредиторов с учетом рыночной стоимости имущества должника, определенной в соответствии с отчетом оценщика. Данная норма указывает на то, что ориентиром, который используется для определения цены продажи имущества, является именно рыночная цена. Однако применительно к оценке объектов исключительных прав существует ряд проблем. Так, многие объекты исключительных прав имеют уникальные свойства, в связи с чем сложно пользоваться методиками, разработанными для оценки иного имущества. Также

⁷ Астапова Т., Гуреев В. Указ. соч. С. 15.

непростым является использование рыночных показателей в силу того, что не все объекты исключительных прав обладают аналогами.

Во-вторых, встает вопрос о том, каким образом раскрывать оценщику информацию о некоторых видах исключительных прав. Как было указано ранее, на настоящий момент позитивное законодательство прямо не запрещает осуществлять обращение взыскания на ноу-хау. Но для того, чтобы оценщик смог адекватно установить цену исключительного права, он должен получить все сведения о нем, и сам оценщик в силу статьи 14 Федерального закона от 29.07.98 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» вправе требовать предоставления документации, содержащей сведения об объекте оценки. Данную проблему можно решить путем запрета оценщику разглашать любую информацию, которая стала ему известна в процессе оценки и разглашение которой может привести к утрате ноу-хау его основных качеств, заключающихся в недоступности информации третьим лицам.

Однако при этом также возникает иная проблема, связанная с тем, что отчет оценщика впоследствии представляется кредиторам юридического лица (пункт 1 статьи 130 Закона о банкротстве). Согласно указанной норме сведения о результатах оценки подлежат опубликованию в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, доступ к которому имеет любое лицо. Решение этой проблемы можно найти в том, что публикации будет подлежать лишь сама стоимость исключительного права, но не характеристики, по которым она была определена. Но тогда может возникать вопрос, насколько отчет будет надлежащим в связи с тем, что в силу статьи 11 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» отчет не должен допускать неоднозначного толкования или вводить в заблуждение, а представление отчета без обоснования приведет к неоднозначному толкованию и не позволит иным конкурсным кредиторам оценить достоверность отчета.

В-третьих, проблемной является сама процедура обнаружения исключительных прав, принадлежащих предприятию. Статьей 1232 ГК РФ установлено, что в случаях, предусмотренных названным Кодексом, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации признается и охраняется при условии государственной регистрации такого результата или такого средства. Эта норма закрепляет общее правило, согласно которому исключительное право не подлежит регистрации и возникает у правообладателя независимо от нее. Только лишь если имеется указание закона, исключительные права подлежат государственной регистрации. В связи с этим встает вопрос, как обеспечить надлежащую процедуру обнаружения исключительного права для целей последующего обращения взыскания на него.

На данную проблему также обращается внимание в доктрине. Например, отмечается, что при принятии решения об обращении взыскания на объекты

интеллектуальной собственности возникает задача по выявлению правоустанавливающих документов, в соответствии с которыми возможно сделать единственно верный вывод о том, что должник является обладателем права, законным собственником указанного имущества, что интеллектуальной собственности действительно предоставлена охрана, а также установить стоимость результата интеллектуальной деятельности⁸.

Лицом, обладающим сведениями о том, какие исключительные права имеются у предприятия, является бывший руководитель юридического лица. В Законе о банкротстве существует норма, согласно которой бывший руководитель обязан передать конкурсному управляющему всю необходимую информацию и документацию (пункт 2 статьи 126). Однако бывшие руководители должника не всегда идут навстречу конкурсному управляющему. Если бывший руководитель не передаст конкурсному управляющему информацию о наличии у предприятия исключительных прав, может возникнуть ситуация невозможности обращения взыскания в силу отсутствия сведений об исключительном праве.

Разрешить эту проблему возможно путем применения института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве. Согласно статье 61.11 Закона о банкротстве, если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника. Основание привлечения лица к субсидиарной ответственности будет заключаться в том, что вследствие непередачи бывшим руководителем должника сведений о наличии у предприятия исключительных прав уменьшится имущественная масса, за счет которой можно было бы удовлетворить требования кредиторов. Следовательно, если бывший руководитель предприятия утаил от конкурсного управляющего сведения о наличии у предприятия исключительных прав, однако об этом стало известно позже, то будут иметься основания для привлечения его к субсидиарной ответственности.

В заключение можно сделать следующие выводы.

В ходе данной работы рассмотрен институт обращения взыскания на исключительные права при банкротстве предприятия. Изначально была проанализирована сама процедура банкротства и стадия конкурсного производства в целом, что позволило раскрыть сущность последней и использовать политико-правовые аргументы при исследовании конкретного вопроса.

Так, был рассмотрен законодательно установленный перечень видов исключительных прав, на которые обращение взыскания недопустимо, а далее

⁸ Сокколова Н. И. Указ. соч.

был поставлен вопрос о том, насколько данный перечень является исчерпывающим и нет ли необходимости его расширить.

Также проведен анализ возможности обращения взыскания на отдельные исключительные права и сделан вывод, что следует не допускать обращение взыскания не только на те исключительные права, применительно к которым установлен прямой запрет на их обращение, но и на иные виды исключительных прав.

В целом необходимо отметить, что вопрос обращения взыскания на исключительные права предприятия при банкротстве является важным и сложным в современной правовой и экономической действительности. Практически каждое юридическое лицо при осуществлении своей деятельности использует то или иное исключительное право, которое может быть потенциальным объектом обращения взыскания в случае банкротства. При этом следует учитывать, что чем на большее количество исключительных прав может быть обращено взыскание, тем выше будет уровень удовлетворенности кредиторов предприятия.

Однако в погоне за максимальным удовлетворением требований кредиторов нельзя забывать и о юридической составляющей данного вопроса. Ряд исключительных прав, исходя из их правовой сущности, не предполагают обращения взыскания на них в процедуре банкротства.

Тенденции развития электронных доказательств в гражданском процессе

Орехова Дарья Владимировна

Магистрант Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность данной работы заключается прежде всего в том, что эволюционное развитие общества на всем протяжении истории человечества привело к неминусемому стремительному прогрессу технологий, открытию новых научных знаний. Внедрение научных знаний и технологий в повседневную жизнь влияет на изменение предмета и сути самих правоотношений и, как следствие, на видоизменение гражданских процессуальных отношений. В связи с этим неизбежно увеличение числа споров с использованием электронных доказательств в рамках гражданского процесса. Это продиктовано процессом цифровизации всех социальных институтов, отраслей экономики и промышленности. Институт доказывания в гражданском процессе требует проработанности в сфере применения электронных доказательств и закрепления нововведений, которые отражали бы развитие общественных отношений в целом. Целью данной работы является изучение правового закрепления статуса электронных доказательств в Российской Федерации, выявление и обоснование возможности применения новых форм доказывания в гражданском процессе.

Ключевые слова: доказательства, электронные доказательства, технология блокчейн, гражданский процесс, гражданские процессуальные отношения, электронные документы.

Электронные доказательства как средство доказывания в гражданском процессе

Процесс глобальной цифровизации напрямую влияет на формирование гражданских процессуальных отношений, обуславливает необходимость применения электронных доказательств в судебном разбирательстве и отражается на способе хранения доказательств в виде электронных данных. Вместе с развитием технологий доказательства в гражданском процессе также видоизменяются и модернизируются, тем самым преобразуются в новые формы электронных доказательств. Это напрямую связано со следующими факторами: возникновение новых объектов гражданских правоотношений требует применения новых форм электронных доказательств в качестве защиты в судебном процессе; система хранения доказательств в рамках судебного процесса не соответствует требованиям цифровизации. Применение старых

методов хранения доказательств сопряжено с вероятностью утраты данных либо целенаправленным вмешательством в их хранение.

Возникновение гражданских правоотношений требует применения новых форм электронных доказательств в качестве защиты в судебном процессе	новых	объектов
---	-------	----------

Внедрение технологии блокчейн в систему хранения электронных доказательств повысит эффективность судебного разбирательства и работы судов в целом посредством оптимизации объема электронных данных, повышения точности идентификации и надежности их хранения.

Основным принципом гражданского процесса является состязательность осуществления правосудия. Согласно пункту 2 статьи 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГПК РФ) суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств. При оценке доказательств суд учитывает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

Надежда Александровна Чечина — представитель петербургской правовой школы, известный ученый в области гражданского процессуального права — одна из первых обосновала нормативное понятие принципа права и в своих трудах исходила из того, что содержание принципов предопределяет содержание нормы права².

Данная концепция также показывает необходимость закрепления новых средств доказывания как способа реализации фундаментального принципа гражданского процесса и, как следствие, закрепления новых норм права, регулирующих правоотношения.

В настоящий момент в российском гражданском процессуальном законодательстве сложилась неоднозначная ситуация в вопросе применения электронных доказательств.

В силу пункта 1 статьи 55 ГПК РФ доказательствами по делу считаются сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.02 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532 (в редакции от 01.07.21).

² Правовая наука и юридическая идеология России. Т. 4 (1965 — 1 января 2011 г.): энциклопедический словарь биографий и автобиографий / Отв. ред. В. М. Сырых. М.: РГУП, 2015. 943 с.

обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, полученные в предусмотренном законом порядке из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Под письменными доказательствами согласно пункту 1 статьи 71 ГПК РФ понимаются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом.

В свою очередь, нет четкого разъяснения о том, что подразумевается под материалом в форме цифровой, графической записи. То есть таковые не могут считаться аудио- или видеозаписью на электронном или ином носителе, поскольку данные формы доказательств относятся к вещественным доказательствам.

Материал, выполненный в форме цифровой записи, согласно ГПК РФ, возможно, отождествляется с понятием электронного документа, в связи с чем можно предположить, что материал в форме цифровой записи и является письменным электронным доказательством.

На основании пункта 11.1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.06 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронным документом считается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Вопросы использования электронных доказательств актуальны для споров в сфере интеллектуальной собственности, отнесенных к подсудности судов общей юрисдикции. Согласно пункту 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.19 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — постановление № 10) дела в сфере права интеллектуальной собственности по общему правилу подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции, если стороной в споре является гражданин, не имеющий статуса индивидуального предпринимателя, или гражданин, хотя и имеющий статус индивидуального предпринимателя, но дело возбуждено не в связи с осуществлением им предпринимательской

деятельности (пункт 1 части 1 статьи 22 ГПК РФ). В частности, к таким спорам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, относятся: споры об авторском праве на результаты интеллектуальной деятельности (рассматриваются судами общей юрисдикции как не связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, за исключением споров об авторстве изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений и секретов производства (ноу-хау)); споры об определении размера вознаграждения авторов (соавторов); споры о защите интеллектуальных прав, в том числе дела о нарушениях интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на наименования мест происхождения товаров, о нарушении права преждепользования и права послепользования; споры о распоряжении исключительным правом (суд определяется исходя из субъектного состава участников спора и характера спорных правоотношений) (пункты 3 и 4 постановления № 10).

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 55 постановления № 10, при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав судам следует учитывать, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения (статья 55 ГПК РФ), и суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством. В свою очередь, допустимыми доказательствами являются среди прочего сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения.

Для представления скриншота интернет-страницы и любой иной электронной информации в качестве электронного доказательства необходимо нотариальное удостоверение. Тем самым нотариус не только обеспечивает доказательство, но и является субъектом, удостоверяющим источник происхождения электронного доказательства. Однако даже в случае нотариального удостоверения цифровых данных не всегда можно убедиться в подлинности и достоверности электронного документа, а также информации, представленной в нем.

Существует множество способов вмешательства в цифровые данные, начиная с редактирования страницы сайта, заканчивая видоизменением графических данных с помощью специальных программ. Это мнение подтверждается пунктом 2 письма Федеральной нотариальной палаты от 13.01.12 № 12/06-12 «Об обеспечении нотариусом доказательств», где указывается, что, так как информация, размещенная в сети Интернет, отличается от письменных и вещественных доказательств и имеет только электронную форму, она может быть уничтожена любыми лицами в кратчайшие сроки посредством удаления из

сети Интернет.

На настоящий момент отсутствуют фундаментальные критерии, определяющие достоверность электронных документов и доказательств разнообразных форм.

Также для принятия электронного документа в качестве допустимого доказательства необходимо наличие электронной цифровой подписи, что делает, согласно статье 6 Федерального закона от 06.04.11 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», данный носитель информации равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью.

Неизбежно увеличение числа споров с использованием электронных доказательств в рамках гражданского процесса

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что неизбежно увеличение числа споров с использованием электронных доказательств в рамках гражданского процесса. Прежде всего это продиктовано цифровизацией всех социальных институтов, отраслей экономики и промышленности. Данное явление находит свое отражение и в цифровой модернизации гражданского процесса.

Технология блокчейн как новая форма электронных доказательств в гражданском процессе

Зарубежный опыт использования электронных доказательств

Надежда Александровна Чечина утверждала, что правоотношения — это отношения, не вновь создаваемые правом, а возникающие в результате правового урегулирования существующих общественных отношений³. В свою очередь, особенности гражданских процессуальных отношений в какой-то степени определяются спецификой возникновения самих отношений.

Гражданские процессуальные отношения возникают в период судебного урегулирования спорного материального отношения, всегда в результате совершения действий судом и лицами, участвующими в судебном процессе. В связи с этим доказывание как часть процесса гражданско-процессуальных отношений также видоизменяется под натиском специфики возникновения отношений и их цифровизации.

Например, многие зарубежные страны озадачились не только разработкой и закреплением фундаментальных положений об эффективном использовании

³ Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 6.

электронных доказательств в рамках гражданского процесса, но и внедрением новой формы доказательства, такой как технология блокчейн.

Высший народный суд Шанхая совместно с Китайской академией информационных и коммуникационных технологий разработали положение о внедрении технологии блокчейн в судебную систему.

Данное положение закрепляет несколько способов использования технологии блокчейн в рамках гражданского процесса: внедрение технологии в качестве способа хранения электронных доказательств во время судебного разбирательства; рассмотрение самой технологии блокчейн как формы электронного доказательства, позволяющей отказаться от нотариального удостоверения электронных документов.

Статья 116 толкования Верховного народного суда относительно применения Гражданского процессуального закона Китайской Народной Республики указывает, что под электронными данными понимается информация, сформированная или хранимая на электронных носителях посредством электронной почты, электронного обмена данными, записей онлайн-чатов, блогов, микроблогов, сообщений мобильных телефонов, электронных подписей, доменных имен и т. д. Данный перечень не является исчерпывающим и позволяет применять в качестве доказательств новые формы содержания электронных данных.

Пункт 6 статьи 11 постановления Верховного народного суда по ряду вопросов, касающихся рассмотрения дел интернет-судами, от 07.09.18 указывает, что подлинность электронных данных, представленных сторонами, может подтверждаться с помощью электронных подписей, временных меток, проверки хеш-значения, сбора, фиксации и защиты от взлома блокчейна и других доказательств либо с помощью электронной криминалистики и аутентификации платформы хранения.

В случае несогласия стороны с достоверностью электронных доказательств суд должен проверить и определить подлинность процесса создания, сбора, хранения и передачи электронных данных на основе перекрестного допроса и сосредоточиться на проверке: создания электронных данных, безопасности и надежности компьютерной системы и других аппаратных и программных сред, от которых зависят сбор, хранение и передача; установления предмета и времени создания электронных данных; правильности извлечения и фиксации данных.

В статье 5 Закона Китайской Народной Республики «Об электронной подписи», вступившего в силу 1 апреля 2005 года, уточняется форма допустимости электронных данных: электронная форма эффективно выражает содержание контента; содержание может быть извлечено и использовано в любое время; данная форма гарантирует, что содержание останется нетронутым и не изменится с момента окончательного формирования; изменение в форме

обмена, хранения и отображения данных не влияет на целостность данных.

Из статьи 8 указанного закона следует, что для проверки подлинности электронных данных в качестве доказательства должны быть приняты во внимание следующие факторы: надежность метода создания, хранения, передачи данных; надежность методов поддержания целостности контента; надежность метода, используемого для идентификации отправителя; прочие факторы, относящиеся к делу.

Далее электронные доказательства подлежат обязательному нотариальному заверению. Процесс электронного нотариального заверения данных является достаточно сложным и требующим материальных вложений. Однако применение технологии блокчейн в качестве электронного доказательства исключает необходимость нотариального заверения данных. Это обусловлено самой сущностью технологии.

На основе зарубежных источников, посвященных теории блокчейна и опубликованных в научной литературе, можно сформулировать определение блокчейна. В узком смысле — это цепная структура данных с блоком в качестве базовой единицы. Блок использует цифровую сводку для проверки предыдущей истории транзакций, которая подходит для защиты от несанкционированного доступа в сценарии распределенного учета. В широком смысле блокчейн относится к технологии распределенного учета, основанной на структуре блокчейна, включая криптографию, консенсусные алгоритмы, смарт-контракты и сетевые протоколы. Блокчейн по своей сущности безопасен, так как система децентрализована, а информация зашифрована и связана с предыдущей информацией.

В основе безопасности и конфиденциальности блокчейнов, а также инновационных приложений лежат криптографические технологии. Закон Китайской Народной Республики о криптографии, вступивший в силу 1 января 2020 года, закрепил применение криптографии с целью обеспечения сетевой и информационной безопасности, в том числе в рамках использования блокчейна.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что технология блокчейн может использоваться для генерации, сбора, передачи и хранения электронных данных. Электронные данные, благодаря их техническим характеристикам, невозможно изменить, поскольку зафиксированы все шаги и попытки воздействия на данные, указаны основные и промежуточные даты при формировании и хранении данных. В связи с этим многие страны придерживаются позиции, что технология блокчейн может применяться как форма хранения электронных доказательств, а также являться самостоятельной новой формой электронных доказательств, исключающей необходимость нотариального заверения данных.

В США постановлением Верховного суда от 20 ноября 1972 года были приняты Федеральные правила доказывания (FRE), регулирующие порядок

представления доказательств в рамках гражданского процесса. Допустимыми считаются доказательства, которые актуальны, надежны и правильны. Поправки в статью 902 FRE, принятые в 2017 году, позволяют выполнять самостоятельную аутентификацию многих цифровых доказательств для сертифицированных записей, созданных с помощью электронного процесса или системы. На сегодняшний день записи блокчейна могут быть признаны допустимыми в соответствии со статьей 803 FRE в том случае, если эти данные хранились в ходе регулярной деятельности организации и запись была регулярной практикой этой деятельности.

Многие страны придерживаются позиции, что технология блокчейн может применяться как форма хранения электронных доказательств, а также являться самостоятельной новой формой электронных доказательств, исключающей необходимость нотариального заверения данных

На основании статьи 224 подраздела 7 раздела 8 Закона штата Делавэр «О корпорациях» корпорации могут вести внутренние документы и оформлять сделки, используя распределенные электронные сети и базы данных, подобная информация должна считаться допустимой и достоверной в качестве доказательства в ходе судебного процесса и приниматься для всех целей в той же степени, что и бумажная запись.

В Италии в соответствии с Законом № 12/2019 хранение электронного документа в системе блокчейн имеет те же юридические последствия, что и электронная отметка времени согласно требованиям статьи 41 Регламента (ЕС) № 910/2014, также известного как Регламент eIDAS. Регламент определяет электронную отметку времени как «данные в электронной форме, которые привязывают другие данные в электронной форме к определенному времени, устанавливая доказательства того, что последние данные существовали в то время».

В силу пункта 1 статьи 371.a Гражданского процессуального кодекса Германии от 25 февраля 2005 года электронные документы, подтвержденные квалифицированной электронной подписью, также являются средством доказывания в гражданском процессе.

На данный момент существует проект KOSMoS, финансируемый Федеральным министерством образования и исследований Германии (BMBF). На базе этого исследования формируется проект внедрения технологии блокчейн в гражданский процесс. Предлагаются следующие варианты использования технологии блокчейн: использование электронных вариантов заключений экспертов в качестве доказательств в гражданском процессе; хранение в базе

электронных заключений для дальнейшего использования в других судебных разбирательствах⁴.

Заключение эксперта является одним из средств доказывания в рамках гражданского процесса. В исследовании предлагается заключения экспертов хранить в рамках технологии блокчейн, тем самым представленные выводы не могут быть видоизменены. Вследствие использования данной системы формируется база экспертных заключений по различным спорам. Помимо высокой доказательной ценности для суда при использовании базы экспертных заключений отмечается еще одно очевидное преимущество: заключения экспертов, будучи записанными, могут быть использованы и в других схожих гражданско-правовых спорах.

Перспективы применения технологии блокчейн в гражданских процессуальных отношениях

В качестве доказательства в гражданском процессе возможны варианты применения технологии блокчейн. Так, блокчейн способен подтвердить авторские права, определить и отследить размер вознаграждения авторов (соавторов). Соответствующие гражданско-правовые споры рассматриваются судами общей юрисдикции как не связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В свою очередь, для подтверждения авторского права блокчейн будет генерировать уникальную строку на основе хеш-алгоритма и сохранять ее в распределенном сетевом реестре, что исключает внесение изменения в запись.

Так, в пункте 4 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ закреплено, что для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения. При этом всегда существует вероятность злоупотребления правом третьими лицами. Блокчейн исключает такую возможность, поскольку полностью фиксирует и подтверждает установление авторства на результаты интеллектуальной деятельности, а также его использование третьими лицами.

Технология блокчейн позволит авторам отслеживать использование и деятельность посредников по продаже результатов их интеллектуальной деятельности, как следствие, получать в полном объеме авторские отчисления. Благодаря применению данной технологии возможно отследить и сократить несанкционированное копирование произведений. Блокчейн способствует прозрачности распределения вознаграждения между автором и посредником, а

⁴ Kaulartz M., Gross J., Lichti C., Sandner P. Legal Aspects of Blockchain Technology Part 1 — Blockchain as Evidence in Court, 2020.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.06 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (Часть 1). Ст. 5496.

также соблюдению правил сотрудничества при их разработке.

Технология блокчейн также подтверждает историю продукта, фиксируя цифровой след его происхождения. В настоящее время используется платформа seal, в основе которой лежит технология блокчейн. Система отслеживает и подсчитывает товар, выполняя проверку на наличие фальсификата на рынке, оценивая качественные и количественные характеристики продукта.

Технология блокчейн способствует внедрению смарт-контрактов. Смарт-контракт является электронным договором, который согласовывается и выполняется с помощью компьютерного протокола и хранится в общедоступной базе данных, которая не может быть изменена, что делает контракт отслеживаемым и необратимым, соответственно, безопасным. Блокчейн же регулирует исполнение обязательств по договору, фиксируя хронологию действий. Использование смарт-контрактов на основе блокчейна решит проблемы с подтверждением собственности, лицензированием, распределением ответственности. Данные электронные договоры упростят взаимодействие между физическими лицами и предпринимателями. В свою очередь, смарт-контракт на основе блокчейна также будет считаться электронным доказательством в гражданском процессе.

Кроме того, технология блокчейн может использоваться для подтверждения права собственности, отслеживания цепочки поставок; способствовать заключению новых форм договоров (смарт-контрактов); контролировать процесс подрядных взаимоотношений, особенно в рамках создания цифрового объекта, и др. Видится, что в ближайшее время технология блокчейн будет внедряться во многие сферы правоотношений, вследствие чего возникнет потребность в использовании новых форм электронных доказательств.

Внедрение технологии блокчейн в систему хранения электронных доказательств повысит эффективность судебного разбирательства и работы судов в целом

Судебным прецедентом в области применения технологии блокчейн в качестве электронного доказательства авторского права является судебное дело, рассмотренное в интернет-суде Ханчжоу (КНР). Медиакомпания Huatai Yimei из Ханчжоу подала иск против технологической фирмы из Шэньчжэня за нарушение авторских прав. Существенной в рамках судебного разбирательства считалась возможность использования технологии блокчейн в качестве подтверждения авторства. Суд постановил, что использование технологии блокчейн для сбора доказательств может быть юридически целесообразным в каждом конкретном случае. Согласно пункту 11 постановления Верховного народного суда по вопросам, касающимся рассмотрения дел интернет-судами, от 07.09.18

электронные данные могут быть представлены в качестве доказательства, если стороны собирают и хранят эту информацию посредством технологии блокчейн.

Благодаря приведенному решению, принятому одним из интернет-судов, учрежденных в Китае, становится ясно, что Китай закладывает основы допустимости доказательств, связанных с применением технологии блокчейн, в судах по всему миру, в том числе в рамках гражданского процесса. После вынесения решения по данному делу суды стали ссылаться на него, отмечая возможность использования новой формы электронных доказательств, применяя ее в рамках гражданского, уголовного и арбитражного процесса.

Заключение

Рассмотренный вопрос остается дискуссионным в теории гражданско-процессуального права. Однако новые технологии активно внедряются в повседневную жизнь человека, что непосредственно влияет на потребность в новых средствах доказывания в рамках гражданского процесса.

В ходе проведенного научного исследования были изучены правовые аспекты электронных доказательств, выявлены перспективы развития средств доказывания, обозначены проблемы, требующие дальнейшего устранения и регламентации.

Проблематика истребования доказательств у процессуального оппонента и возможные варианты решения

Шматков Леонид Михайлович

Студент Санкт-Петербургского государственного университета

Представленное исследование посвящено теоретическим и практическим проблемам истребования стороной доказательств у процессуального оппонента. Как показывает международный опыт, использование рассматриваемого института не противоречит принципу состязательности, а требования обосновать необходимость его применения при должном законодательном регулировании исключают возможность злоупотребления.

В качестве возможной альтернативы складывающейся практике перераспределения бремени доказывания на сторону процесса, отказавшуюся выдать истребуемое доказательство, автором предлагается расширить сферу действия презумпции признания фактов, для установления которых требовалось данное доказательство.

Ключевые слова: истребование доказательств, принцип состязательности, привилегия против самообвинения, презумпция признания, бремя доказывания.

В августе 2021 года исполнилось сто лет со дня рождения одного из ярчайших представителей петербургской правовой школы, известного ученого в области гражданского процессуального права Надежды Александровны Чечиной. За несколько десятилетий научной деятельности на базе вновь созданной кафедры гражданского процесса ЛГУ/СПбГУ из-под ее пера вышли более ста научных работ, посвященных важным проблемам доктрины процессуального права¹. При этом, как отмечают исследователи, «научное творчество Н. А. Чечиной тематически достаточно разнообразно и вместе с тем удивительно цельно»²: ее работы посвящены вопросам гражданских правовых отношений, принципам гражданского процессуального права, тенденциям развития гражданского процесса³.

Несмотря на то что с момента опубликования первых работ Н. А. Чечиной прошло уже более полувека, ее научное творчество ничуть не утратило своей

¹ URL: <https://chechina.spb.ru>.

² Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 3.

³ URL: <https://events.spbu.ru/events/anons/chechina/bio.html>.

актуальности. Однако дальнейшее развитие системы гражданского процессуального права неминуемо влечет за собой необходимость развития ее исследований в соответствии с тенденциями современности. Так, на наш взгляд, особого внимания сегодня заслуживает тематика принципов современного гражданского процесса, в частности принципа состязательности, а именно особенностей его проявления в части доказывания и доказательств.

Принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон закреплен в статье 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). В соответствии с частью 2 указанной статьи суд должен сохранять независимость, объективность и беспристрастность при осуществлении руководства процессом; при этом суд должен оказывать лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств. Осуществление указанных полномочий судом неминуемо требует поиска баланса между принципом процессуальной активности суда и принципом судебного руководства процессом, характеризующими инициативную процессуальную деятельность суда⁴. Иными словами, суды при осуществлении правосудия должны одновременно и способствовать сторонам в реализации их прав, в том числе реализации бремени доказывания, и при этом сохранять позицию беспристрастного арбитра.

На данный момент и ГПК РФ (статья 57), и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) (статья 66) предусматривают полномочие суда оказывать содействие в истребовании стороной доказательств у своего процессуального оппонента. Возможность стороны ходатайствовать об истребовании доказательств у процессуального оппонента подтверждал также и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в пункте 61 постановления от 23.04.19 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указал, что «в случае невозможности представления доказательств истец вправе ходатайствовать об истребовании таких доказательств у ответчика или третьих лиц», а в пункте 124 того же постановления — что «у ответчика могут быть истребованы доказательства в порядке, предусмотренном статьей 57 ГПК РФ, статьей 66 АПК РФ, позволяющие установить...». Примечательно, что споры о правоотношениях, регулируемых частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, рассматриваются как судами общей юрисдикции в соответствии с положениями ГПК РФ, так и в определенных случаях арбитражными судами в соответствии с правилами АПК РФ, следовательно, вышеуказанные разъяснения Пленума

⁴ Пацация М. Ш. Принцип процессуальной активности суда или принцип судебного руководства процессом? // Закон. 2016. № 1. С. 63–75.

Верховного Суда Российской Федерации в равной степени применимы и в отношении гражданского процесса, и в отношении арбитражного процесса.

На данный момент и ГПК РФ, и АПК РФ предусматривают полномочие суда оказывать содействие в истребовании стороной доказательств у своего процессуального оппонента

Более того, статья 66 АПК РФ в отличие от статьи 57 ГПК РФ также предусматривает наложение штрафа на сторону в процессе, не представляющую истребуемые доказательства, что доктринально следует рассматривать как процессуальную санкцию за нарушение обязанности сторон проявлять уважение к суду и другим лицам, участвующим в деле (статья 159 ГПК РФ, статья 154 АПК РФ). Возможность наложения штрафа в случае неисполнения без уважительной причины лицом, участвующим в деле, требования о представлении истребуемых судом доказательств была дополнительно отмечена и в пункте 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.12.06 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству».

Однако, как показывает практика, суды достаточно вольно используют свои полномочия. Судебная практика, к сожалению, не всегда учитывает, что оказание содействия сторонам в сборе доказательств тогда, когда для них это затруднительно, представляет собой не право суда, а его обязанность, продиктованную задачей правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских и арбитражных дел (статья 2 ГПК РФ и статья 2 АПК РФ). Как отмечает М. К. Треушников, «обязанность суда собирать доказательства по своей инициативе для объективного выяснения всех обстоятельств дела в гражданском и арбитражном процессах в исковом производстве (исторически. — *Прим. авт.*) заменена функцией суда по содействию лицам, участвующим в деле, в получении доказательств путем их истребования от участвующих и не участвующих в процессе лиц»⁵.

Так, например, *Арбитражный суд Самарской области в своем недавнем решении от 12.03.20 по делу № А55-35223/2019* указал следующее: «В соответствии с частями 1 и 2 статьи 9 АПК РФ суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон... Заявляя ходатайство об истребовании доказательств у ответчика, истец фактически возлагает на ответчика обязанность доказывания собственных исковых требований, что противоречит принципу состязательности сторон, установленному статьей 9 АПК РФ».

Безусловно, невозможно согласиться с таким решением, представляющим собой «гримасу российского правосудия». В этом ключе стоит обратить внимание

⁵ Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2016. С. 56.

на положения Типовых европейских правил гражданского процесса, представленных в 2020 году Европейским институтом права совместно с УНИДРУА, которые являются результатом многолетней работы по выявлению и систематизации лучших практик в сфере гражданского процесса как англосаксонской, так и континентальной правовой семьи, а потому могут быть восприняты как образец в том числе и российским правом⁶. Так, правилом 102 этого международного правового акта предусматривается возможность истребования доказательств у противоположной стороны процесса, а в комментариях к этому правилу указывается, что архаичный принцип, согласно которому сторона судебного разбирательства не обязана давать оружие в руки своего оппонента (*nemo contra se edere tenetur*) и способствовать успеху дела своего оппонента, не должен применяться в развитых правовых системах⁷.

Отметим, что возможность истребования доказательств у процессуального оппонента, а также возможность наложения штрафа за неисполнение такой процессуальной обязанности все равно критикуется некоторыми исследователями. Так, например, В. М. Шерстюк утверждал, что «правило, возлагающее на лицо, участвующее в деле, обязанность представлять суду доказательства, подтверждающие обоснованность требований или возражений противной стороны, то есть по существу против самого себя, не соответствует принципу состязательности и должно быть пересмотрено»⁸. Кроме того, М. З. Шварц в своем раннем научном творчестве указывал, что «наложение на сторону штрафа за непредставление доказательства по требованию суда противоречит состязательному характеру процесса, фактически лишает сторону возможности защиты своих интересов и превращает право представления доказательств в обязанность»⁹. На наш взгляд, подобная критика безосновательна, так как наложение дополнительной обязанности представить истребуемое доказательство не может противоречить принципу состязательности. Как метко отмечал судья Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области И. М. Шевченко, «состязательная система

⁶ ELI/UNIDROIT Model European Rules of Civil Procedure // URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/200925-eli-unidroit-rules-e.pdf.

⁷ Дьяконова М. О. Гармонизация норм о распределении бремени доказывания на примере Типовых европейских правил гражданского процесса // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 121–136.

⁸ Шерстюк В. М. Комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процессуального права. М., 2000. С. 20.

⁹ Шварц М. З. К вопросу о предпосылках и основаниях дифференциации правового регулирования деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: Сб. науч. статей. Краснодар, 2004. С. 211–224.

правосудия сложилась в Англии и США, в связи с чем именно в этих странах принцип состязательности реализован в его классическом, рафинированном виде. Однако именно в этих странах сложилась система норм, регулирующих истребование доказательств у противоположной стороны»¹⁰.

На наш взгляд, наложение дополнительной обязанности представить истребуемое доказательство не может противоречить принципу состязательности

Как указывают другие исследователи, возможность истребования доказательств в определенных случаях может позволять стороне процесса злоупотреблять этим правом, обращаясь к процессуальному оппоненту с неоднократными требованиями о предъявлении доказательств, имеющих слабое отношение к рассматриваемому делу или не имеющих отношения к делу вовсе. В доктрине гражданского процесса США такая практика именуется «рыболовными экспедициями» (fishing expedition). Подобные множественные запросы могут заявляться как в надежде выискать компромат на противоположную сторону процесса, так и для затруднения положения процессуального оппонента: действительно, денежные и трудовые затраты на сбор истребуемых доказательств, в том числе и в интересах противоположной стороны, могут стать довольно обременительными, а подчас и вовсе неподъемными для участника процесса¹¹.

Превентивным решением против подобных «рыболовных экспедиций» является указание в законе требований к обоснованию важности истребуемых у процессуального оппонента доказательств. Такие требования аналогичным образом выражены в части 2 статьи 57 ГПК РФ и части 4 статьи 66 АПК РФ; ходатайство обязательно должно содержать следующие реквизиты: во-первых, обозначение доказательства; во-вторых, обстоятельства, которые могут быть установлены этим доказательством; в-третьих, место его нахождения; в-четвертых, причины, препятствующие его получению. Как мы видим, процессуальное законодательство требует, чтобы в ходатайстве была предельно четко указана информация о доказательстве и о его связи с рассматриваемым спором. В свою очередь, несоблюдение данного требования зачастую влечет отказ в удовлетворении ходатайства об истребовании доказательства (*постановления Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского*

¹⁰ Шевченко И. М. К вопросу об истребовании доказательств в арбитражном процессе // Российский судья. 2016. № 7. С. 16–20.

¹¹ Будылин С. Л. Рентгеновский луч права. Раскрытие доказательств в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 7. С. 56–97.

округа от 01.08.13 по делу № А58-2032/09, Федерального арбитражного суда Московского округа от 05.03.15 по делу № А40-119763/2010). Кроме того, важнейшее значение имеет требование об обосновании препятствий для самостоятельного получения доказательства, несоблюдение которого является одной из основных причин отказа в удовлетворении ходатайства об истребовании доказательства (постановления Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 07.02.13 по делу № А55-6458/2012, Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.01.13 по делу № А78-4529/2012).

Наконец, необходимо подчеркнуть, что обязанность представить истребуемое доказательство следует отличать от обязанности доказать обстоятельства, на которые участвующее в деле лицо ссылается. Проблема состоит в том, что суды нередко не различают случаи, когда сторона не представляет доказательства в своих собственных интересах. Действительно, истца или ответчика нельзя обязать доказывать, потому что доказывание — это право, а не обязанность; бремя доказывания лежит на одной стороне, однако доказательство находится у другой стороны. Очевидно, что суд не может обязать сторону представить доказательства, если речь идет о доказывании фактов в интересах этой самой стороны¹².

Обязанность представить истребуемое доказательство следует отличать от обязанности доказать обстоятельства, на которые участвующее в деле лицо ссылается
--

Таким образом, отказ суда удовлетворить ходатайство об истребовании доказательств, необходимых для разрешения спора, при соблюдении стороной всех требований, установленных гражданским и арбитражным процессуальным законодательством, несомненно, является разновидностью нарушения права на судебную защиту. Настоящим камнем преткновения при истребовании доказательств служит тот факт, что российский правопорядок долгое время не может четко и недвусмысленно соотнести возможность одной стороны истребовать у оппонента доказательства для выполнения собственного бремени доказывания и право процессуального оппонента не свидетельствовать против себя.

Право не свидетельствовать против себя закреплено в статье 51 Конституции Российской Федерации и, в отличие от международного

¹² Заинчуковская Е. К вопросу об истребовании доказательств у процессуального оппонента. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/28/k_voprosu_ob_istrebovanii_dokazatelstv_u_processualnogo_opponenta.

законодательства (например, статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года), предусматривает право не свидетельствовать не только против себя, но и против своего супруга и своих близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. При этом перечень лиц, относящихся по смыслу рассматриваемого права к кругу близких родственников, содержится лишь в пункте 4 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а ГПК РФ или АПК РФ аналогичных разъяснений не содержат. Право не свидетельствовать против себя закрепляет намного более широкую гарантию, нежели может показаться при буквальном прочтении статьи 51 Конституции Российской Федерации. Так, «свидетельствовать» по смыслу конституционной нормы означает не только давать показания в качестве свидетеля, но и предоставлять любую иную доказательственную информацию об обстоятельствах и фактах, а также указывать на источник этой информации¹³. В этом отношении ссылка стороны гражданского или арбитражного процесса на право не свидетельствовать против себя может полностью блокировать истребование доказательств, необходимых для исполнения бремени доказывания другой стороны, что может ставить под вопрос саму возможность осуществления судом правосудия.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» в абзаце первом пункта 18 содержит разъяснение конституционного положения, закрепляющего право не свидетельствовать против себя: «При рассмотрении гражданских и уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях судам необходимо исходить из того, что в соответствии со статьей 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». Из этого разъяснения следует, что право не свидетельствовать против себя действует равно и в уголовном, и в гражданском процессе. Однако в абзаце втором пункта 18 названного постановления принцип действия права не свидетельствовать против себя раскрывается лишь применительно к уголовному процессу: указывается, что лицу должно быть обязательно разъяснено его право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников. Остается неясным, как именно это положение должно применяться в гражданском процессе.

¹³ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 459–460.

Ссылка	стороны	гражданского	или
арбитражного	процесса	на право	не
свидетельствовать	против себя	может полностью	
блокировать	истребование	доказательств	

Такой пробел сравнительно недавно постарался восполнить Конституционный Суд Российской Федерации, который в пункте 2.2 определения от 27.03.18 № 741-О указал, что «не нарушают конституционных прав заявителя и положения статьи 205 АПК РФ в части, не содержащей положений, обязывающих арбитражный суд разъяснять лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, его процессуальных прав, поскольку такая обязанность установлена иными нормами данного Кодекса... прямо предписывающими суду разъяснять лицам, участвующим в деле, и иным участникам арбитражного процесса их процессуальные права и обязанности, включая право, предусмотренное статьей 51 Конституции Российской Федерации... предупреждать о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий».

Но как же вышеуказанные позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации могут соотноситься с рассмотренными ранее положениями законодательства и судебной практики, предусматривающими не только возможность истребовать доказательства, но и накладывать штраф за их непредставление без уважительных на то причин? Многочисленные противоречия в законодательстве, судебной практике и доктрине гражданского процессуального права не разрешают накопившиеся вопросы, а лишь ставят обозначенную проблему еще острее: действует ли все-таки право не свидетельствовать против себя в гражданском и арбитражном процессе и, что более важно, должно ли оно в принципе действовать?

Безусловно, положения статьи 51 Конституции Российской Федерации не являются новеллой в мировой истории развития института защиты личных прав и свобод человека. Впервые право не свидетельствовать против себя и своих близких было установлено в пятой поправке к Конституции США, которая гласит: «No person... shall be compelled in any criminal case to be a witness against himself»¹⁴, что следует перевести как «ни одно лицо не должно... принуждаться в каком-либо уголовном деле свидетельствовать против себя». Данный принцип в американском праве получил название «привилегии против самообвинения» и был существенно развит путем судебного толкования.

Из буквального толкования вышеуказанных положений законодательства и судебной практики можно сделать вывод о том, что американская модель конституционной нормы по своему объему намного уже российской модели, поскольку действует исключительно в уголовном процессе. Впрочем, это не

¹⁴ Constitution of the United States // URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/>.

совсем так: определенная степень расширительного толкования все же присутствует. Например, в американском правопорядке на право не давать показания можно сослаться в любом производстве, но только если предполагается дача показаний, которые впоследствии могут быть использованы в уголовном процессе против давшего эти самые показания лица (*McCarthy v. Arndstein*, 266 U.S. 34 (1924))¹⁵; при этом стадия производства, в период которой существует возможность сослаться на привилегию против самообвинения, может быть абсолютно любой: как судебной, так и досудебной¹⁶. Такой подход к определению баланса личных прав и интересов судопроизводства представляется нам наиболее успешным, а потому пригодным для заимствования в российский правопорядок.

Более того, хотя привилегией против самообвинения обладают не только обвиняемые в совершении уголовного преступления, но и свидетели, последних все же могут принудить давать такие показания, если это требуется стороне обвинения, при этом прокурор должен предоставлять им определенный иммунитет от уголовного преследования на основе показаний, которые вынуждают давать. В таком случае свидетели лишены права отказаться от дачи показаний, так как предоставляемый иммунитет лишает их показания самоинкриминирующих свойств; в противном случае отказавшийся от дачи показаний свидетель может понести соответствующее наказание «за неуважение к суду»¹⁷. Кроме того, существуют и иные ограничения сферы применения привилегии против самообвинения. Так, например, в решении по делу *United States v. Balsys*, 524 U.S. 666 (1998) Верховный Суд США и вовсе указал, что опасение перед потенциальным уголовным преследованием по законодательству иностранного государства не признается достаточным основанием для использования привилегии против самообвинения¹⁸.

Исъятия из сферы применения привилегии против самообвинения в американском правопорядке предусмотрены не только в случаях возникновения угрозы уголовного преследования. Так, общее право *a priori* исходит из того, что муж и жена составляют некое юридическое единство, так называемую брачную единицу (*marital unit*), а потому они вправе не свидетельствовать против друг друга; однако далеко не каждый штат в США предоставляет свидетельский иммунитет для супругов, а те штаты, которые все-таки предоставляют подобный иммунитет, предусматривают исключения из него по воле супругов (в зависимости от конкретного штата — по воле обоих супругов либо одного из них) или даже по воле стороны обвинения¹⁹. Полагаем, такое правовое решение

¹⁵ URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/266/34/>.

¹⁶ Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. С. 509–511.

¹⁷ Там же.

¹⁸ URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/524/666/>.

¹⁹ Шумилов В. М. Правовая система США: Учеб. пособие. М.: Междунар. отношения, 2006. С. 287–288.

связано с тем, что на практике в спорах, вытекающих из семейных правоотношений, объяснения сторон как доказательства используются чаще, чем в других делах, что обосновывается тесными межличностными взаимоотношениями тяжущихся сторон.

Нетрудно заметить, что право не свидетельствовать против себя в стране своего происхождения понимается в более узком смысле, чем понимают его страны-реципиенты; более того, западный правовой порядок неуклонно сужает сферы применения этого права. Приведенные выводы в равной степени характерны не только для американского правового порядка, но и для английского, например. Так же как и в США, в Англии существуют правовые нормы, позволяющие свидетелю по собственной инициативе или по инициативе заинтересованной в том стороны отказаться предоставлять суду определенного рода информацию; такое право также носит название привилегий и доктринально подразделяется на публичные привилегии (*public privilege*), императивно закрепляющие запрет предоставления информации, и частные привилегии (*private privilege*), дающие лишь право не выдавать информацию.

Тенденция развития английского гражданского процессуального права такова, что количество частных привилегий неуклонно уменьшается. Так, статья 16 Закона о доказательствах 1968 года отменила целый ряд привилегий, в том числе была упразднена привилегия, позволявшая ранее не раскрывать сведений по мотиву угрозы потери какого-либо правомочия. В соответствии с этим законом под *incrimination* должно пониматься только создание угрозы уголовного преследования или опасности возобновления отбывания наказания; к тому же закон уточнил, что отказ дать показания можно обосновать лишь ссылкой на английское уголовное законодательство. В дополнение к этому привилегия против саморазоблачения по гражданским делам некоторых категорий аннулирована специальными нормами: так, например, при рассмотрении исков по делам о возмещении имущественного вреда, вытекающего из преступлений, направленных против права собственности (хищение, повреждение, уничтожение имущества), сторона и свидетель лишены права отклонять запросы суда или противоположной стороны²⁰.

Таким образом, в гражданском и арбитражном процессах не может предусматриваться право какой бы то ни было стороны не свидетельствовать против самого себя, поскольку таким правом частный субъект наделяется только в вертикальных, частно-публичных правоотношениях.

Как и в любом другом правовом порядке, в Англии свидетельские показания широко используются в качестве средств доказывания; но в отличие от правовых порядков континентальной правовой семьи в общем праве Англии к свидетельским показаниям также относятся объяснения сторон и заключения

²⁰ Гражданский процесс зарубежных стран / В. К. Пучинский; под ред. В. В. Безбаха. М.: Зерцало, 2007. С. 254.

экспертов, хоть за ними и признается ряд специфических черт. Одним из главных достоинств такого подхода следует признать возможность принудительного вызова в суд указанных лиц. Традиционно существует два вида направлений, которые могут быть адресованы лицу, уклоняющемуся от посещения судебного заседания: во-первых, это вызов в суд для дачи показаний (*subpoena ad testificandum*), во-вторых, это вызов для предоставления указанных в направлении документов (*subpoena duces tecum*). Такое направление выдается заинтересованной стороне, которая обязана вручить его своему процессуальному оппоненту в течение ограниченного периода времени, после чего оно является действительным до момента завершения судебного разбирательства. В свою очередь, неподчинение судебному предписанию образует состав преступления, именуемого оскорблением суда (*contempt of court*)²¹. Отметим, что подобное регулирование свойственно и для правопорядка США²².

Как указывают исследователи гражданского процесса зарубежных стран, «отнесение объяснений сторон к показаниям свидетелей в наибольшей степени соответствует их природе: именно они являются носителями наиболее полной информации о происходивших событиях»²³. При этом заинтересованность сторон не может являться препятствием для их допроса в качестве свидетелей, тем более что в таком случае на них распространяются общие правила дачи свидетельских показаний и проверки их на предмет достоверности. Например, в английском процессе как заинтересованные стороны, так и незаинтересованные свидетели должны приносить клятву правдивости сообщаемых ими сведений, нарушение которой влечет юридическую ответственность вплоть до уголовной²⁴. Как мы помним, российский правопорядок не предусматривает какой-либо ответственности за дачу заведомо ложных показаний стороной в гражданском процессе, что дает сторонам процесса чуть ли не карт-бланш на искажение фактических обстоятельств дела в благоприятном для них свете. В свою очередь, помимо принесения клятвы, общее право предусматривает в качестве средств проверки достоверности показаний возможность перекрестного допроса и подрыва доверия стороны в гражданском процессе²⁵.

Приравнивание статуса свидетелей к статусу сторон процесса, пусть даже только в отношении получения доказательств, нам видится все же излишней мерой применительно к странам континентального права. Например, по ранее действовавшему законодательству Франции стороны по делу также могли быть допрошены в качестве свидетелей, однако в новом французском Гражданском

²¹ Там же. С. 256–259.

²² Гражданский процесс зарубежных стран: Учеб. пособие / С. А. Алехина и др.; под ред. А. Г. Давтян. М.: Проспект, 2008. С. 295–296.

²³ Там же. С. 223.

²⁴ Там же. С. 222–223.

²⁵ Там же. С. 296.

процессуальном кодексе от 1975 года такая норма не сохранилась²⁶. Кроме того, Европейский суд по правам человека в своем постановлении от 27.10.1993 по делу «Домбо-Бехеер» против Нидерландов» указал на прямой запрет выслушивать стороны в качестве свидетелей²⁷. В свою очередь, возможность обязывания сторон явкой в судебное заседание представляется необходимой мерой для целей установления судом истины по делу; не случайно в статье 184 Гражданского процессуального кодекса Франции сохраняется положение, предусматривающее право судьи обязать стороны или одну из них явиться в суд лично.

В этом смысле следует еще раз подчеркнуть разграничение обязанности сторон представлять истребуемые у них доказательства и бремени доказывания, которое возлагает на стороны правомочие представлять собственные доказательства. Если бремя доказывания имеет своим основанием частноправовое начало, то обязанность представлять доказательства характеризуется публично-правовой природой, проистекающей из публично-правовых обязанностей обеих сторон процесса исполнять законные требования суда и всеми возможностями содействовать процессу. Такая модель характерна для стран, воспринявших публично-правовой концепт гражданского процесса (немецко-австрийская модель), но российский правопорядок не воспринял данный концепт: исторически сложилось так, что обязанность доказывания в России строилась на частноправовом начале, определенном заинтересованностью сторон в разрешении дела, а не на публично-правовом, связанном с обеспечением порядка как цели процесса²⁸.

Иными словами, сторона процесса должна иметь право обязать явкой в суд процессуального оппонента в целях истребования у него необходимых доказательств для выполнения собственного бремени доказывания, но никак не в целях принуждения оппонента к защите собственной позиции по делу, представления собственных доказательств. На практике такое разграничение доказательств может быть затруднительно, так как стороны ведут спор относительно одних и тех же фактических обстоятельств, однако эта проблематика является скорее вопросом правоприменения, а потому ее следует оставить для других исследований.

Отметим, что даже в случае удовлетворения судом ходатайства стороны об истребовании доказательств у процессуального оппонента и обязанности того явкой в судебное заседание процессуальный оппонент может фактически отказаться представлять истребуемые доказательства, тем самым продолжая

²⁶ Гражданский процесс зарубежных стран (Франция и Англия): Учеб. пособие для аспирантов / Отв. ред. В. Ю. Кулакова. М.: Проспект, 2017. С. 59.

²⁷ URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22kdate%22:\[%221993-10-27T00:00:00.0Z%22,%221993-10-27T00:00:00.0Z%22\],%22itemid%22:\[%22001-57850%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22kdate%22:[%221993-10-27T00:00:00.0Z%22,%221993-10-27T00:00:00.0Z%22],%22itemid%22:[%22001-57850%22]}).

²⁸ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. С. 446–448.

препятствовать установлению истины по делу, если такое установление не является выгодным для него. Безусловно, подобное поведение стороны должно быть признано судом противоправным и на эту сторону должен быть наложен штраф (пункты 3, 4 статьи 57 ГПК РФ, пункты 9, 11 статьи 66 АПК РФ). Однако наложение штрафа зачастую не решает проблемы ни в гражданском, ни тем более в арбитражном процессе. Как отмечает М. З. Шварц, «цена» доказательства в арбитражном процессе может составлять миллионы долларов, в сравнении с которыми штраф за его непредставление является ничтожным (статья 119 АПК РФ); стороне может быть выгодно уплатить штраф, в том числе повторный, но не выдать суду доказательство»²⁹. Кроме того, М. З. Шварц справедливо указывает на то, что наложение штрафа, тем более неоднократно, неминуемо влечет затягивание процесса³⁰. Но что же остается предпринимать в такой ситуации?

Возможным вариантом решения проблемы видится использование так называемой презумпции признания, в соответствии с которой непредставление истребуемого доказательства может или должно стать основанием для вывода о фактах, для установления которых истребовалось это доказательство. Единственной законодательно закрепленной презумпцией признания в российском процессуальном праве сегодня является установленное в части 3 статьи 79 ГПК РФ право суда при уклонении стороны от участия в экспертизе признать тот факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым в зависимости от того, какая именно сторона уклоняется от экспертизы. Как отмечал М. К. Треушников, «в этой норме существование или отсутствие факта, для установления которого назначена экспертиза, поставлено в непосредственную зависимость от поведения стороны»³¹.

Данная презумпция признания распространяет свое действие исключительно в сфере получения такого вида доказательств, как экспертное заключение. В свою очередь, АПК РФ вовсе не содержит каких-либо правовых норм, предусматривающих использование признательной презумпции. Безусловно, можно себе представить возможность использования рассматриваемой презумпции в гражданском процессе по аналогии к иным видам доказательств, например письменным и вещественным доказательствам, благо аналогия закона предусмотрена частью 4 статьи 1 ГПК РФ, а также в арбитражном процессе, так как часть 5 статьи 3 АПК РФ предусматривает аналогию права. Однако хотя бы даже скудная судебная практика применения

²⁹ Шварц М. З. Указ соч. С. 220.

³⁰ Там же.

³¹ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. М. К. Треушникова, В. М. Жуйкова. М.: Городец, 2003. С. 232.

положений части 3 статьи 79 ГПК РФ по аналогии к другим видам истребуемых доказательств на данный момент отсутствует.

Возможно, что такое положение дел обусловлено определенной степенью скепсиса правоприменителей по отношению к механизму действия презумпции признания. Например, в 2010 году в Конституционный Суд Российской Федерации обратился гражданин с жалобой на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 79 ГПК РФ. Как он указал в заявлении, применение презумпции, содержащейся в указанной части закона, лишает одну из сторон в деле об установлении отцовства права на приведение любых доводов в свою защиту, кроме прохождения генетической экспертизы (а уклонение от экспертизы установления отцовства, как показывает практика, является наиболее распространенным случаем применения части 3 статьи 79 ГПК РФ). В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 16.12.10 № 1642-О-О абсолютно справедливо указал, что «данная норма... определяет полномочия суда по установлению обстоятельств, имеющих значение для дела, в случаях уклонения одной из сторон от выполнения процессуальных обязанностей и требований суда. Поскольку она направлена на пресечение препятствующих осуществлению правосудия действий (бездействия) недобросовестной стороны и обеспечение дальнейших судебных процедур, ее применение обусловлено установлением и исследованием фактических обстоятельств конкретного дела». Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации указал сразу на два важнейших взаимосвязанных свойства презумпции признания: во-первых, она пресекает недобросовестное поведение, препятствующее осуществлению правосудия; во-вторых, она тем самым способствует установлению фактических обстоятельств конкретного дела, то есть истины по делу.

Презумпция	признания	пресекает
недобросовестное	поведение,	препятствующее
осуществлению	правосудия,	и способствует
установлению	фактических	обстоятельств
конкретного дела		

Примечательно, что презумпция признания как специальная процессуальная санкция известна российскому правопорядку вот уже более полувека. Так, статьи 64 и 69 ГПК РСФСР 1964 года предусматривали возможность истребования письменных и вещественных доказательств соответственно, а статьи 65 и 70 ГПК РСФСР устанавливали обязанность представления этих доказательств под угрозой признания содержащихся в них сведений. Согласно указанным положениям ГПК РСФСР в отношении стороны, которая удерживает у себя и не представляет по требованию суда письменное или вещественное доказательство, суд был вправе установить, что

содержащиеся в них сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, стороной признаны. Получается, что современный ГПК РФ в рассматриваемом отношении сделал значительный «шаг назад» по сравнению со своим предшественником. Безусловно, и ГПК РСФСР нельзя признать идеальным примером законодательного закрепления презумпции: устанавливая в качестве доказательств по делу любые фактические данные, на основе которых суд может установить наличие или отсутствие обстоятельств, этот Кодекс регламентировал возможность истребования и использование презумпции признания только применительно к вещественным и письменным доказательствам.

Обратим внимание, что ряд правовых порядков постсоветских государств, в отличие от российского, продолжили развитие института признательной презумпции, распространив сферу его действия на все виды доказательств. Так, например, пункт 10 статьи 84 Гражданского процессуального кодекса Украины и пункт 10 статьи 81 Хозяйственного процессуального кодекса Украины содержат идентичные положения о том, что в случае непредставления участником дела по неуважительным причинам или без объяснения причин доказательств, истребованных судом, суд может признать обстоятельство, для выяснения которого истребовалось доказательство^{32,33}. Как видим, приведенный правовой текст оставляет правоприменителю возможность истолковать заключенную в нем норму права так, что использование презумпции признания должно зависеть от усмотрения суда; представляется, что такой подход является не лучшим решением с точки зрения юридической техники.

Указанные положения украинского процессуального законодательства неоднократно становились предметом разъяснения Верховного Суда Украины, и в этом смысле примечательно, какую роль в процессе установления истины по делу отводит презумпции признания высшая судебная инстанция. Так, отмечалось, что общими требованиями процессуального права, закрепленными в статье 84 Гражданского процессуального кодекса Украины, определена обязательность установления судом при разрешении спора обстоятельств, имеющих значение для дела, предоставления им юридической оценки, а также оценки всех доказательств, из которых суд исходил при принятии решения по иску; без выполнения этих процессуальных действий принять законное и обоснованное решение по делу невозможно (постановления Судебной палаты по хозяйственным делам Верховного Суда Украины от 12.10.16 № 924/1025/14, 3-527гс16; от 25.05.16 № 910/6279/15-г, 3-254гс16; от 25.05.16 № 908/5508/14, 3-477г16). Иными словами, Верховный Суд Украины в своих решениях неоднократно подчеркивал, что использование судами правового механизма презумпции признания является необходимым условием для последующего принятия законного и обоснованного решения по делу.

³² URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418564.

³³ URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418667.

В отличие от украинского процессуального законодательства Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан применительно к презумпции признания содержит однозначно императивную формулировку об обязательности применения рассматриваемого положения, которая исключает возможность некорректного толкования. Так, в соответствии с пунктом 9 статьи 73 данного Кодекса, если сторона удерживает у себя истребуемое судом доказательство и не представляет его по запросу суда в установленный судом срок, предполагается, что содержащиеся в нем сведения направлены против интересов этой стороны и считаются ею признанными³⁴. По мнению автора, такое текстуальное выражение правовой нормы можно считать образцовым, а потому пригодным для рецепции в российское процессуальное законодательство.

Законодательства западных государств, как правило, также содержат презумпцию признания. Например, в правиле 37 кодифицированного нормативного правового акта США, регулирующего гражданское судопроизводство, — Federal Rules of Civil Procedure — указываются следующие виды санкций: признание тех или иных фактов установленными или даже окончательное разрешение дела в пользу противоположной стороны, взыскание судебных расходов с другой стороны, а также наказание за неподчинение суду вплоть до тюремного заключения³⁵.

Необходимость законодательного введения презумпции признания в ГПК РФ и АПК РФ диктуется потребностью в пресечении недобросовестного и противоправного поведения стороны процесса, которая может быть не заинтересована в установлении определенных фактических обстоятельств по делу. Мы уверены, что такое решение способно послужить не только эффективным средством противодействия «заволокичиванию» судопроизводства, но и гарантией принятия правосудных решений в гражданском и арбитражном процессах. При внесении соответствующих изменений в процессуальное законодательство предпочтительным вариантом представляется использование императивного оборота об обязанности суда применять в необходимых случаях презумпцию признания, дабы избежать случаев фразивного толкования правоприменителем новых правовых норм.

Необходимость законодательного введения презумпции признания в ГПК РФ и АПК РФ диктуется потребностью в пресечении недобросовестного и противоправного поведения стороны процесса

³⁴ URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=34329053#pos=2;-140.

³⁵ URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/federal_rules_of_civil_procedure_-_december_2020_0.pdf.

В качестве возможной альтернативы применению презумпции признания правоприменительная практика все чаще использует перераспределение бремени доказывания. Так, в 2012 году Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации рассматривал известное дело с участием генерального директора ОАО «Кировский завод» С., который создал дочернее общество — ООО «Путиловский литейный завод» — и приобрел через него по завышенной цене долю в уставном капитале ООО «Сигма-инвест», участниками которого в том числе являлись С. и его мать. Как указал Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 06.03.12 № 12505/11, ожидаемым поведением абстрактного директора является раскрытие акционерам общества полной информации об условиях взаимосвязанных сделок, чего генеральный директор завода не сделал ни в период совершения указанных сделок, ни в ходе судебного разбирательства. По мнению суда, указанные обстоятельства должны переносить на С. бремя доказывания: именно генеральному директору, действующему с потенциальным конфликтом интересов, надлежало доказать, что указанные сделки были совершены в интересах юридических лиц, а не в его частных финансовых интересах.

Такое «революционное» решение по конкретному делу стало важным судебным прецедентом, заложившим основы для последующего разрешения аналогичных дел. Уже спустя год в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.13 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» будет указано, что «в случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты, если суд сочтет такое поведение директора недобросовестным (статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации), бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно может быть возложено судом на директора».

Дальнейшее развитие судебной практики приведет к распространению института перераспределения бремени доказывания и на споры по иным правоотношениям.

Например, Верховный Суд Российской Федерации в пункте 32 Обзора судебной практики № 3 (2017) указал следующее: «Возможность конкурсных кредиторов в деле о банкротстве доказать необоснованность требования другого кредитора, подтвержденного решением третейского суда, обычно объективным образом ограничена, поэтому предъявление к ним высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. При рассмотрении подобных споров конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства *prima facie*, подтвердив существенность сомнений в наличии долга. При этом другой стороне, настаивающей на наличии долга, присужденного третейским судом, не должно составлять затруднений опровергнуть указанные

сомнения, поскольку именно она должна обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником».

В качестве возможной альтернативы применению презумпции признания правоприменительная практика все чаще использует перераспределение бремени доказывания

Как видим, судебная практика начинает постепенно воспринимать институт перераспределения доказывания. Однако в ряде современных публикаций отмечается, что российскому процессу исторически не свойственен переход бремени доказывания в ходе рассмотрения дела. Как указывает, например, С. Л. Будылин, комментируя рассмотренное ранее постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по делу ОАО «Кировский завод», «подобное правило (своеобразный пинг-понг с бременем доказывания) знакомо нам из американского процессуального права. Однако для российских судов это нечто ранее неслыханное»³⁶.

Действительно, перераспределение бремени доказывания характерно в первую очередь для американского процессуального права, при этом оно отличается от привычного российского понимания. Так, в американском праве проводится различие между бременем доказывания или убеждения (*onus probandi*) и бременем утверждения или представления (*onus proferendi*). Если в первом случае имеется в виду изначальное распределение обязанности доказывания определенных фактов, которое регулируется нормами материального права и остается неизменным в ходе судебного процесса, то во втором случае речь идет о представлении необходимых доказательств, которые позволяют вынести решение, если их не опроверг процессуальный оппонент. Именно бремя представления доказательств может перемещаться в ходе судебного процесса в США³⁷. Более того, подобный вывод можно встретить и в ранее упомянутых Типовых европейских правилах гражданского процесса³⁸. В свою очередь, российское процессуальное законодательство рассматривает обязанность обосновать свое исковое заявление и представить доказательства как единое бремя доказывания, что следует из положений пункта 5 части 2 статьи 131 ГПК РФ, пункта 5 части 2 статьи 125 АПК РФ. Получается, что даже

³⁶ Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 4. С. 53.

³⁷ Смольников Д. И. Переход бремени доказывания в гражданском судопроизводстве: игра в пинг-понг или стрельба из лука? // Закон. 2019. № 1. С. 138–148.

³⁸ ELI/UNIDROIT Model European Rules of Civil Procedure // URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/200925-eli-unidroit-rules-e.pdf.

«динамичная» модель доказывания в системе общего права не подразумевает перераспределение доказательственного бремени в том широком смысле, в котором оно предусматривается в «статичной» российской модели.

Такая ситуация не может не быть подвергнута обоснованной критике. В первую очередь следует указать, что в случае, когда позволено перемещать бремя доказывания, и суду, и тем более участвующим в деле лицам становится затруднительно определить, кто и что именно должен доказывать. К тому же процессуальное оформление неоднократного перемещения бремени доказывания способно приводить к значительному усложнению формальной регламентации процесса. Исходя из этих рассуждений, бремя доказывания следует рассматривать как исключительно стабильное, не динамичное явление, которое должно быть определено судом в самом начале процесса.

Помимо этого, некоторые исследователи считают, что приведенные примеры судебной практики вовсе не свидетельствуют о наличии в российском правовом порядке института перераспределения доказательственного бремени, а демонстрируют лишь его первичное распределение. Так, например, в «Курсе доказательственного права» справедливо, на наш взгляд, указывается следующее: «Авторы, допускающие возможность изменения доказательственного бремени в результате анализа доказательств, на самом деле рассматривают вопрос о фактической ситуации в доказывании по конкретному делу. Эта ситуация действительно динамична и меняется в связи с появлением новых доказательств. Однако в данном случае речь идет не о перераспределении доказательственных обязанностей, а о предварительной оценке имеющихся доказательств и предварительных выводах, из них вытекающих»³⁹.

Как указывала Н. А. Чечина, «добросовестное поведение каждой стороны в процессе обеспечивает нормальную деятельность суда и всех участвующих в процессе лиц, способствует выяснению материальной (объективной) истины в каждом деле и одновременно с этим гарантирует возможность осуществления процессуальных прав другой стороны, обеспечивает ее интерес в скором и правильном рассмотрении дела»⁴⁰. Представляется, что предложенная нами система разрешения проблематики истребования доказательств у процессуального оппонента в гражданском и арбитражном процессах может явиться гарантом соблюдения добросовестного поведения каждой стороной, а потому в полной мере соотносится с высказыванием Н. А. Чечиной. Однако предложенные идеи все же не следует рассматривать как единственно верные, а потому исключая все возможные иные варианты. Представленное автором исследование не претендует на достижение абсолютной истины, а лишь

³⁹ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / Под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2019. С. 154.

⁴⁰ Чечина Н. А. Указ соч. С. 44.

стремится максимально приблизиться к ней. Но автор полагает, что это исследование может послужить благодатной почвой для дальнейшего обсуждения рассматриваемого вопроса, и надеется, что оно внесет определенный вклад в развитие учения Н. А. Чечиной о принципах гражданского процесса.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА

АРБИТРАЖНЫЕ СПОРЫ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ООО «КАДИС»

Тел.: +7 (812) 493-54-66, 575-00-84

E-mail: fas@kadis.ru

В МОСКВЕ

ООО «УРАЛ-ПРЕСС»

Тел.: 8 (499) 391-68-21 (доб. 3105)

E-mail: e_timoshenkova@ural-press.ru

Журнал «Арбитражные споры» приглашает юристов к сотрудничеству.

Мы принимаем к рассмотрению ранее не опубликованные материалы, темы которых соответствуют общей направленности издания.

Все материалы просим присылать в редакцию по электронной почте pilipenko_a@kadis.ru

Объем материалов — до 80 тыс. знаков

Авторов просим сообщать о себе следующие данные: фамилию, имя, отчество, место работы и должность, ученую степень, почетные звания (всё на русском и английском языках), контактные данные (номер телефона, e-mail).

Также к материалу необходимо приложить ключевые слова и аннотацию (на русском и английском языках).

Вопрос о публикации решается редакционным советом журнала.

По факту публикации авторам выплачивается гонорар.

© ООО «КАДИС». 2022 г.

При перепечатке авторских материалов и их фрагментов ссылка на журнал «Арбитражные споры» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакционного совета.